

Геннадий Григорьевич Красухин

Комментарий. Не только литературные нравы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274052

Комментарий. Не только литературные нравы. : Языки славянской культуры; Москва; 2008
ISBN 5-9551-0227-2

Аннотация

Новые мемуары Геннадия Красухина написаны как комментарий к одному стихотворению. Что это за стихотворение и почему его строки определили построение книги, читатель узнает на первых страницах. А каким образом долгая работа в «Литературной газете» и в других изданиях, знакомство с известными писателями, воспоминания и размышления о вчерашней и сегодняшней жизни переплетаются с мотивами стихотворения, автор которого годится автору книги во внуки, раскрывает каждая её глава.

Дневниковая основа мемуаров потребовала завершить рассказ о происходящем, каким оно сложилось к 9 декабря 2006 года, когда в книге была поставлена точка.

Содержание

До того достало	4
Что бабки оседают у жлобов	6
Что старики аскают по вокзалам	37
Что «православный» значит «бей жидов»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Геннадий Григорьевич Красухин

Комментарий. Не только литературные нравы

Прошлое России было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдёт всё, что может себе представить воображение самое смелое: вот с какой точки зрения должно рассматривать и писать русскую историю.

А. Х. Бенкендорф, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант

Ничего у нас в стране не бывает реальнее и продолжительнее, чем нелепости, освящённые властью.

Александр Нилин «Стрельцов: Человек без локтей»

*Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.*

Роберт Бёрнс (перевод С. Маришака)

До того достало

По понедельникам и четвергам я получаю «Новую газету», которую, как правило, с интересом читаю. Ничто не предвещало **события**, когда 8 июня 2006 года, я развернул свежий номер «Новой». А оно меня ждало. И как раз там, где меньше всего можно было это предполагать, – в небольшой поэтической подборке молодых поэтов.

Молодые поэты, в изобилии печатающиеся в периодике и сети, сейчас настолько плохи, что этот газетный лист я бы равнодушно перелистнул, если б не заголовок одного стихотворения «Шекспир. Сонет 66». Не прочесть сонета, который переводили крупные, даже великие русские мастера прошлого и позапрошлого веков, я просто не мог: это как узнать, что неизвестный тебе исполнитель играет знакомую до последней ноты мелодию, – послушаешь хотя бы из простого любопытства. Допустить, что некий Сергей Шабуцкий перевёл Шекспира выразительней Пастернака, мне, разумеется, и в голову не пришло. Точнее, Пастернак не переводил Шекспиров сонет, он писал по его мотивам. Но и Шабуцкий написал по мотивам сонета 66 Шекспира. Написал, как и Пастернак, 14 строчек оригинального стихотворения.

Так что же, Шабуцкий оказался выразительнее Пастернака? Я бы так вопрос не ставил. Для меня несомненно одно: стихотворение Сергея Шабуцкого – редчайший нынче случай настоящей поэзии. Его удивительная интонация передалась мне, зазвучала во мне. И я (чего со мной уже очень давно не было) заболел им. Вытвердил его наизусть и твержу, твержу про себя:

Когда ж я сдохну! До того достало,
Что бабки оседают у жлобов,
Что старики аскают по вокзалам,
Что «православный» значит «бей жидов».

Что побратались мент и бандюган,
Что колесят шестёрки в «шестисотых»,
Что в загс приходят по любви к деньгам,
Что лёг народ с восторгом под сексотов.
Что делают бестселлер из говна,
Что проходимец лепит монументы,
Что музыкант играет паханам,
Что учит жить быдлак интеллигента.
Другой бы сдох к пятнадцати годам —
А я вам пережить меня не дам.

Такое впечатление, что Сергей Шабуцкий подслушал мои чувства. Только вот озвучил их по-своему, на сленге своего поколения. Что, конечно, понятно: он ведь о своих, а не о моих ощущениях написал. У каждого своя жизнь. И у каждого поколения своя. И вот до того достало меня стихотворение Шабуцкого, что захотелось мне рассказать о своей жизни, отталкиваясь от каждой его строчки. Причём захотелось написать не только о прошлой моей жизни, не только о нынешней, но о сиюминутной – о том, что происходило со мной и вокруг меня прежде, теперь, сейчас. Начинаю эту рукопись 29 июня 2006 года. Заканчиваю (это я вернулся к началу, после того как поставил заключительную точку) 9 декабря 2006 года. Так что не удивляйтесь моим выпискам из прессы, ссылкам на журналистов, политиков, чиновников, общественных деятелей, церковных служителей, деятелей искусства и науки, полемике с теми, кто выступал в этот период времени по телевидению, радио, в сети. Чем жил, о том и написал – откомментировал каждую строчку стихотворения Сергея Шабуцкого на свой лад. Хочется надеяться, что поэт на меня за это не обидится.

Что бабки оседают у жлобов

«У, жлобина!» – говорили в моём детстве о том, кто никогда не даст тебе покататься на своём самокате и вообще ничем с тобой не поделится, сколько ты его не упрашивай!

Помню покойную мою матушку, которая раз в неделю доставала откуда-то из груды белья в шкафу сшитый ею мешок (он затягивался резинкой-веревкой), развязывала его и сперва пересчитывала аккуратные пачки сотенных (при Сталине), десяток (при Хрущеве). Потом вскрывала пачку и считала ее: девять банкнот, безукоризненно скреплённых посередине идеально сложенной пополам десятой. Жили мы вчетвером (был ещё младший мой брат) бедно: отец на заводе получал 1200 рублей (120 – хрущевских), мать в детском саду – 500 (50 при Хрущеве). А, скажем, телевизор КВН-49 с экраном размера теперешнего маленького персонального компьютера стоил 1250 рублей. Да ещё сколько-то (не помню) стоила линза к нему. Тем не менее, похороны Сталина я смотрел уже по этому телевизору. Питались мы плохо, постельного белья в доме почти не было: мать экономила на всём. Не для того, чтобы купить телевизор или шубу. А потому, что не любила расставаться с деньгами. Так и вижу её склонившейся над своим мешком, куда непременно раз в месяц следовали добавления. А чтобы следовали, каждый вечер мать брала лист бумаги, записывала все ежедневные расходы и заставляла меня пересчитывать: выходить за пределы определённого матушкой лимита было делом совершенно невозможным. Вот и научился отец так резать колбасу, что, приложив её кусочек к глазам, можно было видеть предметы и сквозь него (отец этим страшно гордился). А масло на хлеб намазывали таким тонким слоем (только по утрам, на завтрак), что его и вовсе не было видно.

Помню, как вечно недоедающий мой маленький, растущий брат, когда не было дома обоих родителей, отрезал себе толстенный кусок серого хлеба, намазывал его маслом, посыпал сахарным серым песком и быстро съедал. Чтобы потом всё отрицать: ничего, дескать, я не ел – ну как Осип Хлестакову. Или как отец, любящий землю и соскучившийся по работе на ней, когда мы получили садовый участок под Нарой (он и сейчас у меня там), отбил у меня навсегда охоту работать на земле. Корчевать лес, который нам выделили, вдвоём с отцом, вдвоём же рыть метровые (в глубину, длину и ширину) ямы, чтобы сажать в непаханую целину яблони, сливы, вишни, было мне, четырнадцатилетнему подростку, не под силу. В конце концов, к величайшему неудовольствию отца я объявил ему, что огородом заниматься не буду: поливать ещё куда ни шло, но копать землю – нет!

А огурцы, которые выращивались до размера приличных кабачков и солились на зиму, оказываясь непригодными даже для винегрета? А клубника, которая поначалу усыпала крупными ягодами густые кустики, а потом сникла, поскольку требовала подкормки, которую получала не слишком щедро!

Бедная моя мама! Я рад, что она не дожила даже до павловской реформы: сознание бессмысленности самоограничения во всём ради накоплений сделало бы её жизнь сплошным мучением. «Для чего же вы так бедно жили?» – спросил старший брат отца, узнав о крупной сумме, оставшейся после матери.

Конечно, понять в какой-то степени мамину экономность (чтобы не сказать скупость) можно: приличный мужской костюм стоил больше месячной отцовской зарплаты, а приличные женские туфли – больше половины материнской. Но ведь не ради костюма или туфель мы жили бедно...

«Определяйте значение слов», – цитировал Пушкин Декарта. Мне эта цитата пришла в голову на днях, когда я увидел разгневанного Лужкова, выступающего перед жителями сносимых домиков в Южном Бутове. «Жлобства мы не допустим», – гневно говорил московский мэр о матери и взрослом её сыне, отказавшихся выселяться в однокомнатную квартиру.

Причём тут жлобство? – удивился я. А потом понял, слушая выступления замов мэра о том, какая многокилометровая (кажется, 180 000 семей) очередь стоит в Москве с 1982 года на получение квартир. «И это при том, – возмущались замы, – что в Москве строится столько-то (очень много!) миллионов квадратных метров жилья; из них социального (читай: плоховатого) столько-то (читай: намного меньше!) миллионов. Так какой же неблагодарностью надо обладать...» ...Чтобы отказаться, добавлю от себя, двум взрослым – матери и сыну – взять однокомнатную квартиру! И кто назвал их «жлобами»? Градоначальник, который запросто, как букет цветов, вручает ключи от элитной квартиры или от иномарки какому-нибудь чемпиону мира или победительнице конкурса «Мисс Чего-нибудь». Высший чиновник, при котором вся чиновничья братья берёт взятки с любого обывателя, даже с нищего гастарбайтера! Кто заговорил о «жлобстве»? Муж единственной в России миллиардерши.

Кстати, не потому ли она миллиардерша, что его жена? Ну, сами посудите. У неё крупная строительная фирма. Наряду с другими её фирма участвует в конкурсе за право выиграть тендер, на который мэрия выставила что-либо: ну, допустим, строительство элитного жилья. Каковы шансы у жены мэра выиграть этот тендер? Смешной, скажете, вопрос? А эта жена мэра ещё владела и производством пластмассовой мебели для кафе типа «быстро», которых в Москве уйма. Чью мебель закупили такие московские кафе? Вопрос, скажете, тоже смешной? Но ведь только так и становятся миллиардерами, расчищая для себя поле, убирая конкурентов.

(Ах, думали ли мы, когда теснили и вытеснили коммунистический режим, что ему на смену придёт не просто диктатура бюрократии, но бюрократии династической! Вот очень типичная нынче ситуация. Супруги-генералы. Он был министром радиопромышленности СССР, она и сейчас председательствует в Межгосударственном авиационном комитете СНГ. Их сын – А. П. Плешаков основал известную ныне авиакомпанию «Трансаэро». А через некоторое время, оставив за собой пост председателя её директоров, уступил своей жене О. А. Плешаковой должность председателя правления и генерального директора компании!)

Имея такую жену и занимая такой пост, зачем же обзывать «жлобами» тех, кто просто хотел бы жить по-человечески? Дайте им достойную компенсацию! И без них, говорите, очередников много? Но эти-то, наверное, первоочередники!

И, кстати, как это так получилось, что не рассосалась очередь при таком гигантском количестве новостроек? Вон только вокруг моего дома в Филипповском переулке уже четыре построили. И ещё три начали. Красивые дома. Не скажу, чтобы уж очень добротные: с одного из них так и сыплется потрескавшаяся штукатурка. Но кто бы из очередников отказался туда въехать? Ах, это не для них построено? И напротив моего – длинный, огромный, выходящий фасадом на Гоголевский бульвар – тоже не для них? А для кого? Для тех, с кого можно слупить, как говорят по-нынешнему, приличные бабки: с губернаторов, с депутатов всех дум, законодательных собраний и советов трудящихся, с бизнесменов российских, с олигархов, с тусовочников-эстрадников? Но если вы строите для этих, то уж не петляйте в дебрях великого и могучего! Не оскорбляйте очередников. К тому же и Крылова неплохо освежить в памяти. Помните у него: «Чем кумушек считать, трудиться...»

А вот и свежая почта подоспела с разъяснениями: читаю в «Московском комсомольце» за сегодняшнее 3 июля 2006 года гневное обличение неких пятерых молодых пройдох, которые умудрились приобрести «у одной из жительниц сносимого пос. Бутово менее шести квадратных метров жилья» и получить в собственность кто по одной шестьдесят четвёртой части дома, кто по одной сто девяносто второй. А теперь обратились с просьбой о предоставлении им отдельных квартир. Причём обратились (цитирую) «именно сейчас, когда «бутовский конфликт» усилиями некоторых политиканов возведён в ранг народного бунта против московских властей». «Не подобные ли случаи, – спрашивает газета, – имел в виду мэр Москвы, когда говорил, что власти города не допустят жлобства?»

Не подобные! Для чего задавать бессмысленные вопросы? Какие-то прохиндеи купили, наверное, московскую прописку и теперь вылезли со своими требованиями на волне «народного бунта». Что ж у них общего со старожилками? И отвечают ли погорельцы за то, что после пожарных в их квартирах побывали мародёры?

А насчёт «некоторых политиканов» я, пожалуй, готов согласиться. Адвокат Андрей Кучерена, председатель комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов Общественной палаты РФ, вряд ли пошёл бы с рогатиной на такую крупную политическую дичь, как наш московский мэр, если бы не дали ему отмашку: можно! Ведь сама по себе Общественная палата, придуманная Кремлём, – муляж. Треть её состава назначена президентом, другая треть выбрана этой президентской третью и, наконец, последняя треть – из провинции, то есть прошла через сито отбора губернаторами и местными депутатами. Она призвана создать впечатление, что гражданское общество в России не уничтожено, а напротив – функционирует и даже заставляет властные структуры с ним считаться. А чтобы создалось такое впечатление, передают Общественной палате дела беспроигрышные.

Вся страна содрогнулась, когда за гибель алтайского губернатора Михаила Евдокимова, чей водитель «Мерседеса» не просто мчался на огромной запредельной скорости, но выскочил на встречную полосу и врезался в не нарушившего никаких дорожных правил «Тойоту», ответственным назначили Олега Щербицкого – шофёра «Тойоты». И приговорили Щербицкого к лагерному сроку, вызвав массовое протестное движение. Обычно на него давно уже не обращают никакого внимания. А здесь, скорее всего, для того и пошли на явное нарушение всех юридических и человеческих норм, чтобы вмешался в дело Кучерена и внявшие ему судьи отменили несправедливый приговор.

Или история с челябинским курсантом танкового училища Андреем Сычёвым, искалеченным «дедами» – старослужащими-сержантами. Сычёву ампутировали ноги, нужна пересадка внутренних органов. То есть беспомощный инвалид подвешен между жизнью и смертью. «Наследили» в этом танковом училище до такой степени, что не одного генерала-начальника надо было снимать, а всё его руководство, к тому же по многим тамошним офицерам тюрьма плачет, не только по изуверам, издевавшимся над Сычёвым.

Семье несчастного пытались всучить взятки, о которых тут же была проинформирована общественность. Разъяснили ей, и за что хотели заплатить – чтобы забрал калека своё заявление об избиении, а судебная медицина представила бы дело так, что пострадал Сычёв от какой-то врождённой болезни.

И тут снова появился бесстрашный Кучерена, заставил продолжить следствие, предложил отправить Сычёва для лечения за границу (правда, этим предложением не воспользовались).

(Вот бы истребовать председателю комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов положенное на полку судьями дело о наезде на старушку сына министра обороны Иванова. Тот, лихача, на скорости промчался по пешеходному переходу, сбил старушку и как ни в чём не бывало помчался дальше. Старушка умерла. Родственники подали в суд, который чуть не засадил за решётку зятя покойной: тот якобы ударил сына министра. А того, разумеется, оправдали: старушка сама полезла под колёса! Но для чего бы Кучерена стал ссориться с могущественным министром!)

И за спинами жильцов Южного Бутова маячат враждующие властные группировки. Лужков – фигура очень сложная. С одной стороны, я не забираю назад ничего из того, что сказал о нём до сих пор. А с другой, признаю, что объективно он сделал для москвичей (особенно для стариков) немало хорошего, демонстрирует свою относительную независимость от Кремля, иной раз и неподдельное возмущение глупостью принимаемых у нас законов. Кто-то наверху решил, очевидно, воспользоваться в своих целях справедливым мяте-

жом жителей Южного Бутова – убрать неугодного, сморозившего очередную глупость мэра. Для того и востребован бесстрашный Кучерена.

Стал писать было дальше, но пришлось вернуться – принесли новый «Московский комсомолец», 4 июля: «Какими бы мотивами ни прикрывались защитники бутовчан, добиться они могут только одного: замедления строительства нового микрорайона, предназначенного, в том числе, для очередников». Умиляет эта проговорка: «в том числе» – понимаю, что даже там, на окраине Москвы, каждый сверчок должен знать свой шесток! А я-то про Филипповский толковал, про арбатский переулок! Да в центре Москвы домов, наверное, на два Бутова понастроено. Пройдите, убедитесь, поговорите с охранниками, есть ли среди их жильцов «в том числе»?

(Коротка народная память! Забыли, как ещё при Горбачёве на съезде народных депутатов разгорелись страсти вокруг дома для партийных начальников на Сивцевом Вражке (тоже арбатский переулок). «Ничего особенного, – утверждали из управления ЦК, – дом как дом, обычный, каких много!» А когда добились-таки очередники, чтобы дом отдали им, вошли в квартиры и ахнули: всё вырвано с мясом, содрано, растоптано, разбито – и импортная сантехника, и цветной паркет, и финские рамы. Вот как разъярился аппарат на тех, кто «в том числе», кто, стало быть, вселяется не по чину! Сейчас, правда, и сама по себе победа обычных обывателей над вельможной-чиновничьей братьей выглядит легендарной!)

«В этой связи, – гнёт своё газета, – особенно неприглядно и цинично выглядят причитания некоторых из них (правозащитников. – Г. К.) по поводу того, что семье бутовчан – женщине с взрослым сыном – московские власти в качестве компенсации за 13 кв. метров в частном доме предложили «всего лишь» 39-метровую однокомнатную квартиру в современной новостройке. Могли бы и знать, что тысячи семей в Москве и миллионы по всей России десятилетиями ютятся в гораздо худших условиях и только мечтают о нормальном жилье».

Господи, да не хотят они отдавать свои 13 за ваши 39, ну и оставьте их в покое! Тем более что 13 – это, наверное, комната, а 39 – наверняка общая площадь, где жилой, может, метров на пять-семь побольше. Ну не хотят мать с сыном переезжать в однокомнатную городскую квартиру! Может, делянка какая-нибудь есть у них рядом с домом, участок, огородик. Так что невыгодно им менять 13 на 18 или 20, теряя при этом землю, которую привыкли обрабатывать. А что до того, что великое множество семей живут ещё хуже, чем эта, то кто же об этом не знает? Вот бы и озаботиться газете: почему же такое знание не подвигло московских чиновников на строительство жилья в первую очередь для семей, ютящихся в ужасных условиях? Почему массовое строительство в Москве сделало город самым дорогим по жилью в мире, почти не оставляя надежды очередникам жить по-человечески?

Впрочем, озаботилась другая связанная с московской мэрией газета – «Метро». Напечатала в своём номере от 6 июля 2006 года письмо в редакцию. Ах, как сладостно-знакомы по недавнему прошлому такие письма! И такие подписи вроде этой: семья Деминых.

«Наша семья стоит в очереди на квартиру со времён Советского Союза, с 1989 года. Ещё в то время, когда мы только оформлялись, появилось радостное известие о том, что в территорию Москвы включают новый район Бутово, где мы очень скоро получим квартиры. После более чем 15-летнего ожидания мы получили надежду с началом освоения территорий Северное и Южное Бутово. Но не тут-то было.

Оказалось, что приступить к строительству наших домов невозможно из-за того, что некоторые жители посёлка Бутово не желают освободить землю, которая им даже не принадлежит! Подобное поведение нас, конечно, возмущает, поскольку тысячи семей остаются без положенного им по закону жилья только из-за того, что кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Письмо содержит ещё два абзаца. Но, как говорится, умному достаточно.

Обмельчала, что и говорить, журналистская братия! Или поглупело её начальство? У нас в «Литературке» такая туфта из отдела бы не вышла, не то чтоб на страницу: кто бы её туда пустил?

Помню, вызывает меня Кривицкий, заместитель главного редактора. «Геннадий, – говорит, – нужны письма в поддержку присуждения Исаеву ленинской премии. Набросайте три. Одно от имени студента, другое – от рабочего, а третье – вообще из какого-нибудь сибирского региона, подписанное несколькими читателями». Знал, конечно, Евгений Алексеевич, что были у нас в отделе подлинные письма о поэме Егора Исаева «Даль памяти», недоумевающие, возмущающиеся: за что выдвинули эту малограмотную поэму на ленинскую премию? Я сам их Кривицкому показывал. Усмехался в ответ Евгений Алексеевич: вот, дескать, показать бы их Егору, но не вздумайте, Геннадий, не надо! Знал Кривицкий, да и я знал, да и кто из околосредственной публики не знал, что продвигает Исаева сам Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК по идеологии. Егорушкой его называет, глазки сладко прикрывает, слушая исаевское чтение.

Три письма накануне созыва Комитета по премиям – такой заказ не оставляет сомнений: премию, стало быть, дают! «Дают! – подтверждает Кривицкий. – Действуйте!»

И что делать? – писали мы письма и за студента, и за рабочих, и за сибиряков, и за кого только не писали! Но уши всегда запрягивали, подделывались под правдоподобие.

А тут они не то что торчат – вылезли наружу! 15 лет ждём, надеемся и не ропщем, помним, что нам было обещано, но понимаем, входим в положение страны, города... Как пели в оны годы: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а мы-то...» А мы, семья Деминых, больше всего озабочены не тем, что столько лет в нечеловеческих условиях живём, а тем, что «кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Месяца полтора назад одного очень старого (ему за 90) и очень известного профессора – кто только на филологическом не слушал его лекций – стали выселять из дома на Пречистенке. Негодный, говорят, дом, будем реконструировать. Если речь не о косметическом ремонте (а с чиновников станется!), то это значит: стены дореволюционные, скорее всего, оставят и нарастят на них новое жильё – элитное, конечно, которое, пока построят, аж дух захватывает, сколько будет стоить! «А вы, – сказали профессору, – подберите себе что-либо и нам сообщите». Профессор согласился переехать поближе к работе, к МГУ. Нашёл примерно такую же по площади квартиру на улице Строителей. «И отлично, – ему говорят, – покупайте: вот вам деньги за вашу квартиру». Но деньги выдают небольшие, совсем не такие, за какие продают новостройки в центре. «Мы, – объясняют, – действуем по новому Жилищному кодексу. Даём компенсацию за утраченное жильё по рыночной стоимости: дому сто лет, всё прогнило, ничего не ремонтировалось. А земля под домом вам не принадлежит: за неё не платим». Но в той квартире, которая приглянулась профессору, недавно был ремонт. Так что и требуют за неё соответственно. К полученной профессором за старую квартиру сумме нужно добавить ни много ни мало – 50 000 долларов. «Ну и что, – говорят, – доплачивайте и въезжайте». Но откуда профессору взять эти 50 000 долларов или около полтора миллионов рублей? Его месячная зарплата от силы 12 000 рублей. Взятки он отродясь не брал. Вышла недавно его книга лекций – объёмная, но гонорар и на 25 000 рублей не потянул. «Ваши проблемы, – ему говорят, – вы их и решайте, а на Пречистенке вам оставаться никак нельзя!»

Прав дедушка Крылов: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Жлобство – это не просто твоя личная скупость, твоя гомерическая жадность. Такое явление давно уже исследовано Гоголем и названо по его герою «плюшкинианством». Жлобство – это когда твоя непомерная жадность наносит урон обществу, которому ты мешаешь развиваться, загоняешь в стагнацию. Когда личной прибыли ради ты не даёшь осуществиться необходимым для

страны и её жителей делам, проектам, преобразованиям. Так что в толковании подобного понятия Лужков прав. Но кого он в этом обвинил?

* * *

Вот уж кто не был жлобом, так это покойный мой приятель Симон Соловейчик. Я о нём рассказывал в своей мемуарной книжке «Стёжки-дорожки». Сима даже рисовался своей щедростью. Мог, как вспоминает известный журналист, дать в долг и не настаивать на его отдаче. Когда появилась его газета «Первое сентября», он наделил нас, главных редакторов её предметных приложений, правом покупать материал у авторов, – как это было прежде в дооктябрьской России: вам нравится статья, ну и купите её сразу, а напечатаете, когда сможете. Многие удивились такой немислимой прежде практике: прибежали со статьями: «Подходит? И что? Могу получить деньги?» Сима посмеивался. И платил щедро. Всем – и сотрудникам, и авторам.

Правда, через некоторое время оплачивать принятые к печати статьи пришлось прекратить: выяснилось, что этим мы нарушаем какие-то законы. Что ж, Симон Львович подчинился: нельзя так нельзя. Но платили мы за статьи по-прежнему больше, чем другие издания.

Первое время я совмещал своё редакторство с работой в «Литгазете». «Сколько за этот материал ты платишь в «Литературке»? – спрашивал Сима. – А знают ли там, сколько за такой же ты платишь в " Литературе»?». И удовлетворённо хмыкал, услышав, что не только знают, но поражены: «Вот так-то!»

Поначалу владельцем «Первого сентября» был университет РАО (Российской академии образования) во главе со своим ректором академиком РАО Борисом Бим-Бадом. Но вот фонд Сороса («Культурная инициатива») выделил газете щедрый грант на развитие. Поскольку своего счёта у нас не было, деньги перевели университету.

На эти деньги Бим-Бад поехал в Южную Америку. Не знаю, для каких целей, но знаю, что он обещал Симе не просто отдать этот долг, а с процентами.

Увы. Денег он отдать не смог. Но человеком оказался порядочным: компенсировал потери передачей Соловейчику всего пакета акций. Плюс к этому отдал нам развалюху на Маросейке, которую арендовал, с оплаченной, кажется, ещё на какое-то время арендой.

Не знаю, каким образом выпутывался из такой ситуации Сима. Знаю только, что далось ему это тяжело. Мы остановились и не выпускали свои приложения несколько месяцев. Но зарплату при этом получали неизменно. «Работайте, – говорил всем Симон Львович, – собирайте и отбирайте материалы. Мы обязательно найдём выход. Мы будем выпускать газеты даже из подполья!»

И через некоторое время издание возобновилось! Уже как наше собственное. Как изделие фирмы Соловейчика. Боже, с каким трепетным восторгом относился он к этому своему изделию. Как он его любил! «Ты мог себе представить раньше, – спрашивал он, – что у тебя будет своя собственная газета, что ты будешь в ней печататься сколько хочешь и печатать кого хочешь? Мне, еврею, такое и в сладком сне не снилось!» Мне, разумеется, тоже.

И я создавал её, свою газету, так сказать, от логотипа до последней страницы, на которой печатал кроссворд и «Литературный календарь». Надо отдать должное составителям Сергею Дмитренко и его жене Ларисе Мезенцевой: их календарь информировал читателей не только о датах рождения или смерти. Но и о том, что такого-то числа (допустим) Толстой записал в своём дневнике такую фразу, а такого-то (к примеру) Достоевский пишет жене о том-то. Календарь привёл Симу в восторг. «Отдай его мне», – просил он. Но Мезенцева соглашалась на это только при условии, если Соловейчик зачислит её в штат «Первого сентября». Подчиняться чужим требованиям Симон Львович не любил, и невероятно популярный у наших читателей календарь остался у нас.

Все рубрики, которые я придумал, нацеливали читателей на занимательность, на отход от шаблона. «Перечитаем заново» – только новое прочтение хрестоматийного текста. «Пантеон», «Галерея» – живо написанные биографии писателей, оригинальное толкование их персонажей. Даже «Словарь» был у нас необычным: литературоведческие термины подавались в нём в игре, выводились из конкретных текстов. Да и некоторые термины, которые мы объясняли, вы больше нигде, кроме нашей газеты, не встретите. Например, «литературный донос».

Я мыслил свою газету как некий гибрид «Литературки» с «Вопросами литературы». Пригласил сотрудничать в ней тех, кто снискал себе известность на ниве занимательного литературоведения: Э. Бабаева, Ст. Расадина, Б. Сарнова, Л. Лазарева, В. Корнилова, К. Ваншенкина, Я. Хелемского, Т. Бек, М. Петровского, Ю. Манна, С. Бочарова. Печатались в ней популярные у читателей литературы Лев Аннинский и Игорь Золотусский. Связался с Ефимом Эткингом, с которым был знаком до его высылки за границу, и получил от него карт-бланш: перепечатывать из книг, изъятых после его отъезда из библиотек. Поначалу наладились отношения с Самуилом Шварцбандом из Иерусалима, неплохим пушкинистом. Постоянно печатал статьи о русской литературе Золтана Хайнади из Дебрецена, известного далеко за пределами его Венгрии учёного. Удалось установить связь и с Ильёй Серманом, которого советские власти выслали из страны, скрыв от общественности ту огромную роль, которую он сыграл в издании тридцатитомного Достоевского. Чуть позже сотрудник редакции Сергей Дмитренко сделал нашим постоянным автором своего старшего товарища – прославленного немца-слависта Вольфганга Казака.

Словом, как с удовольствием говорил на планёрках редакторов приложений Соловейчик, «в нашей «Литературе» все лучшие на сегодняшний день авторы».

Но, разумеется, я понимал, что выпускаю всё-таки школьную газету, которая должна информировать учителей о новациях в мире образования, как информирует «Литературная газета» читателей о новостях в мире литературы. Должны мы давать читателям и какую-то методику преподавания, которая прежде меня не интересовала.

Школьным учителем я никогда не был. Лет пять совмещал работу в «Литературке» с преподаванием в Литинституте, а спустя совсем небольшое время, после того как стал редактором «Литературы», начал профессорствовать в Педуниверситете (бывшем Пединституте им. Ленина). Но, конечно, школьная проблематика и проблемы высшей школы – вещи разные.

Соловейчик дал мне две ставки школьных консультантов и предложил на одну из них взять Льва Соломоновича Айзермана. «Он очень писуч, – сказал Сима, – так что тебе придётся в этом его ограничивать». Я помнил некоторые статьи Айзермана, печатавшиеся и у нас, в «Литературке», и в «Новом мире» Твардовского. В них он неизменно представлял публицистом горячего темперамента. О том, как мы работали с Айзерманом (не слишком долго, года полтора), я рассказал в «Стёжках-дорожках». Добавить к этому мне нечего.

А на вторую ставку я позвал человека редкостного дара, сочетающего в себе литературоведческий талант с талантом учителя. Что Лев Иосифович Соболев хороший литературовед, я знал по его работам. А что он один из лучших учителей Москвы – по той же «Литературной газете», чьи сотрудники стремились отдать своих детей именно в его школу, именно в его класс, и чьи дети, выходя из класса Соболева, оставались навсегда преданными литературе. На моё счастье Лев Иосифович, с которым до этого мы лично знакомы не были, согласился.

Ему я многим обязан. И авторами-учителями. И его собственными безукоризненными материалами. Он – та воплощённая порядочность, которой так не хватает великому множеству людей из тех, с кем мне приходилось сталкиваться: не помню, чтобы он хоть раз искал повод, чтоб отказаться от моих просьб, или захотел бы его поискать, как это делали дру-

гие сотрудники, намного младше его, – он всегда отзывался, брался за дело и доводил его до конца!

Словом, совместными нашими усилиями мы быстро создали газету, популярную у словесников-учителей, чему Соловейчик поначалу искренне радовался.

Он даже сделал моей «Литературе» щедрый рекламный подарок: перепечатал из неё у себя в «Первом сентября» исключительно интересную статью о «Войне и мире».

Статью эту мне дал почитать поэт Константин Ваншенкин. Её написала его внучка – десятиклассница Катя. Прочитав, я загорелся желанием её опубликовать: феерически талантливая, не по годам умная девочка!

Но в статье полтора печатных листа. Материалы такого объёма уместны скорее на журнальных страницах. А у меня ведь даже не полноценная газета, а предметное приложение. И всё же в нарушение всех канонов я решил рискнуть печатать Катю с продолжением в двух номерах: авось, Сима не рассердится!

Он не только не рассердился, но позвонил сразу же. И долго, проникновенно говорил о статье и о Кате: «Но откуда, откуда такие знания у десятиклассницы? Ты проверял? Это всё абсолютно самостоятельно?»

– Абсолютно! – отвечал я ему. И ссылаясь на Эдуарда Бабаева, которому излагал концепцию Кати и который тоже ею восхитился. А Бабаев о Толстом знал всё. В том числе и все новейшие о нём работы.

Так и получилось, что мы с Симоном Львовичем совместно отпраздновали рождение нового таланта. Напечатанная в двух номерах у нас, статья Кати Ваншенкиной заняла ещё и целую газетную полосу «Первого сентября».

Как соскучились учителя литературы по живому слову, я понял, когда оказался на какой-то встрече с ними. Все хвалили газету, противопоставляли ей новые, только что появившиеся учебники. «Новое в них, – говорили они, – только обращение к запрещённым прежде произведениям. Но написаны они тем же унылым, казённым языком, что и советские учебники».

– Не всё сразу! – отвечал им я. – Должно пройти время, чтобы ушли старые авторы и пришла талантливая молодёжь. А такое время, кажется, наступает.

Кассандры из меня, как видите, не вышло!

* * *

Да и кто бы взялся предсказать тогда – через несколько месяцев после подавления коммуно-фашистского мятежа в октябре 93-го, что и двенадцати лет не пройдёт, как начнут сбываться самые смелые мечты его предводителей. Ну, жидов и демократов (бывших) на Красной площади пока что не вешают, но скорбные слова о распаде советской империи как о крупнейшей геополитической катастрофе XX века произнесены. И, кажется, всерьёз решили восстановить империю. Вернули советский гимн, передали армии большевистские пятиконечную звезду и красное знамя. Наотрез отказались предать тело Ленина земле и перенести на более подобающее им ритуальное место захоронения и урны – ликвидировать это, наверное, радовавшее сталинский глаз (вах! скольких пережил!) кладбище на Красной площади. Отменили выборность губернаторов, предоставив президенту право их назначать. По сути отменили и сами по себе выборы, создав мощнейший аналог КПСС – партию чиновников и карьеристов всех мастей «Единую Россию», которая захватила парламент да и вообще всю законодательную власть в России и проводит любые, нужные президенту и его администрации решения. Определила, например, что отныне население будет иметь возможность избирать только по партийным спискам – то есть отсекала возможность проникновения во власть независимых, самостоятельно мыслящих людей. Установила барьер для прохожде-

ния партий в Думу – 7 %: небольшие партии, от которых в других странах нередко зависит парламентское большинство, могут не беспокоиться. Выбросила из избирательного бюллетеня так раздражавшую чиновников графу «против всех», а с ней вместе и правило, согласно которому если «против всех» проголосовало большинство, выборы объявляются недействительными. Переняла священный ленинский принцип – лишила депутатского мандата того, кто захотел бы перейти в другую парламентскую фракцию, то есть вернула себе так пригрозивший советским диктаторам демократический централизм.

А блистательная безоговорочная победа властей над СМИ! Оказывается, что для победы никакие Главлиты не нужны – страх потерять место своё дело сделает. А чтоб воцариться такому страху, последовательно убрали с телевидения Сорокину, Киселёва, Парфёнова, Шустера, ещё нескольких, и дело сделано. Как в советское время «Правда» мало чем отличалась от «Известий», «Труда» и «Советской России», так и сейчас почти нет разницы в интерпретации новостей Первого канала, «России», ТВЦ и НТВ. Везде старая советская солидарность с теми, кто борется против Запада, – даже с террористами и фашистами типа иранского президента или премьера Малайзии (они, по нашей версии, пекутся о национальной независимости). Везде старые советские проклятия главному врагу России – США, которые вроде до недавнего времени были переведены в наши союзники. Но союза не вышло: всё-таки не замечать явных нарушений демократии американцы не хотят, вот и облаивают их с телевизионных экранов брилёвы, толстые, павловские и прочие пушковы и соловьёвы!

Пресса, говорите, независима? Это потому, что вы давно уже дальше Москвы не выезжали. А мне приходилось ездить в провинцию, когда работал в «Литературе». Тамошние издания, как правило, – вотчина мэра или губернатора. А московских, пока ещё независимых, я там в продаже не видел. Да если бы и увидел... Ведь это ещё при позднем Ельцине или при раннем Путине началось: помните, что сделал с «Известиями» тогдашний саратовский губернатор Аяцков? Ему не понравилась статья о нём, и он приказал в саратовском выпуске выбросить из статьи то, что ему не понравилось. Так и вышли там «Известия» с купюрами в статье об Аяцкове. И что же ему за это? Публично – ничего, а кулуарно – может, ещё и похвалили!

А что до независимых московских газет, то много ли их осталось? А главное – останутся ли они вообще в ближайшей перспективе? Конечно, прав Сергей Феклюнин, автор «Московского комсомольца» (26 июля 2006 года), вспомнивший советское время и сравнивший его с нынешним:

««Совок» ругали за то, что человек там был винтиком. Большие надежды возлагали на идею прав человека. Но она так и осталась красивым словосочетанием из «их» жизни. В итоге под речи о диктатуре закона построили систему, в которой маленький человек не может найти правды нигде: ни в выбранных им самим органах власти, ни в милиции, ни в прокуратуре, ни в суде. Остаётся только одно – писать в газету».

Но ведь и в этом могут отбить у людей охоту. Только что Дума приняла закон о борьбе с экстремизмом. Любого можно объявить экстремистом, то есть подлежащим уголовной ответственности, если он высказывается против властей («должностных лиц»). А подвести под соответствующую статью орган печати – задачка для третьеклассника! Прихлопнут за милу душу!

Не поленитесь, сходите в библиотеку. Попросите комплект «Московских новостей», скажем за 1987–1989 гг. Да поспешите: не ровен час – поместят подшивку в спецхран, как при советской власти, вообще тогда не получите без специального разрешения! Не может этого быть? Ну почему же? Моему знакомцу Игорю Золотусскому, например, в позднее горбачевское или в раннее ельцинское время выдали в архиве КГБ дела его репрессированных родителей без звука. А сейчас по этому поводу какой-то новый закон готовится.

Так вот, возьмите тот самый комплект «Московских новостей», которые тогда возглавлял Егор Яковлев, и положите рядом с ним теперешние «Московские новости». Как говорится, почувствуйте разницу!

Я и сам её очень почувствовал, когда прочитал в нынешних «Московских новостях» поразившее меня слово, которым назвал главный редактор Виталий Третьяков обычное, ничем не выделяющееся из прежних послание президента Федеральному собранию, – «гениальное!» Рубанул правду, как шварцевский министр из «Голого короля»: «Вы великий человек, государь!»

Понимаю, что, проглядывая список прежней яковлевской редколлегии, можно удивиться: дескать, как же так? Ведь Третьяков был заместителем Яковлева!

Что поделать? Не повезло шестидесятнику Егору с его более молодым заместителем, как не везло и мне с молодыми сотрудниками в бытность работы в «Литературе». Другое поколение – другое понятие о чести. Не у всех, конечно. Да и я ведь не обо всех. Но о тех, прежде всего, кто вместе с другими придаёт тяги паровозу, который давно уже даёт задний ход и везёт нас до остановки «Коммуна».

Хотя, наверное, всё-таки до коммуны не дойдёт. Да и вряд ли хотят лопающиеся от денег чиновники в Советский Союз в его первоизданном виде. Не хотят они партмаксимумов, партминимумов или любых других ограничений для себя, не хотят и социальных гарантий для других. А вот в сверхдержаву – с большим удовольствием! В тоталитарную – чтобы никто внутри страны и пикнуть не смел против их власти. В вооружённую до зубов – чтобы весь мир их боялся!

Потому и принимают один за другим законы, ограничивающие права граждан, которых лично они в гробу (в прямом смысле этого слова) видели. Потому и утверждают бюджет с возрастающими каждый год астрономическими суммами на оборонные нужды. Якобы на оборонные, потому что никто вроде бы пока о своих агрессивных намерениях в отношении России не объявлял.

Словом, не вышло из меня пророка! Даже умения объективно оценивать людей у меня не достало. Подхваченный эйфорией от событий конца восьмидесятых – начала девяностых, я влюбился в Ельцина и в его команду, не замечая, что цель и смысл ельцинского существования – это борьба не за демократизацию российского общества, а за сохранение собственной власти над ним.

Сколько раз из-за Ельцина или из-за Чубайса я ругался со своим другом поэтом Владимиром Корниловым, который призывал меня опомниться и осмотреться: почему, дескать, если всё так хорошо в стране, как это я себе представляю, так унижительно плохо живут в ней учёные, врачи, учителя – интеллигенция – цвет, генофонд любой нации? Почему банковский клерк получает намного больше профессора? Почему никто не думает о стариках, чьи пенсии сравнимы только с теми, которые они получали при Сталине?

На эти вопросы ответить мне было нечего. И всё равно я не соглашался с Володиёй, верил, что в конце концов сделает Ельцин Россию процветающей.

Я верил в порядочность Ельцина, искренне растрогался, наблюдая по телевизору, как он прощается с народом, уходя в отставку, слушая, как он просит у народа прощения за всё, что ему не удалось сделать. И не обинуясь проголосовал за его преемника – Владимира Путина: отблеск ельцинского обаяния ложился для меня и на него.

Безмозглый осёл! Это я понял про себя не тогда, когда прознавшие про мой выбор друзья (и особенно Володя Корнилов) стали иронически благодарить меня за то, что «дал России Путина», а когда прочитал путинский указ о гарантиях Ельцину. Ельцину была выдана индульгенция на всё время его пребывания на посту президента и, кажется, до конца жизни: он и его семья освобождались от юридической ответственности за любые прегрешения. А

я помнил, что сам Ельцин наотрез отказался выдать такую же Горбачёву. «Если ему есть в чём каяться, пусть это делает сейчас», – жёстко сказал он.

Теперь-то я понял и что подтолкнуло Ельцина к выбору такого преемника – история Собчака, на чей арест прокуратура уже успела выдать ордер. Путин, бывший член команды питерского губернатора, сумел в последний момент переправить его за границу на частном самолёте.

Не зная сути дела, ничего по поводу Собчака сказать не могу. А вот на Ельцина, занятого в последние годы правления поиском преемника – ника, путинский поступок, очевидно, произвёл сильное впечатление: этот надёжен, этот своих не сдаёт!

Дело даже не в том, что, как написал мне по электронной почте мой бывший коллега по «Литературке», «значит, было за Ельциным и его семьёй нечто!» Я этого и сейчас не утверждаю. Помню, сколько было у Ельцина заклятых врагов! Помню, к примеру, предсказание выступавшего по телевидению Георгия Бооса, тогдашнего заместителя московского мэра, а теперь губернатора Калининградской области, что Ельцин может кончить жизнь как Чаушеску. И реализация такой угрозы в принципе существовала. Из-за того же очень попускаемого Ельциным фашизма, который при нём набирал вес и был почти неподсуден.

Ну, так вы оставили Ельцину охрану? И правильно сделали. Но зачем же от юридической ответственности его освобождать? И не только его, но и родственников?

Словом, выбор Ельцина оказался из обычной серии его расчётливых поступков. Попав в опалу, отказался якобы от привилегий, а потом наделил себя, президента, и своё окружение такими, о которых русские цари со своими придворными не могли и помыслить. Подписывал человеколюбивые указы, которые никто не выполнял не только из-за саботажа Думы, а потому прежде всего, что не было под ними экономических обоснований. Сдал Гайдара, не дав тому завершить начатое, а это всё равно, что, прервав беременность, ждать от женщины живого плода! Пошёл на поводу у силовиков, струсивших поначалу в октябре 93-го, а потом всё-таки подавивших мятеж. Но развязанная ими война в Чечне – не слишком ли щедрая плата за поддержку?

Один мой приятель, достигший очень высокого поста, по поводу ухода Гайдара сказал: «А что Ельцину оставалось делать? Реформы, конечно, хороши. Но народ у нас – говно!»

Да, с одной стороны, это так: всё-таки раба выдавливают из себя по капле, а как быть нашему рабству, которому без малого тысяча лет? Сколько литров этих капель придётся ещё выдавить? Хорошо помню оскаленные хари, выглядывающие из-под портретов Сталина. Помню бешеную злобу, которая подвигла подонка влезть в кабину грузовика, дать задний ход, чтобы задавить милиционера, а потом выпрыгнуть и раствориться в толпе.

Но с другой стороны, помню и многотысячные шествия в поддержку демократии. Какие одухотворённые лица!

А посмотрите по телевизору (пока ещё иногда показывают), как выглядели защитники Белого дома в 1991-м. С каждым хочется побрататься! Каждого обнять!

Что-то подобное напомнил мне Майдан в Киеве, когда оскорбился народ явной подтасовкой голосов на выборах, потребовал пересчёта и добился своего: президентом объявили не нашего ставленника, бывшего уголовника (социально-близкого?) Януковича, а человека, от ненависти к которому хрипли все кремлёвские политологи – Виктора Ющенко, женатого на американской украинке (это подчёркивалось особо и подносилось как невероятное предательство родины!).

Правда, памятуя, как развивались события в России после 91-го и 93-го, я понял, что недолго музыка играла в пользу «оранжевых», когда Ющенко сместил (скорее всего, из ревности, как это делал Ельцин) очень популярную на Украине Юлию Тимошенко и назначил премьером Еханурова. Поэтому и не удивился той наглости, с которой ведут себя сейчас так называемые «голубые» (цвет флага пророссийской коалиции), купившие бывшего ком-

муниста Александра Мороза и его соцпартию и выдвинувшие в премьеры Януковича: не мытьём, так катаньем!

Я и в 96-м был всецело на стороне Ельцина, понимал, что победа Зюганова не просто потащит страну назад, но накроет её не сдерживаемой никакими законами ксенофобией: Зюганов был не только генсеком коммунистов, но и лидером национал-патриотического фронта. И всё же мне оцарапала душу циничная сделка с генералом Лебедем, «бронзовым призёром» выборов, как он себя назвал. Перед решающим вторым туром в обмен на полученные Лебедем голоса Ельцин поделился с ним частью своих властных полномочий, назначил советником, секретарём Совета безопасности, принял все его кадровые перестановки в Министерстве обороны и в армии, а вновь став президентом, преспокойно всё это у Лебедея отобрал, а его самого прогнал.

Говорят, что значительную часть своего второго президентского срока Ельцин провёл на больничной койке. Понимаю и сочувствую. Но кто в это время правил страной? Черномырдин – отец нынешнего «Газпрома» и двух сыновей, которые именно там и работают? Киреенко, не остановивший махинации с бумагами по так называемым государственным казначейским обязательствам (ГКО) и ввергнув – ший страну в пучину такого оглушительного дефолта, который выбил почву из-под ног только-только начавшегося оформляться «среднего класса», то есть людей, успешно начавших свой небольшой – «малый» бизнес и оказавшихся разорёнными? Что Примаков (последнее место работы – внешняя разведка) стал премьером, это, конечно, уступка Ельцина прокоммунистической думе. Но после него два премьера, и оба бывшие председатели ФСБ – Степашин и Путин: явные поиски преемника в среде чекистов!

Мой приятель и бывший коллега по «Литгазете» Олег Мороз написал весьма ценную по объективной информации книгу о выборах 1996 года и о том, как Зюганов не стал президентом. Повторяю, я рад, что Зюганов им не стал, но не могу понять Чубайса, который на вопрос газеты «Аргументы и факты» (№ 26 от 28 июня – 4 июля 2006 года): «Мог ли Зюганов одолеть Ельцина и как бы тогда развивались события?» – ответил: «Без победы Ельцина не было бы ни президента Путина, ни нынешнего экономического подъёма».

Окститесь, Анатолий Борисович! О чём экономическом подъёме вы говорите? Неужто России? И в чём же он выражается? В нещадной эксплуатации её природных недр, которые не могут быть неисчерпаемыми? В брошенной крестьянами и повсеместно уничтожаемой прекрасной пахотной земле? В постоянно растущих таможенных пошлинах на импорт, позволяющих директорскому корпусу задираить цены на ничемную отечественную продукцию и, не боясь конкуренции, не заботиться о модернизации устарелого оборудования? Да, согласен, всё это кого-то обогащает: цены на газ и нефть на рынке высоки как никогда, предельны цены и на землю, которая гектарами скупается под усадьбы, и, допустим, какой-нибудь захудалый «жигулёнок» вполне сопоставим по ценам с автомобилями в других странах и другого класса. Но экономический подъём предполагает, наверное, не просто обогащения небольшой группы людей. Оглянитесь окрест себя (не своего окружения): много вы видите сытых и довольных?

А что до того, что без победы Ельцина в 96-м «не было бы президента Путина», то это мне напоминает «Песню о Сталине» моего хорошего знакомого Юза Алешковского, которую мы во всё горло распевали (дома, конечно) в мрачные 70—80-е. Помните: «Сижу я нынче в Туруханском крае, / Где при царе сидели в ссылке Вы?»

А что там дальше, помните?

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разжигали пламя,

Спасибо Вам, я греюсь у костра.

«Спасибо тебе за Путина», – иронически говорили мне друзья. Я сполна оценил их иронию. Что ж, я её заслужил: доверился тому, кому понапрасну верил много лет.

Но вы-то, Анатолий Борисович, в отличие от меня, Ельцина знали не по газетам и не по портретам. А уж о Путине говорить не приходится: были с ним в одной собачковской команде тех самых питерцев, которые обсели сейчас все властные структуры в России. Знали, стало быть, и об убеждениях Путина, о его тоске по развалившейся империи, о его сдержанно проявляемой симпатии к Сталину, о его удивительном умении говорить одно, а делать совсем другое!

Не знали? Ну так узнали позже. Оценили, наверное, как, отвечая однажды по телемосту на вопрос о возможном переименовании Волгограда в Сталинград, он очень многозначительно сказал, что в Париже есть площадь Сталинграда, а почему она там есть, это вопрос не к нему, Путину. Но мы-то с вами, Анатолий Борисович, знаем, что в Париже есть и площадь Севастополя, и можем ответить, почему там оказались две эти площади: обе названы в честь известных сражений – одна в Крымской войне, вторая – во Второй мировой. В честь Сталина, на что прозрачно намекал тогда Путин, Западная Европа своих улиц не называла. Это в Цхинвали (Южная Осетия), который сейчас в связи с нашим конфликтом с Грузией всё время показывают по телевидению, недавно грохнуло взрывное устройство на улице Сталина – главной улице города. Да где-то у нас, в районе вечной мерзлоты, очень удобном для проживания (вымирания) там узников сталинского ГУЛАГа, благодарные чекисты установили то ли бюст, то ли памятник Сталину. И где-то ещё у нас и на постсоветском пространстве собираются устанавливать памятники людоеду и называть улицы в его честь. А в таком контексте переименование куба на Красной площади с названием города-героя Волгограда в Сталинград выражает не совсем то же самое, что название парижской площади.

А читали ли вы, Анатолий Борисович, беседу Путина, кажется, со скандинавскими (точно не помню!) журналистами, где он в полном соответствии с советской исторической наукой назначил Запад – Англию и Францию – ответственным за сговор Гитлера со Сталиным: всё, дескать, началось, с Мюнхена. Вот не отдали бы Чемберлен с Даладье Судеты Гитлеру в обмен на честное слово фашиста этим удовольствоваться – это я уже сам логику Путина, следующего за советскими историками, развиваю, – глядишь, и миролюбивый Сталин не высунулся бы со своими территориальными претензиями. Да он, как пишут в прессе и показывают по ТВ, с ними и не высывался, ведь сговора-то с Гитлером не было – читали об этом? И уж, конечно, не было никаких секретных протоколов – это перестроечная провокация, читали? А что не топили сталинские маршалы врага в крови своих солдат? Что цифры погибших в Великую Отечественную, которую называли при Горбачёве, не соответствуют действительности: генерал Гареев точно установил, что обе стороны понесли одинаковые потери – от 7 до 9 миллионов каждая? А про 37-й год, что был он не годом Большого Тераора, а сталинским возмездием тем, кто измывался над русским народом в 17—21-м? Такая трактовка событий настолько понравилась Кремлю, что её одно время даже на президентском сайте kremlin.ru вывесили. Я написал туда возмущённое письмо. Возможно, не только я, если через некоторое время убрали...

А видели ли вы, Анатолий Борисович, передачу по телевидению о южнокорейском пассажирском самолёте, Бог знает почему пересёкшем нашу границу и сбитом советской ПВО по приказу ещё одного любимого путинского диктатора Андропова? Весь мир тогда, в 1983-м, содрогнулся от ужаса: погибло больше двухсот человек! Даже при Андропове, утверждая, что пассажирский самолёт уклонился от курса со шпионскими целями по заданию американской разведки, мы не рискнули врать, что людей в самолёте не было, что его вёл какой-то камикадзе. И понятно: такое враньё взорвало бы людей, только что так страшно и нелепо

потерявших своих близких! А сейчас смотрю: сидит бывший командующий ВВС, генерал и свидетельствует: водолазы со дна извлекли только мёртвые тела экипажа и огромное количество детских башмачков, какими для маскировки, очевидно, самолёт и набили. На какие только хитрости не пускаются ради шпионажа!

Подчёркиваю: всё это появилось в СМИ при правлении президента Путина. И вдалбливается в головы новому комсомолу – путинюгенду, как его называют, – «Идущим вместе», «Нашим», «Молодой гвардии» и другим в этом же роде, с кем президент охотно общается.

А вот – тоже не слишком давнее: «Московский комсомолец» за 13 июля 2006 года. В преддверии саммита «восьмёрки» в Петербурге американская, канадская и французская телекомпании спрашивают Путина: «Многие говорят, что в России не настоящая демократия, она не представляет идеалы саммита «восьмёрки». Что вы скажете о демократических ценностях в РФ?» Путин отвечает. Точнее – начинает отвечать так: «Я бы спросил этих людей: «Что они вообще понимают под демократией?» Это философский вопрос, и однозначного ответа на него нет...» Вам это ничего не напоминает? А мне доклад товарища Сталина «О проекте Конституции Союза ССР»: «Говорят о демократии. Но что такое демократия?» Тот же, как видите, раздумчивый зачин. Та же жгучая потребность в осмыслении этого, как выразился господин Путин, «философского вопроса». И те же доказательства преимущества демократии режима, который ты установил, перед демократией «в капиталистических странах» (Сталин), «некоторых стран Запада» (Путин). И те же противопоставления: «Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счёте демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех. Но из этого следует, что основы демократизма нарушаются не проектом Конституции СССР, а буржуазными конституциями» (Сталин), «Мы категорически будем возражать против использования всевозможных рычагов, в том числе и использования тезиса о необходимости демократизации нашего общества для вмешательства в наши внутренние дела» (Путин).

Что же до другого вопроса, который задали Путину по поводу его отношения к высказыванию вице-президента США Чейни о том, что в России «ограничиваются права людей и действия Правительства России контрпродуктивны», то Путин, ответив: «Я думаю, что высказывания подобного рода вашего вице-президента – это всё равно что неудачный выстрел на охоте», – спародировал шаржированного Сталина из романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Там Сталин так и комментирует действия Ворошилова, от полноты чувств выстрелившего в потолок: «Попал пальцем в небо!»

Так что ироническое «спасибо за Путина» моих приятелей, Анатолий Борисович, я готов переадресовать и вам.

«А всё-таки жаль», – как пел Булат Окуджава. Рассказывают, что и вы, Анатолий Борисович, были с ним знакомы. Что он хорошо к вам относился. Ну так тем более жаль. Вспомните, что он писал в одном из последних своих стихотворений: «Совесь, благородство и достоинство – / Вот оно, святое наше воинство». «Наше» – то есть его прежде всего и его друзей.

* * *

Возвращаюсь к своей газете.

Уже года через два не было, кажется, в России такого региона, где бы её не знали. Письма в неё шли отовсюду. Я вскрывал их с ликованием, читал с особым вниманием материалы из стопроцентной российской глубинки, по возможности доводил их до кондиции и печатал, заранее предвкушая, с какой радостью они будут прочитаны односельчанами автора или жителями того провинциального городка, откуда он родом. Я печатал незатейливые

литературные игры со школьниками, записи уроков рядом с занимательным литературоведением.

Никому не известные прежде авторы выступали рядом с очень известными.

Позвонил Симон Львович:

– Ты читал вчерашнюю «Учительскую газету»?

– Нет, а что там?

– Почитай!

И положил трубку.

Легко сказать: «почитай»! К интернету наши компьютеры ещё подключены не были, а в киосках «Учительская» уже распродана. Позвонил одному своему приятелю, о котором я знал: он читает всё.

– Да, – подтвердил он, – я читал вчера «Учительскую». Поздравляю!

– С чем?

– Ты не видел? Так сходи в библиотеку, посмотри. Она напечатала результаты опроса учителей. Их спрашивали: какое современное периодическое педагогическое издание вам кажется наиболее интересным? Что-то в этом роде.

– Ну и какое же?

– Разумеется, самой интересной они назвали «Учительскую газету». А иначе для чего бы она опубликовала данные опроса?

– Но я-то тут при чём?

– А ты со своей «Литературой» где-то вверху этой спортивной таблицы. Да ты сходи в библиотеку, посмотри.

Пошёл. Да, речь идёт не о московских, а обо всех российских изданиях. На втором месте – «Первое сентября», на третьем – сейчас уже не помню кто, а на четвёртом – «Литература». За мной довольно большой список других.

Поехал к Симе. Он хмур: «Прочитал?»

– Что же, – говорю бодро, – твоё второе место – потрясающий успех для нового издания. А, может, на самом деле оно не второе, а первое. Ведь для чего «Учительская» напечатала этот опрос? Чтобы себя прорекламирровать!

– А твоё четвёртое? – Соловейчик по-прежнему угрюм.

– Но ведь ты же всё время подчёркиваешь: мы все в одной лодке. Рассматривай и это как твой успех. Мы же – приложение к твоей газете!

– Но почему-то других приложений в списке нет?

– За них, – говорю, – я не отвечаю. И не я же проводил опрос. Я к этому списку отношения не имею.

– Понятно, – сказал Сима. И добавил: – Может, ты перебарщиваешь, приглашая знаменитостей? Всё-таки у тебя не газета, а предметное приложение для учителей школы!

– Вот они и засвидетельствовали в «Учительской», насколько им это интересно.

– Знаешь, – сказал Сима, – о чём я мечтаю? О том, чтобы утром в среду (мы выходили по средам) учитель, идя на урок, вытащил бы твоё приложение из ящика, развернул и обрадовался: урок по «Горе от ума» – как раз то, что ему сегодня нужно. Он приходит в класс, открывает газету и ведёт урок, сверяясь с тем, который напечатал ты. Вот это была бы ему настоящая помощь!

– Но ведь это совершенно бессмысленно, – сказал кто-то из моих консультантов (не помню, Соболев или Айзерман), которому я рассказал о мечте Соловейчика. – Нормальный учитель ведёт урок, не сверяясь с чужим сценарием, а реализуя свой. К тому же он должен чувствовать атмосферу в классе, должен учитывать психологию своих учеников. Хотя сама по себе идея, чтобы газета поспевала по времени за темами, которые именно сейчас изучают в школе, не лишена смысла!

И Лев Соломонович Айзерман (именно он, это-то я помню точно) принёс мне школьную программу, полностью расписанную им по месяцам: когда и что преподают в том или ином классе. Я писал в «Стёжках-дорожках», что помощником мне Айзерман был отменным.

Увы, из этой идеи почти ничего не вышло. К кому обращаться за нужными мне поза-резу уроками? Далеко не каждый учитель умеет их записывать. Постепенно я обрастал авторским активом из учителей. Многие уроки выуживал из редакционной почты. Но нужные следовало, конечно, заказывать, причём жёстко требовать, чтобы рукопись была представлена строго к такому-то сроку. А учителя ведь не литераторы. Они писать не привыкли. Тем более – быстро писать да ещё и на совершенно определённую тему. Кое-какие материалы, впрочем, печатались в «Литературе» действительно в срок. Но это было редкостью.

И здесь появился сын Симона Львовича Артём. Он приехал из Америки, где что-то окончил, а потом читал какие-то лекции и был теперь назначен нашим куратором – главным редактором всех приложений. В помощники Артёму дали Нану Дмитриевну Козлову, его тещу, с которой мы подружились и которая через небольшое время сделалась главным редактором «Физики», и Марию Юрьевну Дремач, ставшую потом ответственным секретарём приложений.

Уже после смерти Симона Львовича, когда я в 2000-м году праздновал в редакции своё шестидесятилетие, Нана Дмитриевна спросила меня:

– Геннадий Григорьевич, в каких отношениях вы были с Симоном Львовичем?

– В дружеских, – ответил я.

– А вы знаете, какую инструкцию он дал мне, когда брал на работу? Я должна была найти материалы, которые позволили бы уволить физика и вас. На физика я нашла...

Главный редактор «Физики» действительно был человеком ленивым и мало профессиональным журналистом.

– ...а по поводу вас как-то само собой рассосалось!

Увы, не «само собой»! Первый же мой разговор с Артёмом свидетельствует об этом.

– Я внимательно прочитал вашу газету, – сказал Артём, – и пришёл к выводу, что она должна измениться. Я представил себе, что я – учитель, и что в таком случае полезного для себя я нахожу в вашей газете? Очень мало!

– Школа сейчас реформируется, – ответил я. – В программы включили немало новых произведений. Учебников много, и учителя в них теряются. Я пытаюсь дать им материалы для самообразования. Полезные, по-моему, материалы.

– Нет, – не согласился со мной Артём. – Учителя ищут в наших приложениях ответа на вопрос не «что?», а «как?» Как им практически использовать эти ваши материалы для самообразования? Вот что их интересует. И вот на что вы не отвечаете.

– Хорошо, – сказал я. – Я готовлю сейчас следующий номер, целиком посвящённый Тютчеву. Я отвечу в нём на эти вопросы.

– Что ж, попробуйте, – ответил Артём. – Я подожду этого вашего номера.

Что я сделал? Да то же самое, что сделал бы обычный газетчик. Представил себе, редактируя один материал, что сам являюсь учителем. В этом случае я сделал бы то-то, а здесь обязательно подчеркнул бы то-то, а здесь обратил бы внимание учеников на то-то. Другой материал я попросту прошил всякими «учитель, конечно, сделает так-то», «ученики усвоят, что», «особенно важно, – обратит внимание детей учитель, – что», ну и т. д.

Словом, прочитавший номер Артём оттаял. «Геннадий Григорьевич, – сказал он мне с чувством, – мне очень понравился этот номер. Работайте так дальше».

Нет худа без добра. По-моему, как раз после общения с Артёмом уроки, которые я помещал среди других под придуманной мной рубрикой «Школа в школе», пошли под специально для них выделенной «Я иду на урок».

Артём-то оттаял, а Симон Львович не спешил. Пришли мы с общим его и моим приятелем звать Симу на вечер «Литературы» в ЦДЛ. Я тогда входил в бюро секции критиков и литературоведов Союза писателей и добился расширенного заседания бюро с обсуждением моей «Литературы».

– А для чего мне туда идти? – спросил нас Соловейчик. – Красухин рекламирует свою «Литературу», а мне было бы интересно, что думает народ по поводу газеты «Первое сентября».

Опять – двадцать пять! Будто «Литература» не связана капиллярными сосудами с «Первым сентября»!

– Ну давай, – предлагаю, – устроим обсуждение и того и того.

– То есть, – саркастически уточняет Сима, – газеты и одного её приложения?

Господи, сколько его знал, никогда не предполагал в нём такой завистливой ядовитости! А главное – с кем он соперничает? Ведь это то же самое, что соперничать с частью своего собственного организма!

Но слава Богу, появилась в «Литературке» информация об обсуждении, и Сима сменил гнев на милость. О нём в информации было всё сказано: и о том, что он – основатель, что он талантливый публицист, и что его «Первое сентября» известнейшая газета. Да и были на обсуждении Артём, Нана Дмитриевна и Мария. Рассказал кто-нибудь из них Симону Львовичу, что его имя и его газета были на устах почти у всех выступавших.

Я писал в «Стёжках-дорожках», что был Соловейчик вспыльчивым, но отходчивым. Однажды на летучке газеты «Первое сентября» он в ярости выкрикнул:

– Всё! Вы все уволены! Все до одного! Подавайте заявление об уходе!

Сотрудники подали заявления. Сима их подписал. Начал набирать новых. Набрал. И вдруг через неделю чуть ли не у каждого из уволенных звонок: Симон Львович извиняется за свою выходку, просит простить его и вернуться. Многие вернулись. Так и продолжали работать в уже увеличенном составе.

Истерик? Может быть. Но при этом был Сима добр. А когда ему что-то сделанное тобой нравилось, он тебя обожал. Носился с тобой как с писаной торбой: всем-всем рассказывал о твоих заслугах, всех призывал тобой восхищаться. Так что я не кривил душой, когда назвал в «Стёжках-дорожках» встречу с Симой Соловейчиком огромным везением в своей жизни.

Был он бескорыстен. Очень долго извинялся перед нами, когда приобрёл «жигулёнка», говорил, что считает эту машину общей, что если кому-то из коллектива понадобится ехать в больницу или по каким-то важным личным нуждам, пусть знает, что машина для этого у него есть.

И самое главное – Соловейчик любил своё дело, великолепно знал школьную проблематику и не боялся идти на обострение отношений с каким-нибудь чиновником. «А ты по нему вдарь, – отвечал он на моё возмущение каким-нибудь ведомственным хамом, – у тебя же для этого есть газета!» И я бил, «вдарял», часто с Симиного благословения. Но и без его благословения тоже: он знал, что ни с того ни с сего я не взорвусь!

Увы, его не стало...

Ни у кого в редакции и сомнения не возникло в праве Артёма наследовать отцу. Правда, я удивился: для чего Артёму нужно было оставлять «Первое сентября» в его первоизданном виде? Ведь Симон Львович делал эту газету исключительно под себя. И был главным и постоянным её автором. Собственно, в этом и была её настоящая ценность. Колонки же Артёма, которые он после смерти Симы поначалу писал в каждый номер, ценности не представляли: слогом он не владел, писал шаблонно и скучновато. И вообще современная эта мода – колонки главного редактора – кажется мне издевательством над здравым смыслом журналистики. Образ главного редактора выражает возглавляемая им газета, а колумнист –

это комментатор определённых проблем. Так что зря брался Артём за колонки. К тому же не было у него отцовского авторитета, не было отцовского знания школы.

Думаю, что было бы больше пользы и для него, и для нас, если б он переделал «Первое сентября» в газету бесплатной информации для учителей типа «Из рук в руки». В конце концов, всё нужное ему по своей специальности учитель получает в предметном приложении, а здесь он покупал бы сведения о вакансиях, о новых учебных заведениях, новых пособиях, вообще о любых новациях.

Но советовать Артёму я ничего не стал: не в таких близких отношениях мы находились. К тому же он не вмешивался в дела «Литературы», предоставил мне полную свободу, зачем же мне лезть к нему со своими непрошенными советами?

А вот создание издательского дома я горячо одобрил: Артём собрался издавать книги! Это же замечательно! Сколько, в самом деле, накопилось прекрасных материалов, напечатанных хотя бы в «Литературе»! Но газета, что называется, однодневка. А материал, перепечатанный из неё в книге, – это тот случай, когда, говоря словами Пастернака, «дольше века длится день».

Начали с серии «Я иду на урок». В нашей газете она называлась «Я иду на урок литературы». Книги были адресованы разным школьникам – 6-го класса, 7-го, 8-го и т. д.

Я попросил составлять их молодого своего сотрудника Серёжу Волкова. Московский учитель знаменитой 57-й школы, закончивший филфак МГУ, он был ослепительно талантлив во всём: искромётный стиль, безупречный вкус, углублённое знание школы, психологии детей, учителей. Он начал у меня печататься прежде, чем пришёл ко мне работать. А пришёл он сразу после того самого вечера в ЦДЛ, где обсуждали «Литературу». Прослушав выступления маститых литераторов, он встал, осмотрел зал и попросил поднять руки тех, кто работает в школе. Рук поднялось совсем немного. Тогда и произнёс он краткую речь о том, какой, по его, учителя литературы, мнению, должна быть газета. Я немедленно пригласил его стать нашим сотрудником.

Мы с ним часто вспоминали это его выступление и всегда смеялись.

– Да, Серёжа! – говорил я. – Попросить поднять руки тех, кто работает в школе, находясь на расширенном заседании секции критиков и литературоведов, – это, конечно, попасть в самую точку!

– Да я только потом понял, где нахожусь! – улыбался Волков. Я ни разу не пожалел, что доверил ему составление книг: он это делал мастерски и профессионально, это была его тематика. Поэтому удивлялся недоумению своих коллег – главных редакторов других приложений: почему, дескать, я сам не берусь за составление. А для чего бы я, литературовед, стал заниматься не своим делом? За составление платили деньги? Что ж, Волков получал их по заслугам.

Я и в будущем делал то же самое. Когда был создан Педагогический университет «Первое сентября» – для учителей, для повышения их квалификации, каждую газету объявили его факультетом. Деканом стать я отказался. Назначил на эту должность сперва Тамару Эйдельман, потом Серёжу Волкова, потом Татьяну Алексеевну Калганову. Деканы менялись по их собственной просьбе, но всё это – сотрудники, связанные с той проблематикой, по какой в университете читались (печатались) лекции.

Я сказал тогдашнему главному редактору издательского дома Дине Кондахсазовой, что не одобряю её решения сделать составителем очередной книги «Я иду на урок в одиннадцатом классе» (по современной литературе) Сергея Дмитренко. Они с Дмитренко долго работали вместе в Литинституте, а до прихода к нам Дина была главным редактором издательства «Олимп», где дала Сергею возможность составить немало книг в серии «Школа классики». «Да, – согласился я, – библиография, биографические данные – этим он владеет. Но ведь у нас речь идёт об уроках. А их никто кроме Волкова лучше не отберёт». «Да ну! –

ответила Дина. – Дмитренко, можно сказать, профессиональный составитель. Он столько книг по разным проблемам в разных издательствах составил! Составит и эту!»

С этой книги и начался у меня конфликт с моей заместительницей Машей Сетюковой.

Я поощрял желание Маши писать о новейшей литературе. Ни критиком, ни литературоведом она не была. Её статьи в основном о журнальных новинках были лишены проблемности или рецензионной основательности. Скорее, это была эмоциональная информация, очень похожая на сочинения отличниц моей школьной поры: вступление, основная часть (пересказ, оценки), заключение. Была у меня в газете рубрика «Новое в школьных программах». Под ней я и печатал Машину информацию: разные программы предполагали хотя бы факультативные знания того, что нынче печатается, за что дают премии и т. п. В газете статьи об этом были более чем уместны: даже московские учителя давно уже не выписывали периодики. А в школьных библиотеках российской глубинки книги новейших писателей появлялись только благодаря фонду Сороса, его программе «Пушкинская библиотека». Сейчас этот фонд с российской территории изгнали, все его программы закрыли, но и в то (недавнее ещё!) время обеспечить все школьные библиотеки страны книгами и журналами фонд, естественно, не мог!

В газете, повторяю, статьи Сетюковой были не только уместны, но и полезны учителям. А в книге, которая называется «Я иду на урок», они, конечно, выглядели бы нелепо: какое отношение они имеют к урокам?

Тем не менее, они в ней оказались. И не одна, не две, а все статьи (кажется, больше десятка), которые Маша напечатала в нашей газете.

Увы, для Серёжи Дмитренко она была заместителем главного редактора, то есть начальством, спорить с которым он не осмеливался, наоборот, обычно подтверждал начальственную правоту.

Книгу он вообще, на мой взгляд, составил безобразно: в основном из статей своих друзей и знакомых. И – начальства: он предложил Маше перепечатать какие-нибудь её статьи, не предполагая, конечно, размеров её аппетита: ей захотелось выступить с полным собранием своих сочинений.

Я попросил Серёжу Волкова посмотреть вёрстку и сказать, что он думает о такой книге. Конфликтовать с кем-либо Волков тоже не любил. Но вёрстку всё же посмотрел и пришёл в ужас.

Но Маша его и слушать не стала.

– Если у меня тронут хотя бы запятую, – сказала она надменно, – я сниму всё!

– Снимай! – сказал я ей, узнав от Волкова об их разговоре. – Ты что, воображаешь себя золотым пером редакции?

Маша сникла.

– Но мы, Геннадий Григорьевич, уже обо всём договорились, – миролюбиво начал Дмитренко.

– О чём, обо всём? Для чего вы взяли все эти статьи работника редакции? стыдно быть до такой степени сервильным! – вырвалось у меня.

Маша запомнила слово «сервильный». В моё отсутствие взяла словарь и показала Дмитренко, что оно означает. Серёжа оскорбился.

– Ты должен перед ним извиниться, – сказала мне прознавшая об этом жена. – В любом случае нельзя унижать человека.

Я нашёл способ извиниться. Хотя мнения своего о Дмитренко не изменил.

Несмотря на мои протесты, книга вышла. Препятствовать этому я был бессилён: судьбу книг решает главный редактор не газеты, а издательства или его директор. Единственно чего я добился, – настоял на том, чтобы в сообщении «Общая редакция подсерии

«Литература»» стояла не фамилия главного редактора газеты (моя), как это было в других книгах серии, а фамилия её составителя.

Создание Артёмом издательского дома способствовало перераспределению «родственных» отношений: мы перестали считаться дочками «Первого сентября», встали с ним на равных. Приложения Артём возвёл в ранг газет, так сказать, сестёр «Первого сентября». В логотипах каждой появилось: «Еженедельная газета издательского дома «Первое сентября»».

А книги «Я иду на урок» начали своё победное шествие. Их допечатывали и допечатывали.

А потом прекратили. Оказалось, что где-то за Уралом (или на Урале) наладили издание пиратских копий наших книг. И рынок оказался насыщенным.

Другие издательские серии раскручивались очень вяло. Ближе к моему уходу из газеты издательский дом сосредоточился в основном на выпуске небольших брошюр. Но это произошло уже в то время, когда все наши газеты сильно ужались в объёме.

Начинали мы с восьмистраничных приложений размером, говоря профессиональным языком, А-3 (то есть как «Литературная Россия», «Экстра-М», «Метро» и многие другие). Но ещё при Симоне Львовиче расширились до 16 страниц (полос, как говорят журналисты). Стали в точности размером с «Литературную Россию».

Воспользовавшись расширением, я придумал делать «газету в газете», которую назвал «Семинарием», он располагался в середине. Я придумывал для него эпиграфы, которые менял иногда с какого-нибудь новогоднего номера, но держал фразу, которую вынес в эпиграф довольно долго, в надежде на то, что она отложится в сознании учителя и он приобретет, быть может, к открывающейся ему истине.

Например: «Нравственная цель сочинения не в торжестве добродетели и не в наказании порока. Пусть художник заставит меня завидовать угнетённой добродетели и презирать торжествующий порок» (В. Ф. Одоевский). Или в другие годы – пушкинское: «...Цель художества есть идеал, а не нравоучение». Или перед тем, как мы перешли на другой формат: «Венера, возбуждающая похоть, плоха. Она должна только петь красоту в мраморе» (Фет – Л. Толстому). Очень важным я считал раскрыть учителю цель и смысл искусства вообще и литературы в частности. Особенно учитывая, что большинство педагогов преподавали в советское время, присвоившее себе опровергнутую всей великой русской литературой XIX века максимуму классицизма: «Литература – это учебник жизни».

Предшественник нынешних, шесть раз в год выходящих брошюр, еженедельный «Семинарий» стал мощным обучающим средством. Я имел возможность публиковать в нём солидные работы, посвящённые творчеству одного писателя или одному произведению. Мы вернули в филологию и в педагогическую науку массу забытого, затерянного в старых журналах материала (в основном благодаря Л. И. Соболеву и Б. А. Ларину, большому знатоку истории преподавания литературы в России). Весь семинарий отдавали под уроки какого-нибудь учителя, вчера ещё мало кому известного, а сегодня, так сказать, проснувшегося знаменитым в педагогическом мире. Я знакомил учителей с работами их коллег из других регионов, так и называя семинарий «Уроки учителей Пензенской области» (или Пермской, или Смоленской, или Башкортостана и т. п.). Иногда наш семинарий шёл под рубрикой «Учимся у учеников», где мы печатали порой восхитительные работы школьников. Был я как-то по делам в командировке в Челябинске и Озёрске – городе физиков, расположенном в Челябинской области. Привёз массу интересных материалов. Напечатали и уроки озёрских учителей и сочинения и рефераты озёрских учеников. Они особенно пришлись по душе рецензенту журнала «Новый мир», написавшему, что, очевидно, настала пора всерьёз говорить об «озёрской школе».

Надо! Надо говорить всерьёз! И не только об «озёрской», но и о «сургутской школе» – например, о гимназии-лаборатории В. М. Салахова, её кафедре русского языка и литературы, которую возглавляет Ольга Александровна Ткаченко. Дважды удалось побывать мне в сургутских классах. С таким удовольствием, которое испытывали дети на уроках от бесед со своими педагогами, я сталкивался редко.

И не только о «сургутской» школе надо говорить всерьёз, но и... Ладно. Перечислять не стану, боюсь кого-нибудь забыть, обидеть. Скажу только, что за двенадцать лет в «Литературе» мне доводилось много раз наслаждаться работами талантливых учителей, одарённых учеников.

Читал ли наши материалы Артём? Не уверен. Никак не отозвался на известие, что Вольфганг Казак написал о «Литературе» в популярном среди славистов европейском журнале. О нас писал не только Казак. Мы вывешивали ксерокопии статей на всеобщее обозрение. Артём не произнёс ни об одной из них ни слова.

* * *

Но и не мешал. Точнее – ни во что не вмешивался. И я был благодарен ему за это.

Однако грянул дефолт. Некоторое (недолгое) время мы выходили в укороченном виде (на 8 полосах), а потом вернулись к прежнему объёму. Не сразу, но стало обнаруживаться, что в отличие от покой – ного Симона Львовича, ощущавшего себя прежде всего нашим коллегой, Артём чувствует себя хозяином фирмы и ведёт себя соответственно своему чувству. Я не люблю считать в чужом кармане, но иномарки, на которые пересело ближайшее окружение Артёма, его яхта, его собственные роскошные автомобили показывали, по-моему, что финансовые дела фирмы были очень не плохи. Тем не менее, если верить Артёму, они всё более и более становились ужасными: он связывал это с падением суммарного тиража газет.

Он приказал поменять их формат на А-4. Это размер обычного листа бумаги для ксерокса или для принтера. Объём, правда, остаётся тот же. Будем выходить на 64 полосах. Тот же, стало быть, да не совсем. Теряем за счёт укороченности страниц примерно до пятой части текста. Но не только это побудило меня идти объясняться с Артёмом.

– Артём, – сказал я ему. – Человек по своей природе консервативен. Привычка, как вы знаете, – вторая натура. Нормальные газеты, учитывая это, не меняют свой облик десятилетиями и даже столетиями. Только на изменении формата мы можем потерять значительное количество подписчиков.

– Из-за этого, – отмахнулся он, – не потеряем.

– И для чего нам такая цветная обложка? – продолжил я. В демонстрационном варианте она была представлена такой, какой сейчас вы её можете видеть: сзади обложка была размером с газету, а спереди – в половину газетного листа. – Я недавно вернулся из Парижа, – говорю, – в подобных обложках издания, как правило, бесплатные, рекламные, валяются в мусорных баках.

– Мы ведь живём с рекламы, – ответил Артём. – А рекламодатели требуют цвета. С одной стороны обложки я возьму... (он назвал очень крупную сумму).

– А передняя торчащая половинка для чего?

– На её внутренней стороне я тоже помещу рекламу. И вам будет от этого хорошо, и мне.

Но никому хорошо от этого не стало. Задняя обложка действительно нередко рекламировала книги «Просвещения» или «Дрофы». Но другая её сторона и та внутренняя, укороченная, содержали информацию о нашем издательском доме или о нашем университете. Ясно было, что Артём просчитался.

Признавать собственных ошибок он не любил. А вот взыскивать за них с других обожал.

Конечно, от изменения формата мы все потеряли в тираже. Но моя газета потеряла не только из-за этого.

Сколько лет мы вели войну с Министерством образования, которое усиленно пропихивало в школы так называемый единый государственный экзамен (ЕГЭ) – тестовые испытания детей. На всех совещаниях учителей-словесников одна и та же резолюция принималась либо единогласно, либо подавляющим большинством: тестовая проверка по литературе погубит этот школьный предмет. Спрашивать ребёнка: «Кто главный герой «Отцов и детей»?», предоставляя ему выбирать из вариантов ответов: «а) Евгений Онегин, б) Митрофан Простаков, в) Евгений Базаров», – никому не нужное издевательство и над классиком, и над его книгой, и над её читателями.

Я выступал по этому поводу не только у себя в газете. Писал и в «Учительскую газету», и в журнал «Народное образование», и в сетевой «Русский журнал». Больше того. Написал письмо, которые согласились подписать председатель русского Пен-клуба Андрей Битов и его генеральный секретарь Александр Ткаченко (его напечатала «Новая газета»). Я прочитал недавно о том, что вокруг ЕГЭ велись якобы яростные споры. Свидетельствую: никаких споров не было. Не было спорящих сторон, а были противоборствующие: педагогическая общественность (учительская масса) против чиновников от образования (представителей власти). И хотя абсолютное большинство боролось с ничтожным меньшинством, победа меньшинства была predeterminedena правилом, которое установил ранний путинский режим: ответственности предоставлена широкая свобода высказываться, а властям – делать своё дело, не обращая на эти высказывания никакого внимания.

Особенно настойчив и назойлив был заместитель министра Виктор Александрович Болотов. Сейчас он возглавляет Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки. Этот железной рукой вёл школу к ЕГЭ от совещания к совещанию, то есть от победы к победе. Потому что на каждом совещании цифры школ-сторонников ЕГЭ, которые называли министры российских регионов, возрастали многократно. До нынешнего года сопротивлялась Москва. Но и она в этом году капитулировала. Из всех вузов, не согласных зачислять абитуриентов в студенты по результатам ЕГЭ, остался один МГУ. Но недаром пошли из Кремля слухи о готовящемся законе: кроме ректора в вузе будет ещё и президент, причём кандидатуры того и другого вузовский персонал будет избирать из тех, кого ему предложат чиновники от образования – федеральные или местные. Из своей среды без согласования с начальством выбрать ректора (и для чего-то ещё президента) у вузовского коллектива не получится! Этого нет нигде в мире? Ну так будет в России – в стране управляемой демократии! (И Российскую академию наук собираются захватить – подчинить её правительству, тому же Министерству образования и науки, лишит академиков права самим решать, кто будет её президентом, – за них это сделает ни больше ни меньше, как сам президент России!)

Нет, пока что какие-то предметы разрешено сдавать в формате и ЕГЭ, и обычных экзаменов. Но историю уже нет. Болотов плотно закрыл уши, чтобы не слышать возмущённого рёва, и самолично подписал приказ: экзамен по истории отныне может быть только в форме тестов.

«Где происходила встреча наших и союзных войск? – 1) на Калке, 2) на Березине, 3) на Эльбе».

Бред? Таких тестов не может быть? Ну почему же! Предложили ведь в позапрошлом, 2004 году, на экзамене по истории такой проверочный текст: «Запрет генетики в СССР был связан с именем академика: 1) Т. Д. Лысенко; 2) А. Д. Сахарова; 3) Л. Д. Ландау; 4) И. В. Курчатова». Чем он лучше или хуже того, который я придумал? Правда, сейчас больше уповают на какие-нибудь мини-изложения, мини-исследования.

Почему не выдержал Болотов и стукнул кулаком по столу по поводу истории? Сам он объясняет свои действия заботой об «историческом мышлении» ребёнка: «Для меня главное в преподавании истории – научить размышлять»: «Например, что было бы, если б в Октябрьской революции победили не большевики, а левые эсеры? Или Октябрьская революция не состоялась, а взяли бы власть кадеты?» Призывает Болотов преподавателей истории «в старшей школе учить рассуждать: давайте посмотрим на это событие с разных позиций, представим, что было бы без монгольского нашествия. Как развивались бы события?»

«Действительно, – иронизирует по этому поводу Анатолий Шикман, учитель московской гимназии № 45, – что было бы, если бы Виктор Александрович Болотов родился не мальчиком, а девочкой, если бы он занимался не математикой, а вышиванием, если бы он в годы оны не вступил в КПСС, а затем, в другие годы, из неё не вышел, смог ли он сделать блистательную административную карьеру?»

Ибо «даже толковому школьнику известно, – пишет дальше в «Новой газете» (10.08–13.08.2006 г.) Анатолий Шикман, – что история ценна именно тем, что позволяет понять, каким образом мы стали такими, какие есть, а не фантазиями на будто бы историческом материале, ценность которых лишь в том, что их невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть».

Для того я и позволил себе эту позднюю вставку, что она наглядно показывает удручающий непрофессионализм тех, кто стоит у руля российского образования. Каких, в частности, профессиональных суждений можно ждать от математика, управляющего историей?

На самом же деле Болотов стукнул по столу, потому что прежде него по своему столу стукнул кулаком кремлёвский сановник. Помните вельможный гнев кого-то из небожителей, прочитавшего новый учебник истории для школы: «Кого мы воспитываем? Что это ещё за пораженчество (это по поводу реальных фактов)? Почему в учебнике отсутствует патриотический пафос (это по поводу советских легенд о героизме)»?

Да и Владимир Владимирович Путин, как сам недавно сказал журналистам, озабочен историей, занялся самообразованием: на юридическом и в чекистских школах нет в программах Карамзина с его «Историей государства Российского». Вот и читает, нет – слушает он по пути на работу карамзинскую историю, записанную на диске, – аудиокнигу.

Ох, как ошалели от такой информации чиновники от образования: «Гениально! Аудиокнига! Вот что нужно школе!» И пошли штамповать русскую классику на дисках. А что? Очень удобно! Сидит ребёнок в метро, покачивается, а из наушников ему: «Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла...» Огромная, говорят, от этого польза: всё же не Валерия какая-нибудь и не Дима Билан – Пушкин!»

Вот и Александр Исаевич Солженицын так воодушевился телесериалом по «Идиоту» Достоевского, что дал режиссёру и исполнителю главной роли премию своего имени (кстати, кого вы знаете из тех, кто при жизни учредил бы премию своего имени? Ну да, Сталина. Наверное, Туркменбаши. А ещё кого?). Понять Александра Исаевича можно: не «Менты» на экране и не «Дом-2» с Ксенией Собчак, а Достоевский!

Понять-то можно, да радоваться этому не хочется. Ездил я, и не один раз, на всероссийские олимпиады по литературе. Читал работы лауреатов. И за голову хватался: инфинитив, как правило, без мягкого знака, и наоборот – глаголы 3 лица совершенного времени с мягким; разницы между местоимением и существительным с предлогом лауреаты не ощущают – в одном месте пишут: «Поехал ей на встречу», в другом: «Навстречу с ним она прийти не захотела». «Что же это такое? – спрашиваю у постоянного председателя жюри Льва Всеволодовича Тодорова. – Как же можно с такой грамотностью объявлять человека лауреатом?» «А мы, – слышу, – олимпиада по литературе, а не по русскому языку. Это там оценивают грамотность. А мы – литературные знания, эрудицию».

С легендарных времён первых гимназий в России ученики писали сочинения, которые их учителя оценивали двумя отметками – за грамотность и за литературные знания. Так и в моём школьном детстве было, и в школьном детстве моего сына. «Тема-то раскрыта, – объясняли, – молодец. За это тебе пятёрка. Но вот забыл поставить запятую после вводного слова, потому по русскому и четвёрка». И ничего против этого не возразишь: обязательно надо отделять запятой вводное...

* * *

Сейчас низкая грамотность людей стала настолько удручающей, что создали специальный совет по русскому языку. Его то ли почётным, то ли просто председателем стала жена президента. Вот, скорее всего, по рекомендации этого совета и разделили русский язык и литературу. Объявили русский язык государственным предметом. А это значит, что во всех вузах, независимо от их профиля, будут приёмные экзамены по русскому языку, а не по литературе, как прежде.

В моё время изучение русского заканчивалось в неполной средней школе. И в семидесятые – в школьные годы сына – тоже. Да и несколько лет назад ещё так было. А нынче литературу потеснили, можно даже сказать: вытеснили. Или если уж совсем точно – урезали. Постепенно, внедряя ЕГЭ, перераспределяли часы на изучение того или иного предмета. Оставили литературе жалкие крохи времени. А теперь и от этой кучки отгребли. На русский язык, который появился в старших классах.

Для чего он там нужен? Для повторения пройденного в младших классах? Ведь это всё равно, что старшекласников вернуть к арифметике, урезая часы, допустим, на тригонометрию.

Министерство никаким разумным доводам не внимает. Делает своё дело – уничтожает школьный предмет, ни на кого не оглядываясь.

Не бескорыстно, конечно. Недаром поначалу горячо взялись заменять выпускное сочинение изложением. «Надоели претензии родителей к проверяющим сочинения учителям, – объясняла Лидия Макаровна Рыбченкова, заместитель начальника Департамента образования Москвы. – Слишком порой субъективны их оценки. И основания для субъективности сочинения дают!»

Дважды я писал – у себя в газете и в сетевом «Русском Журнале» – об этой горячей стороне изложения. Она добилась, чтобы изложение писали на выпуске из неполной средней школы – девятиклассники. И узаконила учебное пособие, из которого следует учителям брать материалы для экзамена. Представьте себе, каким тиражом оно напечатано и постоянно допечатывается: ведь оно обязательно для всей России! У этого пособия два автора. Один – заведующая редакцией издательства «Дрофа», выпустившего пособие. Второй... Рыбченкова, ставшая не так давно начальником отдела Департамента общего и дошкольного образования Минобрнауки России!

Некогда очень крупный чиновник министерства рассказывал мне, почему Болотов и компания уничтожают национальную нашу систему образования с помощью этого пресловутого ЕГЭ. Оказывается, тестовая экзаменационная система есть во многих странах Запада. Наши документы, подтверждающие полученные знания, – аттестаты, дипломы, там, в этих странах, как бы не полноценны: нужно проходить какую-то дополнительную проверку. Существует Международный банк реконструкции и развития (если я правильно его называю), который даёт деньги, и немалые, на нивелировку, на выравнивание. Услугами этого банка пользуются обычно слаборазвитые страны Азии или Африки, у которых, как правило, своих сложившихся форм управления хозяйством или своей системы образования

нет. Банк предложил очень хорошие деньги и нам. Возвращают их в том случае, если банк обнаружит, что реформы проведены не были.

«Мне редкостно везло в жизни, – признавался академик Борис Викторович Раушенбах. – Повезло и в науке, и в преподавательской деятельности. Тем более в России, где система образования много выше, чем в других странах, на несколько голов выше...» Основположник нового направления в космических исследованиях, работавший с Королёвым и Келдышем, профессор знаменитого Физтеха в подмосковном Долгопрудном, он читал там лекции не только по своей специальности, но и курс под названием «Иконы», написал десятки специальных книг по космическим направлениям в физике и книги о Троице, о теории художественной перспективы. Так что его слова о том, что в России система образования «на несколько голов выше», чем в других странах, – это не похвальба кулика своим болотом. Раушенбах знает, о чём говорит:

«В XX веке появилось много «умных» людей, – я, разумеется, не считаю их умными, поэтому беру это слово в кавычки, – которые любили разглагольствовать, проповедуя идею свободного, без принуждения, развития ребёнка. В результате эта тенденция привела к резкому ухудшению образования на Западе. Ребёнок не будет учить что-то сам, зачем ему это надо, тем более если перед ним сложные, недоступные его уму вещи! Идея современной западной педагогики о естественном ненасильственном пути, может быть, и прекрасна, но достигает мизерного результата. Таково моё впечатление, основанное на фактах.

В своё время моя внучка училась в Германии, и мне было интересно узнавать от неё, что же происходит в немецкой школе, в нормальном учебном заведении, где она занималась в течение целого месяца. Поскольку внучка свободно владеет языком, ей оказалось нетрудно вписаться в процесс, и я имел возможность наблюдать его со стороны и изнутри. Оказалось, что более убогого учреждения, чем немецкая школа, представить себе невозможно, внучка была в ужасе, говорила, что одноклассники – тупицы, ничего не знают! И учитель считал, что она несравнимо переросла тот класс, в который попала соответственно своему возрасту, и говорил ей: «Тебе надо бы перейти в старший класс, там могут быть ученики на твоём уровне»».

А вот взгляд Раушенбаха на сегодняшнюю систему образования в России, увы, уже устарел: «Должен отметить, что система образования XIX века сохранилась у нас то ли по недосмотру наших начальников, то ли ещё по какой причине, но, к счастью, сохранилась! И не дай Бог, какой-нибудь начальник очнётся и примется перестраивать её на американский лад, тем более что в начальники, как уже неоднократно говорилось, идут в основном пустозвоны».

Очнулись, Борис Викторович! И оказались не просто пустозвонами, но жлобами! Деньги у банка хапнули. И началось выкручивание рук и затыкание ртов. Особенно это касалось учителей литературы. Она ведь меньше всего поддаётся тестированию, которое может обнаружить только то, что человек читал книгу. Но что он в ней вычитал, обнаружить не в состоянии. Отменив сочинение, корыстолюбивые чиновники отменили и главную миссию учителя, ради которой он пришёл в школу: приучить ученика любить книгу, вникать в её текст, в его особенности. А кроме того сочинение давало полное представление о грамотности ребёнка.

Какая, однако, трогательная забота о наших согражданах, призванных властями встать в одну шеренгу с Западом. Ни в чём другом власти своим гражданам сравняться с западными не позволяют: как можно? – у России свой особый путь, Запад ей не указ! А разрушить традиционную систему образования – да ради Бога: платите только денежки!

Оказывается, что и государство платить собирается! Ради такой сногшибательной новости делаю в эту главу вставку – выписываю из «Новой газеты» (7.08—9.08.2006 г.) информацию о том, как будет Министерство образования раздавать регионам субсидии из

федерального бюджета: «Ещё в июле, на первых порах обсуждения субсидий в Министерстве образования, стало ясно, что деньги будут давать тем регионам, которые проводят в свет инновационную политику министерства. Тем же, кто до сих пор упрямится, придётся стать более сговорчивыми. Или жить на собственные средства».

Как говорили ещё со сталинских времён: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим!»

Аудиокниги или видеокниги (телесериалы) – следствие всё того же эксперимента, который отучает людей читать. А ведь, как писал Пушкин, «чтение – вот лучшее учение». И действительно лучшее: ещё до того, как разъяснят ребёнку правила правописания, он, приученный читать, непременно зафиксирует, что то-то и то-то, оказывается, пишется так-то и так-то. В этом и состоит суть так называемой «врождённой грамотности». А без чтения заучивание грамматических правил превращается в скучнейшую зубрёжку, которой не излечишь недуга, даже если введёшь уроки русского языка во всех вузах на всех курсах!

Всё это я ещё и к тому, что унижение литературы в школе не могло не сказаться и на тираже моей «Литературы», которая, впрочем, мужественно держалась сперва возле отметки 15 000, потом возле 10.

Артём и его команда вникать в такие тонкости не хотели. «Вот Марк Сартан, – говорил мне Артём. – Он по профессии не психолог. Однако видите, каким тиражом выходит его «Школьный психолог»?» «Но много ли у него конкурентов? – спрашивал я. – Много ли выходит изданий по школьной психологии? А ведь это новация. Прежде в школе психологами не интересовались».

– Ну почему же нет конкурентов, – говорил мне позже Марк Сартан, назначенный Артёмом заведующим рекламного отдела, главным редактором газеты «Искусство» и куратором брошюр того блока газет, куда попала наша. – В Питере было издание по школьной психологии. – А по поводу проблем с литературой, низведённой Министерством до уровня рисования или пения, сказал: – Думаете, только у вас проблемы? Все жалуются: и химики, и биологи. Однако, вот... – и он демонстрировал на своём ноутбуке графики, показывающие, что химия за последние годы потеряла в тираже меньше, биология – тоже, а вот литература! – Вот так, Геннадий Григорьевич! – сожалеюще говорил Марк.

Марк потому и наполучал столько должностей, что входил в артёмовскую административную команду. Человеком он был неплохим и не то что не ощущал своей некомпетентности, но прикрывал её некой надменностью в разговоре с другими. Главной его козырной картой был, конечно, тираж газеты «Школьный психолог», которую он передал другому, чтобы возглавить «Искусство» взамен единственного, кроме меня, оставшегося в редакции профессионального газетчика Нелли Измаиловой. Она много лет проработала в «Известиях» и была знакома со всеми деятелями культуры в России, которых легко привлекала к сотрудничеству. «Искусство» было красивой газетой: она (увы, только она!) печаталась в цвете. Учителей нового предмета МХК (мировой художественной культуры) в школе намного меньше, чем учителей других специальностей. Поэтому 3000 (тираж «Искусства») удивлять не должны. Тем не менее, именно потому, что предмет этот новый, его преподаватели должны были быть рады любому помогающему им материалу. Нелли Измаилова это понимала. А вот сменивший её Марк Сартан вряд ли.

Помню, прислали мне из провинции объёмную работу, посвящённую живописным портретам русских писателей. У каждого живописца – своя концепция, это понятно. Но провинциальный автор весьма интересно показывал, как по-разному видят живописцы одного и того же писателя, и убедительно доказывал, что по-своему прав каждый портретист, ибо опирается на определённое произведение автора, на определённую его черту. По своим размерам работа тянула на брошюру, и я предложил её Марку Сартану, убеждённый, что он с радостью ухватится за такой материал. Увы, он объяснил мне, что не видит смысла в том,

чтобы образовывать учителей МХК (а через них и учеников). Потому и ушла Нелли Измаилова сразу и со всей своей командой, что не согласилась с концепцией Артёма, которую он развил на очередном совещании главных редакторов: побольше методики, а в идеале – одна только методика!

– Вот и тебе стоит подать заявление об уходе, – сказала мне жена.

– Подожду, – ответил я. – Может, как-нибудь выкручусь! Зря я к ней тогда не прислушался! Надо было уйти! Что со всей командой не получится, это я понимал, хорошо зная обоих Сергеев – Дмитренко и Волкова. Захотят остаться – ради Бога!

И всё-таки я сообщил Дмитренко, что подумываю об уходе. «Мы уйдём вместе, Геннадий Григорьевич!» – горячо сказал он. А через некоторое время получаю послание от Соболева: что происходит в редакции? Дмитренко написал, что, дескать, могут быть какие-то кадровые изменения и что он, Дмитренко, останется в редакции только в том случае, если главным назначат его, Льва Иосифовича Соболева.

Что фамилия Соболева Артёму и в голову не придёт, а если и придёт, то Лев Иосифович никогда не согласится заниматься не своим делом, Дмитренко понимал. Но, как мне стало ясно, заметался в поисках вариантов.

Понял я, что рассчитывает он стать главным редактором в случае моего ухода. Его мало смущало (скорее всего, он этого и не ощущал) отсутствие навыков газетчика: так он совершенно всерьёз предлагал мне упразднить только что открытую нами новую рубрику: «Ну какая разница? Читатели этого даже не заметят!» Редактировал он материалы по-школайски, не принимая в расчёт индивидуальности авторского стиля. Но, как прежде Маша Сетюкова, занимался техническими вопросами, избавляя меня от постоянных контактов с корректорами, с наборщицей, с верстальщицей, – так что я недаром называл его в выходных данных не просто своим заместителем, но ещё и ответственным секретарём.

С ним я чувствовал себя намного уютней, чем с Сетюковой, хотя, в отличие от неё, за Серёжей следовало присматривать. Не прочитаешь календарь, развернёшь газету – и ахнешь: восторженная заметка о Паламарчуке (помните этого православного националиста?), панегирик Михаилу Лобанову, пострадавшему якобы за правду: напечатал в журнале «Волга» в 1982 году статью, за которую сняли главного редактора журнала, а самого Лобанова чуть не выгнали из Литинститута. И ни звука о взглядах Лобанова, который был одним из активнейших русских националистов, что и выразила его статья (а к националистам в советском руководстве далеко не все относились благосклонно). Ни слова о том, что Лобанов на голубом глазу утверждал, что не «Новый мир» Твардовского подрывал коммунистический режим, а нацистская «Молодая гвардия» Никонова, которого именно за нацизм и сняли, но влиятельные приятели из ЦК перевели его главным редактором в журнал «Вокруг света». А почти ежегодное упоминание в календаре Пименова, бывшего борца с космополитами в театральной среде при Сталине, позже полуграмотного ректора Литинститута!

Для чего Дмитренко нужны были эти ставшие ритуальными упоминания? Он рассказывал мне, что многим обязан Пименову, тот взял его, окончившего Литинститут, в аспирантуру, зачислил после неё в штат преподавателем, а главное – пробил ему, жившему в Орджоникидзе (теперь Владикавказ), московскую прописку на площадь строящегося кооператива в Конькове.

Понимаю его благодарность этому человеку. Ну так и звони в день его рождения или смерти его родственникам: давай им понять, что не забыл добра. А читатели «Литературы» причём?

Особенно возмутила меня его заметка о Сталине, появившаяся накануне номера, полностью посвящённого 50-летию со дня смерти узурпатора. «Уникальный номер, – сказал мой старший товарищ Лазарь Лазарев, прочитав его. – Во всех газетах читаю: да, диктатор, да, людоед, но... А у тебя – никаких "но"».

Ах, если бы прочитал Лазарь календарь предыдущего номера: Сталин, конечно, диктатор, но разве его можно сравнить с Лениным, который...

– Понимаете ли вы, – спросил я Дмитренко, – что обелили Сталина: диктатор, дескать, но не чета Ленину?

Перечить начальству Серёжа не любил:

– Учту, Геннадий Григорьевич, на будущее.

Нет, иногда он взрывался, мог накричать на меня, но по пустяковым поводам, когда понимал, что скандал ничем ему не грозит.

В жуткую и утомительную борьбу с ним вылились открытые нами рубрики «Книжная полка» и «Стенд». Сколько я вылавливал и снимал его рецензий на книги, не имеющие никакого отношения к нашей проблематике. Он писал их сам, заказывал друзьям, делал обзоры альманахов или журналов, которые вряд ли читают даже московские так называемые «продвинутые» учителя и уж точно не читают учителя российской глубинки.

– Мы ведь так можем потерять последних подписчиков, – говорил я.

Он соглашался, божился, что больше этого в газете не будет. Но стоило мне только полностью положиться на него, всё повторялось.

Зачем я доверялся Дмитренко? Это не совсем так. Я ему не слишком доверялся.

Особенно после того, как, в очередной раз захотев подать заявление об уходе и сказав ему об этом, я поддался уговорам друзей не уходить, чтобы не оставлять газету неизвестно кому, о чём я тоже сказал Сергею.

Реакция его была яростной:

– А вот я, – сказал он, – не раздумывая, подал заявление об уходе из Литинститута.

– Не раздумывая? – удивился я. – Для чего же тогда нужно было идти на заседание кафедры?

Новый ректор Литинститута Есин очищал, так сказать, его ряды. Заведовать кафедрой русской литературы XIX века, где работал Дмитренко, он поставил человека мелочного и злобного – Юрия Минералова, который (сужу по опубликованному «Дневнику ректора») Есина обожал: хвалил в лицо, посвящал ему стихи и пр. А остальных не терпел. В том числе и Дмитренко.

На заседание кафедры, где Дмитренко должен был отчитаться о своей работе, явился Есин со свеженазначенным проректором Скворцовым, о котором вы можете прочитать в дневнике К. И. Чуковского от 26 июня 1968 года. Корней Иванович пишет там о Н. И. Ильиной, которая ему «рассказывала о гнусном поведении Скворцова». А Наталья Иосифовна Ильина в книге «Дороги и судьбы» написала, что «бездоказательная и демагогическая» рецензия Скворцова на повесть И. Грековой «На испытаниях», напечатанная в научном журнале, настолько возмутила Чуковского, что тот явился в Институт русского языка, где Скворцов работал, на обсуждение этого учёного журнала и насмешливо отхлестал рецензента Грековой, поразив и смутив его. «В те годы, – заканчивает Ильина, – смутить С.(кворцова) ещё было можно». Понимай, что в те годы, когда Есин взял Скворцова проректором, того уже смутить ничем было нельзя! Да мне и Людмила Александровна Гончар, главный редактор газеты «Русский язык», коллега моя по «Первому сентябрю», неоднократно подтверждала: ничем не смутишь! Лев Иванович Скворцов сейчас бессменный председатель Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, и Гончар хорошо изучила его пристрастия и повадки.

Словом, в присутствии высокого начальства Дмитренко подвергся жесточайшей критике, его отчёт признали провальным, после чего тот и подал заявление об уходе.

Потом-то Есин даже жалел, что сгоряча его прогнал, звал назад.

Нынешнее его настроение от меня не укрылось. Ясно было, что он ждёт моего заявления об уходе. И понятно, почему ждёт.

Так что не так уж я ему и доверялся.

Отдал бы я прежде Дмитренко на редактуру хоть один материал, зная, что из этого выйдет? Нет, конечно. А здесь стала наваливаться на меня какая-то апатия. Я приносил номер газеты домой, читал его от корки до корки и поражался, сколько в нём напечатано бредятины! Не из-за Дмитренко. А из-за того облика, который неуклонно придавали газете Артём и его команда.

Только однажды Артём разошёлся со своими соратниками – когда объявил, что газеты будут выходить не четыре, а два раза в месяц. Он так и сказал об этом на совещании главных редакторов: «Здесь я остался в полном одиночестве. Меня никто не поддержал. Но думаю, что я прав!»

А через некоторое время ещё раз обрадовал подписчиков: сократил объём газет. Вместо шестидесяти четырёх они стали выходить на сорока восьми страницах. Удивительно ли, что тираж продолжал падать?

Однако удивляет другое: у «Литературы» он оставался по-прежнему ощутимо выше, чем у «Русского языка». Ведь русский стал государственным предметом: не спешили, стало быть, читатели изменять своим пристрастиям.

Но подобные резоны Артём во внимание не принимал. Его команда взяла какой-то из последних девяностых годов за точку отсчёта: был тогда у газеты такой-то тираж, вот и будем исходить из него, считая, сколько процентов вы потеряли или приобрели.

Симон Львович тоже вёл дело жёсткой рукой. Но он благоволил к людям, заботился о них. Мы жили при галопирующей инфляции в стране и почти её не ощущали: Сима следил за тем, чтобы наши зарплаты если и не опережали инфляцию, то хотя бы поспевали за ней.

После дефолта Артём поднял наши оклады. Не слишком, конечно, высоко, но всё-таки. А потом как бы забыл о нас. На инфляцию он не обращал никакого внимания, делал вид, что не понимает, что деньги, которые он платит сотрудникам, теряют в своём весе.

Мало того. Он ещё и уменьшил гонорарный фонд редакции. Симон Львович с радостью выплачивал солидные гонорары, гордился, что мог их выплачивать. При Артёме мы платили ничуть не больше, чем «Учительская газета», меньше журнала «Литература в школе» и даже меньше такого малотиражного «толстяка», как «Знамя», которое сбивалось с ног в поисках спонсора, а найдя его, авторам платило достойно.

Но себя Артём ни в чём не ограничивал. А главное, не считал нужным скрывать свою любовь к комфорту и к роскоши перед сотрудниками. Полная противоположность Симону Львовичу!

В 2002 году фирме исполнилось десять лет. Артём объявил, что десятилетний стаж сотрудника на фирме отныне считается ветеранским и что ветераны получают прибавку к окладу.

– Вот увидите, – возбуждённо говорила мне ныне, увы, покойная сестра Симона Львовича Иосефа Львовна, главный редактор «Математики», – Артём установит надбавку в тысячу долларов.

– Вы – романтик, Иосефа Львовна, – отвечал я. – Хорошо, если прибавит тысячу рублей.

Тысячу рублей он и прибавил.

Он постоянно жаловался на отсутствие денег на фирме и обвинял в этом нас, главных редакторов газет.

– И вы ему верили? – удивился один из хорошо знающих издательский бизнес человек, которому я это рассказывал, когда ушёл из газеты. – Только на одном университете «Первое сентября» он зарабатывает уйму денег. Это такой же прибыльный проект, каким был в своё время проект предметных приложений.

– Да я ему и не верил, – ответил я. – Я написал Артёму, что газеты, такие как наши, как правило, убыточны.

Да, я написал Артёму письмо. После очередного совещания главных редакторов, где он объявил о том, что зарплатный фонд каждой газеты будет привязан к тиражу. Каждый потерянный его процент автоматически уменьшает фонд заработной платы твоей газеты. Но заставило написать меня письмо не это.

– Вы висите гирями у меня на ногах, – говорил он нам на том совещании. – В конце концов, я здесь хозяин и я решил...

Его «хозяин» меня взбесило. Далеко же он ушёл в таком осознании нашего сотрудничества от своего отца.

– Да, – сокрушённо написал мне мой старший товарищ, бывший коллега по «Литературной газете» Павел Волин, с которым мы переписываемся по электронной почте, – просто не верится. Я знал Лёву и Симу – оба были добры и интеллигентны. Видимо, на Артёме природа решила отдохнуть.

Лёва – это дед Артёма, отец Симы, Лев Соловейчик, работавший ещё в легендарной «Красной Звезде» Давида Ортенберга.

Не только Павел Волин так относился к покойным Соловейчикам. Мне и Лазарь Лазарев, знавший их, говорил, что Артём ничего не имеет общего с отцом и дедом.

Письмо ему я писал, тщательно обдумывая, редактируя фразы, стараясь, чтобы оно не выглядело обвинительным заключением. Я делился своим видением политики Издательского дома, который, как я уже говорил, бездействовал, хирел на глазах. «Думаю, – писал я, – что если б главных редакторов призвали помочь Издательскому дому в выпуске занимательных книг по разным предметам, его финансовое положение было бы иным». Мне хотелось донести до Артёма мысль о необходимости доверять профессионализму и профессионалам, уважать их. «Моё отношение к Вам и Вашей семье как к родственникам дорогого мне Симона Львовича не изменится и в случае, если Вы решите со мной расстаться, – заканчивал я. – В таком случае, буду рад, если моё письмо пригодится Вам в осуществлении издательской политики».

Но довести письмо до кондиции не успел. Пришла секретарша Артёма и сказала, что он хотел бы со мной встретиться.

Пришлось выводить письмо таким, каким оно лежало в моём компьютере. Войдя к Артёму, я протянул ему письмо и попросил: «Сперва прочтите это».

Он читал медленно и внимательно. А, закончив, сказал:

– И всё-таки это не меняет моего решения избавиться от главных редакторов газет с самым большим процентом падения тиража. Лисичкина («Математика») мы уже уволили. Остаётся вы и «Начальная школа».

Главным редактором «Начальной школы» была его жена Маша, очень симпатичный человек. Неужели он и её уволит?

Забегая вперёд, скажу: нет, не уволил! Наверное, передо мной и перед Виктором Тимофеевичем Лисичкиным, – а он мне рассказывал о таком же его разговоре с Артёмом, – тот играл в объективность.

– Знаете, – сказал Артём мне оживлённо, – ведь мы ещё даже не определились с кандидатурой главного редактора «Литературы».

Мы назначим туда менеджера, шеф-редактора. Мне пришлось долго уговаривать Марка Сартана, чтобы он согласился.

Я вспомнил, как совсем ещё недавно давал читать Марку свою газету с напечатанной в ней статьёй Андрея Битова «Пушкин и Чехов». Сокращённый вариант этой статьи я прочитал в «Новой газете», позвонил Андрею и с очень большим трудом уговорил его отдать мне полный вариант. Успех этой статьи у читателей превзошёл все мои ожидания. Сколько

звонков, сколько поздравлений! Как горячо благодарили меня за Битова, рассказывали, что многие эту статью ксерокопировали. Но Марк такую публикацию воспринял холодно:

– Да, продвинутые учителя это оценят. Но много ли их у вас среди подписчиков? А для остальных такая статья бесполезна.

Я пожал плечами в ответ на сообщение Артёма, что ему пришлось долго уговаривать Марка возглавить «Литературу».

– Понятно, что долго, – сказал я. – Ведь он не специалист в этой области.

– Он и в психологии не был специалистом, – возразил мне Артём. – Однако...

Начиналась сказка про белого бычка. Дослушивать её у меня не было охоты. Я вежливо откланялся.

Нет, у меня всё-таки изменилось отношение к Артёму. Именно из-за его славной, так сказать, династической фамилии, которую он замарал.

Симон Львович делал великое дело, образовывал учителей, помогал им противостоять мощному ведомственному напору, давал в руки пособия, которые облегчали работу в классе.

Сына ничего, кроме извлечения из всего этого прибыли, не интересовало. Он не продолжил дело отца. Он его губил.

«Какую газету испоганили!» – сказал мне недавно с горечью Сергей Бочаров. И узнав от меня, что Дмитренко пытается что-то делать: вот, только что провел с благословения Марка совещание, на котором присутствовали уважаемые нами авторы, с нажимом спросил: «Кому ты оставил газету?»

Кому? Хозяину! Хозяйчику!

Что старики аскают по вокзалам

Я не силён в нынешнем сленге. Спросил у своего лингвиста-сына, что означает слово «аскают». Он сказал, что это неологизм от английского ask «просить, спрашивать». То есть «аскают» – «попрошайничают».

Я сел за этот «Комментарий» чуть ли не в тот же день, когда закончил новую свою книгу на пушкинскую тему: «Путеводитель по «Евгению Онегину»». Сколько галлицизмов находят комментаторы в этом романе в стихах! Не удивительно: тогда образованные люди говорили и читали в основном по-французски. Сейчас от программистов до фирмачей требуется прежде всего знание английского. «Аскают», стало быть, примета нынешнего времени.

Побирающихся, просящих подаяния, я много видел в послевоенном детстве. Юрий Нагибин ещё при советской власти рассказал о том, как года через три-четыре после войны калеки исчезли из Москвы. Их убрали, свезли в Соловки: с глаз долой, из сердца вон! Я хорошо помню этих калек. Безногих – на дощечках с колёсиками: возвышался над землёй только торс, который золотился и серебрился от фронтовых наград. Слепые, одноногие на костылях, безрукие, с изуродованными лицами – и неизменно все с медалями и орденами. Они располагались у Даниловского рынка, у входа в магазин на углу Шаболовки и нашего Хавско-Шаболовского переулка (теперь это улица Лестева) и с другой стороны этого магазина – у чёрного входа, где сразу после отмены карточек в определённые дни выстраивались огромные очереди за мукой. Позвякивающие своими наградами калеки-старики (а в семь-восемь лет стариками кажутся очень многие взрослые) сидели и стояли у Донской (действующей) церкви, располагались по периметру полукруглого здания «поросёнка» – как звали этот магазин на Тульской местные жители. Встречал я нищих и у входа на оба кладбища, куда мы часто ходили с ребятами, – Даниловское и Донское.

А уж в глухой деревне Смоленской области, где я жил в семье тётки – сестры отца, нищие часто ходили по избам, рады были чему угодно – куску хлеба или кружке кваса. Подавали им неохотно: крестьяне (колхозники) голодали сами; с большой опаской открывали им двери. Открывали, как правило, с винтовкой или с пистолетом в руках: вокруг глухой лес. «Не волков, а людей надо бояться, когда идёшь в лес», – назидательно говорили мне соседи моих родственников.

Дядя Гриша, муж тётки, был человеком могучего телосложения и богатырской силы. Он никого не боялся, впускал нищего или нищенку в дом, кормил, иногда давал денег. Но нас, меня и его детей, моих двоюродных братьев, без оружия в лес не пускал. А были у него в доме и немецкие, и советские револьверы из богатого арсенала, оставленного войной в смоленских лесах, и даже два дамских браунинга. Дядя Гриша стрелял навскидку и нас учил, но у меня получалось плохо. Метко стрелять я так и не выучился, хотя, отправляясь за грибами или за малиной, клал в карман по настоянию взрослых дамский браунинг.

Кстати, об арсенале. Несколько ребят моего возраста или чуть постарше подорвались на минах. Напротив нашего дома стояла полуразрушенная церковь, за которой тянулось кладбище – единственное на довольно большую округу. Сюда приезжали хоронить из дальних деревень. Видел я и похороны моих ровесников, погибших от мин. Однажды привезли шесть гробов сразу: на лесной поляне развели костёр, пекли картошку, сворованную на колхозном поле, подбрасывали в костёр наломанные ветки и хворост и не разглядели в охапке, которую швырнули в огонь, гранату – не все погибли, ещё несколько ребят остались покалеченными на всю жизнь.

Нищих неохотно впускали в избы ещё и потому что подозревали в них наводчиков, подосланных бандитами, о жестокости которых рассказывали легенды: ограбят, убьют, изрубят топором, сожгут в собственном доме. Тем более что на защиту от них не надеялись. Хотя

сельсовет находился именно в нашей деревне, точнее в селе (церковь-то, хоть и разрушенная, но имелась) Коскине, хотя одну сельсоветовскую комнатку занимал участковый дядя Витя, что он мог один? Отделение милиции находилось в Касне – в посёлке, расположенном в пятнадцати километрах от нас при станции, откуда люди ездили на паровиках в Вязьму. Но дозвониться по телефону из Коскина в Касню было очень трудно: дядя Витя часами безуспешно накручивал ручку телефонного аппарата. В хорошую погоду он ещё мог легко проехать туда по бездорожью на своём мотоцикле, а в ненастье запрягали лошадь, и она еле тащилась по брюхо в грязи.

Так что случись чего, кто бы приехал к нам из Касни? А дядивитин пистолет никого не ободрял: все были вооружены не хуже.

Помню подписку на очередной заём. Вместе с председателем колхоза мы, несколько его добровольных помощников, ходили по избам. И не только небольшого нашего Коскина, но и огромной – домов на сто – деревни в двух километрах от нас. Нищета была свистящей: кислый квас в сенях в кадке, на которой стояла кружка. Пустые крапивные щи на столе, если кто-то, не обращая на нас внимания, продолжал есть («исть», как говорили все на местном диалекте). Латанные-перелатанные простыни на верёвках во дворе и самодельные, сшитые из разных лоскутов одеяла. Ходили по двору куры, но яйца колхозники, как правило, везли в Касню на продажу. Некоторые держали корову, козу или свинью. Мясо возили на рынок в Вязьму. А молоко продавали здесь же, своим. Часть выручки уходило на налог за скотину. Избы были покосившиеся, а внутри – закопчённые. Встречали нас проклятиями, криками и воем женщин и детей. Мужики за топоры хватались: шутка ли, каждый колхозник должен был подписаться на облигации в размере не меньше, чем полумесячная выработка своих трудодней! И хотя на трудодни давно никаких денег не давали, а отоваривали их дровами, сеном, кормовой свёклой – турнепсом, условно всё это измерялось в деньгах. Подписаться на заём – значит согласиться, чтобы тебе уменьшили и без того малое, смириться с тем, что целых полмесяца в году ты будешь работать бесплатно. В такие дни и милиция приезжала из Касни дяде Вите на подмогу скручивать особенно буйных.

Случалось, что перепало и нищим. В основном по праздникам. 19 августа – Спас яблочный – вся деревня гуляет. Все пьяны: мужики и бабы, столы со свежими и солёными огурцами, с капустой квашеной, грибами, даже с варёными яйцами стоят во дворах. Вот за них частенько и сажают пришлых людей, наливают им, угощают. Правда, без пьяных драк не обходится. Но тут уж и нищие помогают разнимать дерущихся, не только свои, деревенские.

В паровиках, везущих в Вязьму, я нищих встречал постоянно. Пискляво на одной ноте выводящих: «Подайте, люди добрые!» Растягивающих меха баяна и поющих блатные песни. Или веселящих публику частушками под балалайку. А в поезда, следующие из Вязьмы в Москву, нищих не пускали: проводники за этим следили строго.

И сами нищие, и всеобщая бедность в стране сопутствовали мне, сопровождали меня всю жизнь. И всё-таки социальный, так сказать, статус сегодняшних стариков представляется мне особенно ужасным.

Да, я помню, что колхозники, не считавшиеся при Сталине государственными служащими, вообще не получали никаких пенсий. А гегемон-пролетариат получал при нём настолько смехотворные, что одинокий старик долго на этом свете не задерживался. Как говорит народ, голод и волка из лесу гонит, а уж человека из жизни тем более! Правда, В. И. Даль приводит и такую поговорку: «На Руси никто с голоду не помирал (не умирывал)». Но она сложилась задолго до ленинско-сталинских большевиков. Опровергнуть её Сталину труда не составило: загоняя крестьян в колхозное рабство, он за год-полтора уморил голодом несколько миллионов. И не только стариков, как известно, а самую трудоспособную и активную часть крестьянства – целыми семьями, со стариками и младенцами.

Согласен с Александром Нилиным, автором чудесной биографии футболиста Эдуарда Стрельцова, вышедшей в ЖЗЛ: Хрущёв во многом унаследовал сталинские диктаторские замашки. Сталинский сатрап, он многому выучился в школе Хозяина. На совести Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров изуродованная судьба величайшего, быть может, самого великого из русских футболистов Стрельцова и противоправная смертная казнь так называемых валютчиков Я. Рокотова и В. Файбышенко. Противоправная – потому что указ о подобной высшей мере для валютчиков появился уже после ареста этих людей, и следовательно, они были расстреляны вопреки закону, который, как известно, обратной силы не имеет. На совести Хрущёва – гибель Пастернака, которого затравили за присуждённую ему Нобелевскую премию, и арест уже после смерти поэта его подруги и музы – Ольги Ивинской с дочерью. А ведь не мог не знать Хрущёв, что Ивинская в 49-м хлебнула лагерной баланды и что сталинский пятилетний срок для неё привёл Пастернака к тяжёлому инфаркту. Писал Хрущёву и отец Рокотова, что сын был юношей репрессирован, угодил в лагерь в 45-м, а в 54-м вышел полностью реабилитированным. А посещение художественной выставки в Манеже мало что понимающего в искусстве Хрущёва в 1962-м? А тяжёлые артиллерийские удары по искусству, по литературе после осмотра этой выставки!

И всё-таки, несмотря на эти ничем не оправданные зверства, общественный климат при Хрущёве менялся: оттепель порой уступала место студёным ветрам, но и стужа не могла уже оковать страну своим непробиваемым панцирем, как это было при Сталине. Хрущев вошёл в историю не только тем, что вернул невинных из ГУЛАГа и что начал расселять многокомнатные коммуналки, предоставляя семьям отдельные квартиры пусть и в нелепых пятиэтажных блочных домах без лифта. Эти квартиры так и называли «хрущобы» (не знающий такого слова мой компьютер предложил вполне резонную замену: «трусщобы», возвращая к первооснове, от которой народ и образовал новый «градостроительный термин», выражающий уровень комфорта в новых домах. Хотя от чего танцевать? Если от нынешних просторных квартир, хрущёвские представляются трущобами. А по сравнению с тем, что имело большинство при Сталине, – хоромами!). При Хрущёве урезали до семичасового рабочий день, постепенно перешли на пятидневную рабочую неделю, а колхозникам стали платить пенсии. И в городах её очень существенно повысили, соответственно понизив планку возраста, когда можно на неё выйти. Сейчас даже начали сокращаться: не занижена ли планка? Всё-таки женщинам с 55-ти, а мужчинам с 60-ти не рано ли на пенсию, учитывая среднюю продолжительность жизни? Чью, спрошу я, среднюю продолжительность жизни мы возьмём за точку отсчёта? В Японии или в Сан-Марино она переваливает за 80 лет, а в России, если верить официальной статистике, равна 59-ти годам, а если независимым экспертам, то и вовсе 56-ти. И очень легко может в ближайшее время понизиться, учитывая нынешние цены на лекарства, стоимость бесплатной якобы нашей медицины и размеры пенсий, на которые в Москве (спасибо мэру! – говорю это без иронии) ещё хоть как-то (плохо, конечно!) можно существовать, а на периферии – ноги протянешь, вот и протягивают старики руки – «аскают по вокзалам»!

Да только ли по вокзалам? Везде «аскают»! Мусорные баки перерывают в поисках пищи. Ходят чёрные – от грязи, конечно, но и от голода и холода (из собственных квартир их – кого хитростью бессовестной, а кого за неуплату – выгнали на улицу), в потрёпанных одежонках. Кто-то ещё надеется на добрые души, а у кого-то в глазах – пустота и безысходность: ни на что не надеются! Знают, в какой низкой цене сейчас милосердие в России.

Незадолго до смерти писатель Георгий Владимов, которого вышвырнули при советской власти из страны, приехав в Россию, поразился большим стаям бездомных собак, то здесь, то там шныряющих по Москве. Старый собачник, автор «Верного Руслана», сумевший изнутри, так сказать, передать в своей книге психологию пса, он поделился с читателями «Московских новостей» (ещё не сервильных, какими они стали при В. Третьякове)

любопытными наблюдениями над этой разорванной тысячелетней связью собаки и человека. Бездомная собака отвыкает от человека, замыкается в себе. Потому и не машет благодарно хвостом, когда ей бросают куски, берёт их, как некую дань, без эмоций. И, не проявляя к тебе интереса, уходит.

То же происходит сейчас с бомжами, с беспризорными. Это отдельный народ, почти утративший связи с остальным человечеством. И – убивайте меня за это! – такого страшного положения со стари – ками, как сегодня, я не припомню за весь послесталинский советский период.

Помню, как гордились мы в «Литературной газете» собственной смелостью: не личной, конечно, а тем, что не побоялась опубликовать «Литатурка» статью о взяточничестве чиновника, или о бездушном отношении конкретного Ивана Ивановича к людям, к тем же стари – кам, или о дефиците лекарств, о хамоватости больничного персонала. И читатели радовались, когда появлялись такие статьи, поддерживали газету. Но напечатай мы в то время статью о том, как какая-нибудь Марья Ивановна или какой-нибудь Василий Андреевич с голодухи обшаривают мусорные баки, что пенсий им катастрофически не хватает и что это – не единичный случай, но массовое явление, думаю, что восторга такая публикация ни у кого бы не вызвала: её бы восприняли как шизофренический бред.

Два месяца назад хоронили мы Виталия Александровича Сырокомского, бывшего первого зама главного редактора «Литатурки», стоявшего у истоков её обновленного шестнадцатистраничного облика (очень, кстати, хорошо написал о нём Андрей Яхонтов в «Московском комсомольце», и Александру Борину удалось пробить в «Новую газету» небольшой некролог, который я тоже подписал; и это всё – абсолютное большинство СМИ равнодушно отнеслось к известию о кончине выдающегося издателя XX века, никак не меньшего, чем Краевский или Суворин в XIX-м!). Месяц назад – новые похороны: умер один из тех сотрудников старой «Литгазеты», с которым я был особенно дружен, – Лёва Токарев. Разные люди, в разные годы работавшие в газете, были на тех или других похоронах. Многие узнавали друг друга, окликали друг друга: «Ну как ты?», «Ну где ты?»

Где? Большинство на пенсии. «Как же ты живёшь?» Один: «У нас с женой, слава Богу, есть ещё одна квартира. Сдаю!» Другой: «Мне повезло. Дочь на фирму устроилась. Помогает нам с женой». – «Замуж вышла?» – «Да, за сотрудника той же фирмы. Детей пока нет. Он знает, что дочь нам даёт деньги, и не против!» Третья: «В церкви подрабатываю». – «В какой? И что ты там делаешь?» – «Это недалеко от Мясницкой. Что делаю? Убираюсь: полы мою, пыль вытираю». – «И как платят за это?» – «Не много, конечно! Но с голода не мру!»

Кто-то доволен: издательство даёт ему на редактуру модные сейчас дамские романы или детективы. Правда, сырые больно рукописи, приходится переписывать, но ведь платят! И сразу несколько человек к нему: «слушай, а нельзя ли?..» «Узнаю, – обещает, – позвоните мне или напишите по электронной почте. Вот моя визитка!»

Преподают, как я, немногие. «Ты, – говорит мне бывший коллега, – профессор! Тысяч 12, небось, получаешь?» «Это, – отвечаю, – в МГУ так платят. А у нас меньше: тысяч 7, иногда 9». «Ну вот, – кивает коллега, – а я доцент. Моя ставка 4200. Но всё-таки ощутимая прибавка к пенсии, правда».

Правда, конечно, правда! И очень горькая эта правда! Ведь всё это были ведущие сотрудники газеты: завыв отделов, обозреватели. Свои 120 непременно бы получили при советской власти. А учитывая десятипроцентную надбавку за стаж, их пенсия была бы 132 рубля.

Не густо? Конечно, на такие деньги в то время никто бы шиковать не стал. Но более-менее достойно прожить было можно: не голодать, лечиться.

Понимаю и признаю: в провинции было намного хуже. Там мясо за 2 рубля в магазине не лежало. На рынке 4–5 рублей за килограмм. И знаменитая колбаса за 2—20 была в основном в заказах, как финский сервелат в Москве. Товарный голод под конец стал лютым.

Так я и не воспеваю советскую власть, извратившую все экономические законы. Не восхищаюсь партийно-государственным аппаратом, рассудившим, что поскольку на всех всё равно не хватит, сделаем всё, чтобы хватило на нас, работников аппарата. Помню смешные цены в обкомовских буфетах или в кремлёвском (приходилось бывать на съездах писателей). Помню изобилие экзотических блюд по этим смешным ценам: какие-нибудь волованчики с икрой или розанчики с печенью куропатки.

С обслуживанием этих господ-товарищей я столкнулся очень рано. Кажется, в год смерти Сталина и ареста Берии или чуть позже мы ездили с дворовым моим приятелем Васёком Головачёвым на улицу Грановского (теперь Романов переулок) в столовую старых большевиков, где Васёк забирал продукты для своего заслуженного деда. Васёк отоваривался, а я стоял у стены и читал прейскурант. Уже тогда поражали цены и удивляли названия.

Словом, не к тому я всё это, что при советской власти жилось хорошо. Погано жилось! Я о другом.

Под самый новый 1992 год 30 декабря очутился я в больнице на улице Дурова с инфарктом. Больницу выбирал не я, привезла «скорая». Месяц пролежал. Жена приходила, рассказывала, как лютует в Москве товарный голод. Купить нечего. Есть нечего. Я делился с ней своим ужином. А нас, больных, кормили хорошо. Все нужные врачу лекарства были у него под рукой. Действовала, очевидно, ещё какая-то разумная система снабжения больниц. Лечили внимательно. В палатах чисто. Медсёстры и нянечки приветливы. И не деньгами благодарили больные своих целителей, а конфетами и вином.

Лет через восемь на нас с Геней Калашниковым, с которым мы когда-то работали в «Литгазете», напала шпана в подземном переходе у Речного вокзала. Гена отбил нож, который должен был попасть ему в печень, но вонзился под сухожилие в руку у большого пальца. «Скорая» привезла его в 1-ю Градскую. Кормят отвратительно: все стараются есть только то, что несут им из дома. Нянечки грубы. Сёстры за любую процедуру, назначенную врачом, требуют денег. Укол, например, 20 рублей. Нет денег? Не будет тебе укола. Пришлось Ире, Гениной жене, перевозить мужа к знакомым врачам в институт Склифосовского.

А на днях выпишут из больницы моего друга. Он лежит на Большой Серпуховской в институте Вишневого. Ему, старому диабетiku, года четыре назад уже ампутировали палец ноги. На этот раз отрезали половину между ступнёй и коленом. Лежал он почти полгода. Лекарства нужно было покупать в аптеках. И платить за кровь от донора. Для операции требуется крови минимум на 7000 рублей. И лекарства недёшевы: от 300 рублей до 2000 за раз – для капельницы, для приёма внутрь.

Как кормят? Бедно кормят. Конечно, больных подкармливают домашние. Но если человек одинок, от голода он не умрёт. А вот если он беден, если не на что ему купить лекарства, больница не поможет: у неё на это нет средств.

Друг мой очень известный критик. В его судьбе посылно принимают участие многие. То газета примет на себя какие-нибудь его расходы, то какой-нибудь театр.

А не будь этого, не знаю, как бы он выкручивался. Пенсия у него как у всех. Нищенская инвалидная пенсия. Депутатом он не был – трёх четвертей депутатского оклада не имеет. Не был он и героем соц-труда или кавалером брежневских орденов Трудовой Славы всех трёх степеней. А их – таких героев и кавалеров Дума недавно приравняла к героям войны и кавалерам солдатских орденов Славы. Пенсия у них намного выше, чем у простых граждан. Ну а кто при советской власти получал к юбилею героя соцтруда – смешно спрашивать. Так же, как невозможно даже предположить, чтобы наградные листы на Трудовую Славу шли

мимо обкомов. Так что к героям войны Дума приравнила бывшую советскую номенклатуру, что, наверное, резонно: номенклатура к бедности не привыкла.

* * *

Кажется, ещё до того, как Александр Лебедь стал губернатором Красноярского края, на мой электронный адрес в «Литературе» стали приходить письма с вложением: новости из Красноярска типа ИТАР-ТАСС. Почему они приходили именно в «Литературу», я не знаю. Но приходили долго – несколько лет. Причём с поздравлениями по случаю, допустим, Нового года, Первого мая, дня Победы и т. п. Я с любопытством читал городские новости: о работе губернатора и вице-губернаторов, о заседаниях Законодательного собрания, которое возглавлял депутат по фамилии, как мне запомнилось, Усс, прочитал, среди прочего, о том, как одобрили красноярские депутаты инициативу своих волгоградских коллег – переименовать Волгоград в Сталинград: вот когда ещё носились с этой идеей сталинисты, решившие, очевидно, организовать инициативу с мест, которая заставила бы действовать в нужном им направлении центральные власти! Читал я и о новостях культуры, тем более что жив был Виктор Петрович Астафьев, и его упоминали часто.

Так вот из этих новостей я однажды узнал, что почётным гражданином Красноярска стал Павел Стефанович Федирко, бывший всевластный диктатор края, первый секретарь Красноярского обкома, немало в своё время попортивший крови «Литературной газете» и персонально сотруднику отдела «Человек и экономика» Павлу Волину.

Волин написал об этом главу «Красноярская история» в своей мемуарной книге «Человек-антилегенда и другие». Она издана в Израиле в 1999 году. Достать её у нас и прочитать практически невозможно. Но статью Волина «Укрощение строптивого», напечатанную в «Литературке», думаю, многие запомнили.

Речь в ней шла о том, как по приказу Федирко сняли с работы начальника краевой инспекции архитектурно-строительного контроля. За то, что тот запретил принимать в эксплуатацию недостроенные или построенные с чудовищными недоделками здания. То есть поставил заслон для очковтирательства и победных реляций в Москву, лишая премий и наград халтурщиков и бракоделов.

«Передо мной, – вспоминает о командировке в Красноярск в своей книге Паша, – открылась ужасающая картина. Прямые подлоги, многомиллионные афёры, бесстыдные подкупы. Объёмы произведённых работ завывались во много раз. Новые здания обрушивались (иногда с человеческими жертвами), «готовые» – годами нельзя было использовать из-за бесконечных переделок, исправлений. Строительные материалы беззастенчиво разворовывались, взятки раздавались направо и налево.

Тогда в стране ещё не были широко известны понятия «коррупция», «мафия», а там эти явления уже разлились широко, пустили глубокие корни».

Очевидно, запуганные могуществом Федирко красноярцы не верили в то, что «Литературная газета» сможет напечатать статью об этом. С 1972 года (Федирко тогда было сорок лет) он правил Красноярским краем. Правил, всецело поддерживаемый другим знатным красноярцем, кандидатом в члены политбюро, Владимиром Ивановичем Долгих (сейчас председатель совета ветеранов войны и труда и совета директоров какой-то прибыльной компании), который именно Федирко и передал свой пост первого секретаря крайкома, уйдя в секретари ЦК. Но когда статья появилась, красноярцы осмелели. В редакцию валом пошли письма, которые проливали дополнительный свет на «чудовищную строительную панаму в Красноярском крае» (П. Волин).

Больше того! По этой статье и материалам, положенным в её основу, красноярский драматург Роман Солнцев написал пьесу «Статья», которую поставил Центральный Театр

Советской армии в Москве. Так совпало, что в Москве находился и тот самый бескомпромиссный начальник контроля за строительством, который мешал Федирко и которого тот снял. Вместе с ним Волин отправился в театр. Что началось, когда в конце спектакля объявили, что в зале находится прототип героя пьесы! Прототипа вызвали на сцену. Он долго говорил с публикой, а потом их беседа продолжилась и за стенами театра на улице.

Вдохновлённый всем этим Волин напечатал в «Литературке» рецензию на спектакль, где рассказал и о стихийном митинге. И здесь нервы у Федирко не выдержали. Он потребовал сатисфакции, то есть, переводя это иностранное слово на бюрократический язык, – принять меры против зарвавшейся газеты и её автора. В Красноярск отправился сам Лукьянов, в то время заведующий главным – административным отделом ЦК, будущий Председатель Верховного Совета СССР и гэкачепист.

Эпоха на дворе стояла раннегорбачёвская, для аппарата неопределённая. Опровергнуть факты, приведённые Волиным, Лукьянов не решился, но и подтверждать их не захотел: посоветовал газете не связываться больше с Федирко.

Но через какое-то время Волин всё-таки сумел ещё раз выступить в «Литературке» против блефующего хозяина Красноярска. Воспользовался тем, что о «кухне» текущего номера газеты снимали телевизионный фильм, который должны были показать телезрителям как раз накануне выхода номера. Для такого случая уговорили вести планёрку самого Чаковского. Тот куража ради сказал: «Мне кажется, что номер недостаточно острый. Нет ли у отделов материалов поострее?» А Волин возьми да ответь: «Есть. По Красноярску». Чаковский, помнящий совет Лукьянова, поморщился: «Опять Красноярск, ну, сколько можно об этом?» «Александр Борисович, – настаивал Волин, – оттуда идут разящие письма!» Вступать в перепалку с сотрудником на глазах у телезрителей Чаковский не стал: «Ну, хорошо. Покажите материал ведущему редактору. Пусть он решает».

Номер вёл Удальцов, который отпустил Волина домой, чтобы ничто не мешало ему обработать письма. Паша привёз их в конце дня. Их заверстали.

А накануне выхода газеты телевидение показало фильм «Завтрашний номер «ЛГ»». Волин ликовал, увидев эпизод своего разговора с Чаковским. Это означало: письма выйдут! И они вышли.

«Почему же Чаковский допустил это?» – спросил он меня в электронном письме. И продолжил: «Конечно, можно было заставить телевизионщиков вырезать эпизод, и дело с концом. Но слух почти неизбежно пошел бы по Москве, а Александр Борисович числился в "больших демократах" и всегда помнил о своём престиже».

Думаю, что не только поэтому. Чаковский и в самом деле был демократом, – редкость для человека, занимающего такой пост. К нему можно было входить без доклада, не запинаясь у секретаря. «Кто у него?» – спрашивали Фриду, исполнявшую секретарские обязанности главного. «Никого. Заходи!» И ты шёл, зная, что ради дела он оторвётся от чего угодно, выслушает тебя, даст совет, охотно, если это в его компетенции, поможет. Я писал в «Стёжках-дорожках», что он был незлобив, отходчив, относился к сотрудникам ровно, уважительно. Хотя покричать, если ему это разрешали, любил. Но быстро успокаивался. На моей памяти только один случай, когда он откровенно выживал сотрудника из редакции, – Юрия Буртина: не мог простить ему «новомировской» рецензии на свою книгу, которую Юра написал ещё до прихода в газету. Прочитавшие «Стёжки-дорожки» коллеги указали на ошибку моей памяти: не Изюмов выгнал заведующего клубом «12 стульев» Витю Веселовского, а Чаковский. Но Витя в последние годы своей работы в газете так пил, что часто не вязал лыка. Чаковский терпел это долго. И, наконец, настоял на его увольнении. Заведующим сделали Андрея Яхонтова.

«Он был сталинистом», – отозвался на эту мою характеристику Чаковского Олег Мороз. Я и с этим не соглашусь. Сталинистом он был в той же степени, что хрущевистом

или брежневистом. Чаковский был конформистом, таким же, как Катаев, но без катаевского писательского дара. Он служил тому, кого не любил. Как Лепорелло Дон Гуану в «Каменном Госте» Пушкина. Это не значит, конечно, что Чаковский желал падения советской власти. И Катаев этого не желал. Да и, как выяснилось, не желал этого даже Евтушенко. Тот до сих пор упрямо называет себя советским поэтом. Но так же, как они, Чаковский не любил советскую власть. И рад был укунить того, кого не любил, когда понимал, что ничего ему за это не будет. Я думаю, что таких как Федирко, уже незащищённых, он бил с особым сладострастием. А то, что никто за Федирко заступаться не будет, и показала ему поездка Лукьянова. Хорошо осведомлённый о положении дел в верхах, он наверняка потому и позволил себе пренебречь советом Лукьянова, что не почувствовал желаний заведующего цэковским отделом восстанавливать репутацию секретаря Красноярского крайкома. И чутьё его не подвело.

Недели через две газеты сообщили, что Павел Стефанович Федирко назначен председателем правления Центросоюза, то есть в переводе с официального языка на обычный – снят со своего вельможного поста.

Конечно, едва ли основную роль в этом сыграли статьи Волина. Горбачёв избавлялся от команды Гришина, которого после смерти Черненко прочили на пост Генерального секретаря. А Гришин в этом случае, по слухам, хотел назначить главой правительства В. И. Долгих. Вот и затрещали у холопов чубы, когда вышло не по-гришински. Но роль катализатора процесса в изгнании Федирко статьи Волина в «Литературной газете» безусловно сыграли.

И вот через много лет узнаю о присвоении Федирко звания почётного гражданина Красноярска. Я написал возмущённое письмо губернатору (кажется, им уже был Хлопонин), но ответа на своё возмущение, как обычно, не получил.

Как обычно! Я уже привык к тому, что писал в пустоту, но писал, чтобы не создавалось у властей впечатления, что всё им сойдёт с рук.

Иногда, правда, они отзывались. Написали мы в доме коллективное письмо по поводу некоей фирмы, скупившей в нашем подъезде первый и второй этажи, а потом отхватившей четверть дворового газона, отгородившей её металлическим забором под стоянку для своих машин. Из управы «Арбат» ответили, что, конечно, это безобразие и что фирме предложено к такому-то числу снести забор и восстановить газон в его первоначальности. И телефон ответственного за восстановление указали. Помню, что ответственной была назначена некая Галина Григорьевна.

Срок прошёл. Звоню. Галина Григорьевна возмущена не меньше меня: как же так! Дано указание! Она разберётся!

Может, и разбиралась, но мы этого не заметили. Забор по-прежнему стоял. Снова звоню.

«Как? Неужели ещё не снесли?» «Не снесли, – отвечаю, – да вы бы зашли и разобрались на месте». «Зайду», – пообещала.

Утомлять дальнейшим пересказом не буду. Скажу только, что забор стоит до сих пор. Работает ли Галина Григорьевна в управе, я не знаю. Соседи сказали, что фирма, лишившая нас части газона, связана с Управлением делами Президента. Но скорее всего, это она про себя такие слухи распускает, цену себе набивает. А что она не обращает внимание на распоряжение управы, то, может, и не было ей никакого распоряжения. Скорее всего, с ведома управы она и хозяйничает, с ведома той же Галины Григорьевны.

И ещё один случай, когда пришёл ответ на моё письмо. Ответил Михаил Иванович Москвин-Тарханов, депутат Мосгордумы, с которым завязалась у нас интенсивная переписка. Объяснил он, почему вышел из СПС: разонравилось руководство. Я и сам не был в восторге от большой любительницы тусовок Ирины Хакамады, удивившей меня тем, что однажды в передаче «Кто хочет стать миллионером?» она обнаружила полнейшее незнание того, где в Москве находится Третьяковская галерея. Неприятно поразил и Немцов – не

тем, что подарил уменьшенную копию снесённого во время августовских событий 1991-го памятника Дзержинскому аграрию-чекисту Николаю Харитонову на его день рождения, а тем, что при этом обнял и сердечно расцеловал именинника, с подачи которого и подняла Дума вопрос о возвращении Дзержинского на Лубянку. Нелепый, скажут об этом поведении Немцова, жест? Неуместное прекраснодушие? А мне кажется, что подобные вещи очень характерны и для других руководителей СПС, которые рисковать личным своим благополучием не станут. Потому и согласился я с Михаилом Ивановичем: для чего состоять в их партии! Но перед новыми выборами в Мосгордуму оказался Москвин-Тарханов во фракции «Единой России», и расхотелось мне продолжать с ним это заочное знакомство. Особенно после его беседы по «Эху Москвы» с Евгенией Альбац. Не потому ли, спрашивала его Альбац, он к «Единой России» примкнул, что хочет сохранить депутатство? «Не потому, – отвечает. – Московский список «Единой России» возглавляет Лужков, а мэр для Москвы и москвичей много хорошего сделал». (Это правда! Для пенсионеров, например, мэр сделал очень много хорошего!) «А не из-за депутатства?» – не унимается Альбац. «Да я, – горячится, – вполне способен найти работу поприбыльней и поспокойней, чем в Мосгордуме». (Через какое-то время после этой беседы оказалось, что внесла его «Единая Россия» в свой партийный список, и депутатом он стал. Не захотел, видно, искать места поспокойней!) «Поприбыльней? – удивляется Альбац. – Сколько же вы получаете как депутат?» «Со всеми выплатами шестьдесят, – говорит, – тысяч рублей». – «И всё?» – «А что же ещё?» – «А привилегии? Больница ЦКБ-2, бесплатная для городской Думы?» «Обычная, – недоумевают, – больница!» (Видел ли он нынешние, обычные?)

Решил было после этого написать ему горькое письмо, да махнул рукой: не пройдёт! Бесполезно!

Я ведь и в Минобразования много раз писал, и о его работниках, где только мог, высказывался: у себя в газете, на сайте kreml.org, в других органах сетевой и бумажной печати. О том же Болотове неоднократно – как рушит он уникальную школу в России. Подозреваю, что Артём Соловейчик не сам захотел от меня избавиться, а по подсказке из Министерства или из московского департамента образования. Полной уверенности в этом у меня нет, но не удивлюсь, если окажется, что это так. Что, кроме удовлетворения, могут испытать чиновники от образования, узнав, что я больше не возглавляю оппозиционную им газету? Да и перестала она после моего ухода быть им оппозиционной. А пожалуй, что перестала быть вообще газетой – стала методологическим листком. Если к этому стремились Артём с Марком, они своего достигли. Как, однако, легко оказалось погубить дело жизни выдающегося журналиста Симона Соловейчика, который за пять лет, что пробыл издателем, показал незаурядные способности и в этом качестве! Нынче издательство «Первое сентября» выпускает не книги, а брошюры. Газеты подменены методологическими шпаргалками! И во имя чего? Ведь чудотворца из Марка Сартана, как я и предвидел, не вышло. Затормозить падение тиража той же «Литературы» удалось благодаря Артёму, прекратившему экспериментировать с формой и объемом, и угодливому шагу навстречу не слишком хорошо владеющим своей профессией читателям, – для них пишут редакторы материалы под очень красноречивым заглавием «Задание со звёздочкой*», от которого отдаёт «Пионерской правдой» моего детства!

(В скобках отмечу, как удивило меня одно из первых же этих звёздочкиных «заданий». Оно написано в духе тех полуграмотно составленных тестов по ЕГЭ, против которых я неоднократно выступал в печати. «Как-то раз в одной телевизионной викторине участнику был задан вопрос: «В какой комедии Пушкина есть герой по имени Маржерет?» Игрок не сумел дать никакого ответа (думается, потому, что он, как и многие телезрители, за одну минуту так и не смог припомнить ни одной комедии Пушкина). Каково же было его изумление, когда ведущий объявил, что речь идёт о... О каком же произведении идёт речь? И в чём здесь подвох? Известны ли вам ещё похожие примеры?» Авторы телевизионной викторины,

как говорят о подобных случаях, слышали звон, да не знают... Но оба-то Сергея – Волков и Дмитренко – должны знать, что комедией Пушкин называл «Бориса Годунова» лишь в черновом – допечатном варианте. И что только там – в пушкинском черновике – мы можем обнаружить жанровые признаки комедии. А в обнародованном Пушкиным варианте их нет. Так что не поддержи – вать следовало бы редакторам занимательную ахинею не слишком грамотных телевизионщиков, а предложить читателям её высмеять! Забавно, что этот материал появился в номере, в котором редакция возвестила о коренном обновлении газеты.)

Вряд ли забыли красноярцы о махинациях партийного и государственного аппарата при Федирко, о вранье и коррупции при его правлении. Но об этом помнили и члены Законодательного собрания края, не случайно поддерживавшие волгоградских депутатов в их любви к Сталину. Думаю, что как раз за былые очковитирательство, воровство, коррупцию и другие такие же выдающиеся заслуги, которые, очевидно, по сердцу многим красноярским депутатам, и стал Федирко почётным гражданином.

«Мы – партия исторического реванша», – довольно откровенно определил «Единую Россию» один из её руководителей вице-спикер Госдумы Олег Морозов. Реванш, по его мнению, очень хорошее начало, очень сильнодвигающее чувство («Московский комсомолец» от 25 июля 2006 года). Да уж: что есть – то есть! Сильнодвигающее, продвигающее. Не зря перешли в «Единую Россию» прежние коммунистические бонзы: губернатор Тулеев, например, или курский губернатор Михайлов. Да и не только они – практически весь бывший аппарат: больше 60-ти губернаторов, почти все мэры и городские главы, а уж депутатов всех уровней в этой партии – немерено. Возможно, что и Федирко загорелся историческим реваншем. Ему было что терять, и есть что возвращать. Вот и согрели его сердце на старости лет.

Не убеждён, что до этого звания жил Федирко на обычную пенсию, но, получив почётного гражданина, сможет жить на существенно увеличенную и с такими льготами, которыми бесстыдно пользуются высокие чиновники.

Я уже рассказывал о больном своем друге, известном критике. Его болезнь развивалась параллельно с другим несчастьем: страшные боли испытывала больная раком жена. Чтобы облегчить страдания, решили положить её в ЦКБ – Центральную кремлёвскую больницу. Не в ту, где лечатся депутаты Мосгордумы, о которой Михаил Иванович Москвин-Тарханов сказал журналистке, что она обычная. Там как раз Лёва Токарев умер. Больших денег стоила его семье эта больница. А жену друга положили в Кунцево – на территории бывшей так называемой «ближней» сталинской дачи. Десять дней перед смертью лежала жена в больнице. К врачам претензий нет: они снимали боли умирающей в её последние дни. Нет претензий и к сиделке, которая очень добросовестно отнеслась к своим обязанностям. Но цены! 4500 рублей в день и ещё полторы тысячи за сиделку!

Понимаю, что для какого-нибудь фирмача-миллионера или поп-звезды это не проблема. Но они хотя бы будут платить такие деньги. А депутатов Госдумы, высших чиновников и почётных, как Федирко, граждан лечат бесплатно. И лекарства им покупать не надо: дадут безвозмездно, сколько бы тысяч они ни стоили. А почему? А за что? Нищенствуют они, что ли? Аскают по вокзалам?

Недавно то ли саратовские, то ли самарские депутаты даже в Конституционный суд обратились за разъяснением: в чём, дескать, дело? Разве они нарушили Конституцию, установив себе оклады выше, чем у федеральных депутатов? Не знаю, что решит (или решил?) Конституционный суд. В Конституции вроде ничего про размеры окладов должностных лиц не сказано. Но само по себе возмущение местных депутатов, которым хотят отказать в праве сделать ещё более сказочной и без того их роскошную жизнь, очень показательно.

И это притом, что только по официальным данным 40 % российского населения живут за чертой бедности! Что разрыв в доходах между бедными и богатыми в стране достиг какого-то запредельного уровня! Конечно, некая олимпийская чемпионка может на вопрос

«Комсомольской правды» (19 июля 2006 года): «Справедливо ли, что начальники в России получают так много?» ответить: «Почему бы и нет. Не зря же они – все люди образованные». Ей, частой гостье тусовок VIP-персон и поп-звёзд, привычно отвечать с бездумной лёгкостью. Но «образованные» начальники могли бы, наверное, призадумавшись, урезать аппетиты? Не премировать самих себя многократными окладами ежемесячно. Не доплачивать себе бешеные деньги за некую секретность, за работу с государственными бумагами и за прочую маловразумительную муть. Не выдавать себе немислимых командировочных, позволяющих летать бизнес-классом, жить в пятизвёздочных отелях и звонить по телефону из любой точки мира в любую его точку.

Убрав своего политического врага Михаила Ходорковского, раздав своим друзьям по жирному куску от процветающей компании ЮКОС, любит Владимир Путин ловко, как ему кажется, «срезать» западных журналистов, которые возмущаются «делом Ходорковского», надолго упрятого в краснокаменский лагерь под Читой: «А вы можете припомнить случай, чтобы человек за четыре года заработал миллиард?» Крыть журналистам нечем: они действительно такого не припомнят. Но наш-то президент знает, конечно, что по числу миллиардеров Россия находится на одном из ведущих мест в мире! А уж миллионеров в одной только Москве не перечесть: поезжайте за кольцевую автодорогу по любому шоссе, посмотрите, сколько выросло в Подмоскowie коттеджных посёлков, а за коттедж никто меньше миллиона долларов не запросит! Что же не цепляется Путин и его администрация ко всем этим в мгновение нажившим своё состояние богачам? Не потому ли, что и он сам, и его окружение живут не хуже? Ну да, большинство из них – директора каких-нибудь крупнейших компаний с миллионными годовыми окладами. То есть не так уж и сильно отличаются от какого-нибудь магната. Но ведь у путинского окружения ещё и власть. А это значит, что любого конкурента могут убрать, с любым поступить, как с Ходорковским, прикажут – прокуратура возьмёт под козырёк, независимые судьи подведут под статью, честные следователи найдут нужные вещдоки.

* * *

Помню, как испугался один из технических директоров фирмы «Первое сентября» неожиданного, как я уже рассказывал, требования Симона Соловейчика подать заявление об уходе всему коллективу его газеты. «Вот так, Геннадий Григорьевич, – возбуждённо говорил он мне, – под Богом ходим! Случись что – жаловаться-то некому!» И это совершенная правда – некому!

А Фёдор Аркадьевич Чапчахов, который до нервных колик боялся потерять должность члена редколлегии «Литературной газеты» и потому заранее был согласен с любым решением его руководства? «И правильно сделал!» – одобрял он свои действия. Однажды несогласный со своим замом Кривицким Александр Борисович Чаковский при мне спросил его, обговаривал ли тот свою позицию с Чапчаховым, и, услышав, что Чапчахов всегда солидарен с тем, кто выше чином, попросил вызвать его и захохотал, убедившись, что так оно и есть! «А что же он думал, – сказал Чапчахов, которому разъяснили, почему веселился Чаковский, – что я с Кривицким буду соглашаться, когда он с ним спорит? Я не враг себе!»

Вот и нынешние магнаты – не враги себе. Случай с Ходорковским напугал их смертельно. Тот, помимо прочего, сделал свой бизнес прозрачным, то есть открытым для налоговой полиции. Согласился с предложением академика Жореса Алфёрова учредить «русскую Нобелевку» за выдающиеся открытия в науке: выделял на это полмиллиона долларов (на другие полмиллиона Алфёров, кажется, заставил раскошелиться государство); оборудовал компьютерными классами многие сельские школы; открыл дом для сирот, которых содержали и обучали; наконец, давал деньги на литературную премию «Букер» и на содержание её

аппарата. (Другое дело, что нобелевский лауреат Алфёров пальцем не шевельнул в защиту оклеветанного и осуждённого Ходорковского, а работники аппарата «Букера» тут же откредитовались от сотрудничества со «Свободной Россией», заключив соглашение о спонсорстве с фирмой, угодной Кремлю. Но это уже – к вопросу о благодарности тому, кто негоден и ненавистен верховной власти, от которой зависит твоё собственное благополучие!) «Подумаешь! – сказал о Ходорковском Путин. – Нажил миллиарды, а тратит миллионы!» Словом, все, кому надо, поняли: прозрачным делать бизнес смертельно опасно, заниматься благотворительностью можно только под контролем президента и его команды. А члены команды и сами не прочь предстать благотворителями перед другими. Президент дарит олимпийским чемпионам дорогие иномарки. Мэр – квартиры в Москве. И тоже иномарку. Так что у иных чемпионов оказалось по две машины. Вот только – за чей счёт? Не бином Ньютона, как говорил булгаковский герой: богатеям, приближённым к власти, было приказано скинуться!

«Образованные люди!» – восхитилась начальством олимпийская чемпионка. Да уж! Как когда-то Брежнев и его аппарат. Те тоже вносили свой вклад в теорию. Социализм, говорите, у нас какой-то странный, не по Марксу? Так у нас его особая стадия, которая Марксу и не снилась, – развитой социализм! Вручал, помнится, «Литературной газете» Подгорный орден Ленина. (Кстати, хочу исправить ошибку, которую допустил в «Стёжках-дорожках»: газета получила этот орден не к пятидесятилетию, а к сорокалетию. Удальцова тогда в редакции ещё не было. А эпизод с его участием, о котором я рассказывал, когда он, молодой заместитель главного редактора, указал нам, нескольким сотрудникам редакции, заблудившимся за сценой Колонного зала, на то, что территория, на которую мы вышли, нам не по чину, произошёл через десять лет, когда орден Дружбы Народов вручал газете Зимянин.) Читает Подгорный речь по бумажке, доходит до ритуального славословия Брежневу, поднимает голову, снимает очки и уже от себя:

– Да, – говорит, – а как образован-то, каким учёным человеком оказался наш Леонид Ильич! Громадный вклад в теорию внёс. Читали, небось, о наставничестве, ну, о движении таком? Когда старые рабочие должны брать шефство над молодыми? Учить их. Профессию чтобы осваивали. Так это Леонид Ильич лично придумал! Сам, своим умом дошёл!

Вот и нынешние – той же школы образования. «Исторический реванш», который представляет собой партия «Единая Россия», – это, конечно, движение вспять к утраченным привилегиям, но и к возможности их многократно увеличивать, потому и сказал партийный деятель Морозов, что реванш – это «очень сильнодвигающее чувство». Настолько сильнодвигающее, что некоторых приходится осаждать, устраивать время от времени показательные порки: то «оборотней в погонах» – силовиков-взяточников арестуют, то какого-нибудь проворовавшегося мэра. Правда, куда чаще приходится защищать: еле, к примеру, спасли министра Адамова от американской тюрьмы: многолетняя отсидка грозила! Согласились со швейцарцами, задержавшими его по рекомендации Интерпола, и с Интерполом согласились: да – жулик, да – хапнул! Но попросили всё-таки отдать его нам, а не американцам: у нас, дескать, тюрьмы не хуже и законы не менее суровы. Посидел Адамов в Матросской Тишине и отпущен домой под подписку о невыезде. Особая, надо сказать, благосклонность оказана. Светлане Бахминой, сотруднице Ходорковского, матери малолетних детей, отказывали в этом категорически – как можно! – непременно сбежит! Ну а раз отнеслись к Адамову благосклонно, глядишь, и дело его развалят – а для чего бы нашей свирепой прокуратуре в таком не свойственном ей облике выступать! А вот губернатора, пойманного на разных тёмных сделках, Путин недавно от должности отстранил. Правильно, конечно, сделал, но формулировка! Умри, Владимир, лучше не придумаешь: «За утрату доверия президента»! И никого это не удивило. Все знают, кто в стране главный, кто в ней хозяин.

Монархия? Но-но-но! Конституцию у нас никто не отменял и никто её пересматривать пока не собирается. А по ней мы живём в светской и демократической стране. Выходит, у

нас демократия? Да, но той же пробы, что и социализм в СССР, который, чтобы не путали с тем, каким он виделся буржуазным партиям, входящим в Социалистический интернационал, сперва называли «первой стадией коммунизма», а потом при Брежнев, как я уже говорил, – «развитой». И наша демократия совсем не та, к какой привыкли в других странах. Во-первых, она у нас управляемая, а во-вторых, суверенная. В этом и состоит вклад в теорию «образованных людей» – нынешних начальников.

Понятие демократия, как известно, значит власть народа. Но управляемая вовсе не означает, что кремлёвский аппарат выступает в роли неких нанятых народом менеджеров. На языке президента и его окружения управляемая – это власть народа, подмятая ими под себя, власть, которую они сумели оседлать.

Но в таком контексте причём тут демократия как власть народа? А она в роли дымовой пашки, как в СССР. Там ведь тоже правящий режим называл себя демократией, но социалистической, чтобы не путали с обычной, знакомой человечеству. Ту обозвали буржуазной и пугали ею население, перенося на неё собственные родимые пятна: рабский труд, нищенские зарплаты, выборы без выборов, чудовищные полицейские репрессии в отношении инакомыслящих. Те, кто верил, пугался: если там ещё хуже, чем у нас, то это значит, что там люди живут в аду!

А суверенная демократия, провозглашённая путинскими идеологами, – это нечто вроде советского железного занавеса. Лет двадцать назад, когда жил я в писательском доме в Астраханском переулке, разбудил меня часов в семь утра телефонный звонок. Звонил Ваня Сидоров, художник из «Литературной России», добряк, алкаш, известный всей издающейся братии. Завтракал ли я? – осведомился Ваня. Я отвечал ему сердито, жалея, что не выдернул аппарат из розетки: снова засыпать я не умел. Но Ваня словно не замечал моего тона. Он звал меня в соседний подъезд к Эдику Эльяшеву, который тоже работал в «ЛитРоссии» и у которого Ваня заночевал. В стране вовсю бушевала горбачёвско-лигачёвская антиалкогольная кампания, и Ваня сказал просяще: «Старичок, у нас закуски – полный холодильник, а с выпивоном – напряг. Как раз для тебя и осталось на донышке. Так что если принесёшь – родным отцом будешь!»

Плюнул я на всё, умылся, оделся, достал две бутылки водки из своего запаса и отправился к ним.

Оказалось, что художник Ваня Сидоров говорил со мной художественной, то есть метафорической речью. Полный холодильник закуски оказался наглой гиперболой: недоеденная яичница с колбасой, несколько соленых огурцов, початые банки болгарского лечо и венгерского зелёного горошка. А жидкость на донышке – даже сверхгиперболой. «Сорок семь капель!» – торжественно объявил Ваня, держа пустую бутылку над пустым стаканом. Капель собралось меньше из всех четырёх выпитых накануне бутылок, стоявших на столе. Я от этого угощения отказался, и Ваня Сидоров жадно припал к стакану.

И тут появился ещё один гость, ради которого я и вспоминаю это раннее застолье. Он ночевал у Эдика, так что четыре бутылки они выпили втроём. Значительно моложе нас, с правильными, но неброскими чертами лица, с которого не сходило, пока мы выпивали, какое-то грустное, даже затравленное выражение. Пил он меньше нас – недопивал, так что ему не наливали, а доливали. А когда они с Ваней ушли в магазин, который размещался в нашем доме, но не во дворе, а со стороны переулка, рассказал мне Эдик, что это то ли его, то ли его жены двоюродный племянник, что паренёк он неплохой, начитанный, до армии был живым, весёлым, а вот вернулся после службы будто мешком ушибленный: на всё реагирует вяло, без интереса.

– Ты кем служил в армии? – спросил я его, когда мы вдвоём стояли на балконе и курили.

Он посмотрел на меня тем же затравленным взглядом и нехотя обронил:

– Пограничником.

– О! – сказал я, стараясь растормошить его своим преувеличенно оживлённым тоном. – Ну и как граница?

– А что граница? – не понял он.

– Всё время была на замке? – спросил я.

Он посмотрел на меня сожалеюще, как на больного:

– От кого на замке, вы знаете?

«А ты, брат, оказывается, очень неглуп!» – подумал я и ответил:

– Не от шпионов же!

– Не от шпионов! – он прикурил новую сигарету от своего окурка. – За всё время с той стороны никого не было, зато с нашей...

– И ты их брал?

– Но я ведь не один в наряде. И не гонялся я ни за кем, делал вид, что гоняюсь. Но другие гонялись по-настоящему, зверели, стреляли.

– Убивали?

– Стреляли в основном по ногам.

– А ты?

– А я «мазал». Не вверх, конечно, стрелял. Но так, чтобы никого не задеть.

«Прямо как Юрий Живаго», – мелькнуло в голове о персонаже давно уже прочитанного запретного когда-то у нас романа. Там герой, оказавшись у красных, вступивших в бой с белыми, которые ему симпатичны, тоже стрелял для вида. Впрочем, роман Пастернака сейчас даже школьникам вменено читать.

– И не задел?

Он вдавил окурочек в жестяную коробку, исполнявшую роль пепельницы, и сказал – сперва почти безучастно: «Задел однажды», а потом, возбуждаясь всё больше и больше:

– Это же ю! Горы! Лес! Кто за валунами прячется, кто в кустах. Засекли старика. По нему и стреляли. А я, как всегда, мимо. И вдруг в кустах крик. Побежал – женщина. Я ей в плечо попал. Потом перед строем мне благодарность вынесли. Особую, – усмехнулся, – благодарность: организатора побега обезвредил! Она с двумя детьми и отцом бежать из страны собралась. План побега разработала. Да не учла, что границу охраняет такая скотина, как я!

И уже после за столом, выпив и глядя на меня:

– В каких я войсках служил? В тюремных. Границу от своего народа охранял! От тех, кому дома жить стало невмоготу!

Вот о подобной «суверенной» демократии и толкуют кремлёвские политологи. Суверенная демократия – это свой особый российский путь, уставленный частоколом, чтобы не извне, не изнутри никто на него покуситься не мог. Потому и приняли закон о неправительственных организациях, которые во всём мире существуют на гранты западных фондов в поддержку демократии. Всем можно – а нашим правозащитникам нельзя. И кого смущает, что многие из этих правозащитников отведали при советском режиме гулаговской баланды? Мало ли что было при советском режиме! А вот при нынешнем, если верить заявлению информационного агентства БАШИНФОРМ от 8 февраля 2006 года, «между правозащитной деятельностью в России и иностранной разведкой можно поставить жирный знак равенства». «Мошенники, – разъясняет агентство БАШИНФОРМ, – под правозащитной личиной просто оптом и в розницу продают Родину». «Оптом и в розницу», – так и писали, скажем, о Солженицыне, о Сахарове, о Марченко, о Щаранском с подачи печально знаменитого пятого управления по работе с инакомыслящими в андроповском КГБ. Многие его сотрудники, особенно из бывшего Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга, при Путине востребованы к руководству. К примеру, Виктор Черкесов, очень памятная фигура для ленинградских правозащитников. При Ельцине стал начальником Управления ФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Путин сперва сделал его своим полпредом по Северо-Западному феде-

ральному округу, а потом директором Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. Так что живут курилки и процветают! И не только оборот наркотиков контролируют, но такие агентства, как БАШИНФОРМ. «Дезой» это раньше на их языке называлось, то есть дезинформацией.

Однажды Путин отозвался о нынешнем грузинском премьерe и его правительстве в том духе, что все они продались Западу, живут на деньги фонда Сороса. Тоже с советских времён идёт эта ненависть к Западу, особенно к Америке и к её фондам. Повыветрились из начальственных голов такие понятия, как соросовский лауреат, соросовский профессор, соросовский студент. А я думаю, что до сих пор одни благодарны Соросу за то, что помог выжить, пока учились: стипендии были смехотворными; другие – за то, что дал возможность хоть какое-то время заниматься любимым делом, не отвлекаясь на жизненную необходимость подработать где-то ещё, потому что на ставку профессора можно было только что не умереть с голоду!

А участие в зарубежных научных конференциях или в наших иногородних? А само по себе проведение у нас научных конференций? Мог оплатить вам это родной вуз или академический институт? Нет, конечно. Откуда бы он взял на это деньги? А фонд Сороса оплачивал – предоставлял гранты.

А научные и культурные обмены? А выпуск учебников нового поколения? А покупка книг для сельских библиотек, о которой я здесь уже рассказывал?

Впрочем, всё это ещё со сталинских времён велось: калачом заманить иностранцев в страну, чтобы с их помощью, с помощью их денег строить заводы, прокладывать новые трассы, как было во времена первых пятилеток, а потом вытолкать да ещё дать им понять, что дёшево отделались. Представьте себе, что в первые годы войны не пришли бы нам на помощь союзники со своим продовольствием, одеждой, боевой техникой.

«Кровью своих солдат я не торгую», – с удовольствием цитировал нам, сотрудникам отдела русской литературы «Литгазеты», Фёдор Аркадьевич Чапчахов ответ Сталина американцам, напомнившим диктатору, что СССР не оплатил оговоренной суммы за поставки во время войны по так называемому «ленд-лизу». Восхищался Чапчахов Сталиным: во дал, во врезал! А разговор о том, сколько этот «отец народов» зря и бездарно пролил крови своих солдат, Чапчахов не поддерживал. Зато, как все сталинисты, поддерживал миф, созданный его кумиром, – ничтожной была помощь, оказанная нам союзниками! Смеялся, рассказывая, как на вопрос Черчилля: «Знает ли маршал Сталин, что такое благодарность?» – вождь ответил: «Конечно, знаю! Это такая собачья болезнь». Что ж, бациллы этой «собачьей болезни» Сталина действительно не зацепили. А ведь даже по свидетельству сталинского маршала Г. К. Жукова, «...нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью». «Теперь легко говорить, что ленд-лиз ничего не значил, – вторит Жукову один из ближайших сталинских соратников А. И. Микоян... – Но осенью 1941 года мы всё потеряли, и если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, тёплые вещи для армии и другое снабжение, ещё вопрос, как обернулось бы дело».

(Впрочем, многих нынешних военных историков подобные свидетельства не убеждают. Им больше по душе сталинская мысль: победили бы и без союзников! Поэтому и морочат голову современной молодёжи достоверной якобы цифирью: помощь союзников во время войны составляла 5 % от необходимого нашей стране. И добиваются, судя по разного рода сетевым форумам, своего: молодёжь им верит!)

А как мы повели себя после войны? Отказались от плана Маршалла, позволившего разорённой Европе встать на ноги. Как же: у советских собственная гордость! И где очутились со своей гордостью? Превратились в сверхдержаву. Ах, сколько гордости в таком осознании: своя атомная бомба, своя водородная бомба, первый в мире спутник, первый человек в космосе! Военно-промышленный комплекс с закрытыми, секретными городами от Московской области до Волги, до Урала, до Сибири. Какие-нибудь таинственные Арзамас-16, Красноярск-7, Челябинск-65, окружённые широкой песчаной полосой за колючей проволокой, чтобы мышь, проскочившую по следам, опознать. Был я в музее славы одного такого городка – курчатовского КБ. Портреты: доктор, профессор, член-корреспондент, действительный член. И под каждым даты рождения и смерти. Сердце сжалось: сколько умерло в районе сорока! Музей как колумбарий! Из этого, кстати, города лет пятьдесят назад выплыло ядовитое облако – до сих пор не рекомендуют рыбу в местных озёрах ловить и лесными плодами питаться: опасно для жизни! Не говорю уж о том, сколько людей тогда сразу это смертоносное облако накрыло. Не меньше, чем чернобыльское.

Хрущёв тоже когда-то над Тито смеялся, как Путин сейчас над Саакашвили: дескать, собрался на американской пшенице идти по своему особому югославскому пути к социализму. А потом и сам пошёл по своему, закупая пшеницу на Западе. А уж его преемники подсели на иноземный хлеб, как наркоман на иглу. Своего ленинско-сталинский социализм во всех, в том числе и в югославском, вариантах вырастить не смог. Да и не старался. «Дать советской армии всё необходимое, – говорил Брежнев, – священная наша задача».

* * *

С одной стороны, военно-промышленный комплекс у нас никогда не нищенствовал. А с другой, «всё необходимое» подчас оказывалось пропагандистской риторикой. И военные чиновники, и партийная верхушка жаждали получить «необходимое», как говорил герой Грибоедова, «числом поболее, ценою подешевле».

Я не встречал специалистов в области самолётостроения и создания ракетной техники, которые не знали бы, чем занимался мой тесть – Михаил Макарович Бондарюк. Ещё до войны он оценил перспективность для авиации прямоточных воздушно-реактивных двигателей (ПВРД), придававших ощутимое ускорение тяжёлым транспортным самолётам. Во время войны, когда истребительная авиация переживала явный кризис – все самолёты достигли, казалось, максимальной скорости, М. М. Бондарюк разработал двигатель, который значительно повысил скорость истребителя, сконструированного С. А. Лавочкиным, – Ла-5. Ну а после войны, когда потребовались сверхзвуковые скорости, был разработан сверхдальний бомбардировщик, на котором поставили ПВРД Бондарюка и который, по поздней горькой оценке специалистов, вполне мог стать конкурентом знаменитому впоследствии американскому «Боингу В-52». Мог бы, да не стал. По приказу Хрущёва работу над ним прекратили: устройство потребляло слишком много, по мнению партийного главы, горючего.

Любопытно, что когда уже после смерти Бондарюка обнаружили севший на нашей территории из-за выработки топлива последний писк авиационной моды – американский беспилотный высотный самолет-разведчик фирмы «Локхид», оказалось, что мы могли иметь такой же намного раньше, потому что работал американский на двигателе, похожем на тот, который давно уже был создан в Особом конструкторском бюро (ОКБ) под руководством главного конструктора Бондарюка и который тоже не вышел в серийное производство.

А Королёв, поначалу склонявшийся к тому, чтобы установить на крылатых ракетах двигатель Бондарюка? Расчёты показывали, что, набрав высоту в 20 километров, ракета обретёт нужную дальность и точность. Но одно дело технические расчёты, и совсем другое – финансовые!

А Келдыш, горячо поддерживающий Бондарюка и вынужденный отказаться от поддержки под нажимом Фрола Козлова, второго секретаря ЦК, убеждённого, как и Хрущёв, что двигатель должен обходиться дешевле?

Хрущёва сняли, а новое руководство не спешило вкладывать деньги в перспективные проекты. Министр авиационной промышленности П. В. Дементьев добился, чтобы доставлявшее ему столько хлопот ОКБ Бондарюка было переведено под крышу Министерства среднего машиностроения, которое курировал заведомо оборонной промышленности ЦК И. Д. Сербин, невзлюбивший Бондарюка за его независимый характер. К тому же в биографии Бондарюка было, с точки зрения партийного функционера, «пятно» – брат Михаила Макаровича, Георгий, военный лётчик, комбриг, с двумя орденами Красного Знамени за гражданскую войну, командовавший перед самым арестом авиационным корпусом, был расстрелян в 1938-м (в 56-м реабилитирован). И хотя в последние годы жизни Бондарюк одержал, казалось бы, самую убедительную победу: под его руководством была разработана ядерная энергетическая установка – источник электропитания спутников, которая по своим характеристикам превзошла американскую и оказалась намного надёжней её, Сербин всё делал, чтобы принизить значение этих работ.

А после смерти Михаила Макаровича открылась и личная корысть Сербина: главным конструктором бондарюковского ОКБ назначили его сына, который полностью погубил перспективное дело.

Вот так жадность руководства, интриги чиновников привели нашу оборонную промышленность к отставанию от США. А ведь поначалу мы были в лидерах!

Подлинную цену мощи нашей армии показал Афганистан. Десять лет в горах топталась, страну завоёвывала. Ничего не вышло. Да и не могло. Рекрутчина давно себя изжила – только офицерам выгодно: солдат в рабство хозяйчикам продавать или у себя держать в бесплатной прислуге: полы в доме помыть, что-нибудь там починить, баньку построить. Удивительно помогает это солдату набраться боеспособности, освоить сложнейшую технику, в которую не личные же офицерские или генеральские деньги вбухали!

О сегодняшней дедовщине, калечащей и убивающей солдат, о той обязательной дани, которую новички платят «дедам», те делятся с офицерами, а эти с генералами, которым те же новички-солдаты строят коттеджи стоимостью в многолетнюю генеральскую зарплату, говорят настолько часто, что рассказы об этом стали обыденной повседневностью. Но генералы негодуют. «Один генерал из Генштаба после очередной публикации о гибели солдата в Российской армии из-за дедовщины, – пишет в «Новой газете» (27.07. – 30.07.2006 г.) её военный обозреватель Вячеслав Измайлов, – сказал мне с раздражением: «Вы и ваша газета муссируете жареные факты. Какие вы патриоты! Вы армию уничтожаете, Россию на колени перед НАТО и террористами ставите!». Вот – генеральская логика, сравнимая разве только с логикой Городничего из гоголевского «Ревизора»: об уничтожении армии свидетельствуют не погибшие по вине офицеров (тех же генералов) солдаты, а предание гласности фактов их гибели. Вот так же и Городничий уверял Хлестакова: «Унтер-офицерша нагала вам, будто я её высек; она врёт, ей-Богу врёт. Она сама себя высекла».

А насчёт того, что выносить сор из избы не патриотично, что рассказывать правду о так называемых неуставных отношениях в армии – значит ставить страну на колени перед НАТО, то это старый пропагандистский советский штамп. Мы ещё лет тридцать назад смеялись в «Литературке», прочитывая заголовки газет. «Мирный атом», «Вдохновенный труд», «Счастливое детство», с одной стороны, и – «Ложь на длинных ногах», «В царстве тьмы», «Без права на жизнь», с другой. Угадайте с трёх раз, какие материалы были о нас и какие о них.

Новое в рассуждениях генштабовца здесь – это «жирный знак равенства» между НАТО и террористами. Добавилось, оказывается, врагов у Российской армии: старый, заклятый,

с кем чуть ли не сразу же после войны воевать готовимся, – и новый, не очень, правда, внятный, поскольку блок НАТО заодно с террористами действовать вроде не собирается! А журналисты, вместо того чтобы мобилизовать избиваемых и калечимых солдат на ратные подвиги, накнулись на «жареные факты» этих избиений и убиений. Есть отчего гневаться генералу!

Как нарочно, только что (30 июля 2006 год) вышел из метро «Арбатская» и, пойдя мимо Генштаба, остановился у светофора, а за мной солдат. «Вы не могли бы, – спрашивает, – дать мне немного денег?». Прежде я солдатам не давал, полагал, что они собирают на наркотики, на водку. Но после публикации о самоубийстве Кирилла Григорьева, служившего в том же Генштабе и не выдержавшего издевательств «дедов», обложивших его данью, из-за которой он просил денег у родителей, у прохожих, – после жуткой этой истории полез в карман за кошельком.

– Что, – спрашиваю, – «деды» достали?

– Да, – говорит стеснительно, – на себя-то мне бы хватило. Лицо хорошее, интеллигентное, ладная фигурка.

– Откуда? – спрашиваю.

– Из Королёва, – отвечает.

– Школу кончил?

– Поступал в Физтех, не прошёл.

– И определили служить в Генштаб? Усмехается.

– Родители у меня на оборонном предприятии работают. Там и вышли на нужного человека, через которого я попал в Генштаб.

– И чем ты там занимаешься?

– Обещают в лабораторию устроить. Я физику люблю. Буду работать в лаборатории, – здраво рассуждает, – не забуду всего, что знал. А пока тяжело: даже читать некогда.

– Так загружен?

– «Деды» не дают.

– Кирилла Григорьева знал?

– Слышал о нём, – говорит. – Самоубийством кончил. Не удивляюсь.

Вот и Юлия Калинина, автор статьи о самоубийстве прикомандированного к Генштабу военнослужащего срочной службы Кирилла Григорьева («Московский комсомолец» от 27 июля 2006 года), тоже не удивляется. Кирилл выбросился с балкона девятого этажа дома на Новом Арбате. Оставил предсмертную записку, где поимённо назвал всех своих истязателей и вымогателей – «дедов» и офицеров. Но записка ведь не документ. Она должна быть подтверждена показаниями свидетелей – сослуживцев Кирилла. А их сразу же перевели в другую часть. И до смерти запугали. Так что похоже, что никого за эту гибель не осудят. Матери погибшего сына в военкомате выдали бумажку: «Умер при падении с девятого этажа». «Лучше бы они написали: «Умер при падении в ад»», – заканчивает свою статью, названную именно этой фразой, журналистка «Московского комсомольца». И она права: служба в армии сейчас подобна адовому пеклу, сродни тюремному, а то и пострашнее. Что же удивляться самоубийствам тех, кто не выдерживает этого болевого порога!

А убийствам? Тому, что «в одной из подмосковных частей железнодорожных войск Минобороны» капитан Вячеслав Никифоров («его вес 160 кг»), празднуя День железнодорожника (6 августа), «до смерти забил 20-летнего рядового Дмитрия Пантелеева». «Он выбил Дмитрию глаз, пробил голову и сломал ребро». «Удары были такой силы, – это я цитирую «Московский комсомолец» от 12 августа 2006 года, – что произошло смещение всех костей челюсти и черепа». Тех, кто привык к сообщениям о неуставных отношениях в армии, вряд ли удивит и это.

А генерал из Генштаба, выходит, удивляется: чего, дескать, на подобные вещи внимание обращать! Нет, что ли, у прессы других дел, как смаковать «жареные факты»!

«Я не стал ему говорить, – пишет в «Новой газете» В. Измайлов, – что у меня как офицера и Афганистан за плечами, и Чечня, и Закавказье, и Дальний Восток, и Прибалтика, и Германия. А как журналист я устал от этих «жареных фактов», которые готовятся на кухне сегодняшней Российской армии в многократно большем количестве, чем за многие годы моей службы строевым офицером в войсках».

Кстати, по поводу убийства Дмитрия Пантелеева: «Представители военной прокуратуры подтвердили «МК», что Пантелеев был трезв, а избивший его командир – пьян. Доподлинно известно, что рядовой Пантелеев в роковой день не был в самоволке». И ещё: «Основываясь на показаниях матери погибшего, следственные органы рассматривают версию о вымогательстве. Женщина утверждает, что, пока сын служил в части, Никифоров требовал принести ему «оброк». Для этого на некоего гражданина был открыт счёт в банке, куда мать и посылала деньги».

Военная прокуратура, стало быть, работает! Пока да. Но выписываю из более раннего сообщения «Московского комсомольца» (3 августа 2006 год): «В среде юристов ходят упорные слухи, что в недрах Госдумы зреет законопроект, который снимет погоны с военных прокуроров и судей уже 1 января 2007 года». За разъяснением газета обратилась к председателю Московского окружного военного суда генералу Александру Сергеевичу Безнасюку. Тот поясняет: «Я убеждён, что причина здесь одна: недовольство Минобороны нашей работой. Мы ведь удовлетворяем 80 % жалоб и обращений военнослужащих. Естественно, что решения принимаются не в пользу Минобороны и прочих силовых ведомств, а в пользу человека в погонах. То есть мы защищаем простых солдат и офицеров от их руководства. К тому же мы признаём незаконными и отменяем большой процент приказов, вплоть до приказов руководителей силовых ведомств, а руководству это не нравится».

Натурально, какому же руководству это понравится!

Генерал-лейтенант Безнасюк продолжает: «К тому же преступность в армии растёт, в том числе и среди офицеров – мы об этом говорим открыто, кому-то это не нравится. 1998 офицеров были осуждены в прошлом году среди всех силовых структур, из них более тысячи – в Вооруженных силах. Это же очень много».

Немало, конечно. Но корреспондентка газеты Елена Павлова обращает внимание генерала на то, что «за шесть месяцев этого года в военные суды МВО обратились 6053 человека, из них солдат – чуть больше сотни...» «Это значит, – пожимает плечами Безнасюк, – что у призывного контингента нет доступа к правосудию. А если суды ликвидируют, то и эти 120 солдат не смогут добиться справедливости – стена с колючей проволокой станет ещё толще».

Стена с колючей проволокой, ограждающая патриотические сердца от «жареных фактов», – вот рецепт чиновников в погонах по возрождению боевого духа армии. А ведь возводили уже такую стену, и что? Стала армия боеспособней?

Набило оскомину банальнейшее удивление: почему побеждённые Германия или Япония в конце концов стали жить намного лучше победителя России (Советского Союза)? Потому что включились в мировую экономику, стали жить по рыночным законам, дали им полностью проявить себя, а не оборвали, как несмышлёные дети, и не затоптали, как свирепые бизоны, слабые рыночные ростки.

К тому же побеждённые страны и те, кто оказался разорёнными войной, перестали лгать своим народам в пропагандистских целях, превращая Америку из охотно помогающей всему миру державы, отзывающейся на боль других, восстанавливающей чужое пришедшее в негодность хозяйство, в некоего вселенского монстра, который мечтает о мировом господстве.

Помню, как откликнулся Вадим Кожин в 1968 году на сообщение о том, что Сергей Михайлович Бонди одобрил нашу интервенцию в Чехословакию: «Он что, на старости лет с ума сошёл?»

– Но Бонди ссылается на Пушкина, на его «домашний спор славян между собой», – сказали ему.

– Так «домашний» же, – возразил Кожин, который, как я писал в «Стёжках-дорожках», в то время ещё не обрёл ту репутацию, какой стал известен позже. – Польша входила в Российскую империю. А Чехословакия советской республикой не является.

Ложь о мечтающей о мировом господстве Америке живёт и поныне. Как некогда пушкинист Сергей Михайлович Бонди, так и теперь многие заглазывают её не слишком свежую приманку.

– А почему, Геннадий Григорьевич, его жена сохраняет американское гражданство? – возразил мне мой заместитель в газете «Литература», когда я удивился, что его украинские родственники не стали голосовать за Ющенко, а проголосовали, как он мне сказал, «против всех».

– Ну что, дадим Украине газ? – спросил меня бывший приятель, которого я взял к себе на работу в «Литературную газету», потом долгое время его не видел: он переехал, и новый его телефон у меня оказался не скоро, но когда оказался, я обрадовано позвонил ему аккуратно под Новый год.

– А почему бы нам ей его и не дать? – весело сказал я, убеждённый, что говорю с единомышленником.

– А по мне, – сказал бывший приятель, – пусть ей хозяин газ даёт.

– Какой хозяин.

– Америка! Какой же ещё?

– Господи, неужели ты веришь этой пропагандистской дребедени? – ужаснулся я.

– Я верю собственным глазам...

– Ушам, – уточнил я.

– Глазам, – зло продолжил он. – Америка тянет Украину в НАТО. И та, попрошайка, идёт. Дадут ей немного денег ради американских баз в Крыму и войск НАТО на наших границах.

Больше я уже ему не звонил...

Каждому по делам его. Это в Евангелии сказано. Запад потому и не подыскивает уточняющих определений к своей демократии, что она у него самая обычная: общество граждан, чья жизнь, достоинство и благополучие защищены законом, охраняются государством. И по тому, как защищены, по тому, как охраняются, граждане судят о своих властях, которым могут продлить полномочия на свободных выборах, а могут на тех же выборах отдать предпочтение их оппонентам. У нас – компрадорский режим типа латиноамериканского в семидесятых годах прошлого века: отдельных граждан защищают только их деньги, которые они нажили на посредничестве между иностранным капиталом и собственным рынком: продавая оружие, богатства недр... Что ещё? А больше продавать нечего, потому что больше ничего никто и не производит. Коммуникации ветшают, техника устаревает, крестьяне как жили сотни лет без водопровода и газа, так и сейчас живут. И всю властную вертикаль в стране это не волнует: благополучие чиновников, их пребывание во власти от тех же крестьян или обнищавших горожан не зависит. Предупреждает же Путин Запад: не лезьте к нам с вашими рекомендациями. Вряд ли сознаёт при этом наш президент, что уподобляется известному сатирическому персонажу – людоедке Эллочке Щукиной, в чьём скудном лексиконе фраза «Не учите меня жить» призвана была, очевидно, запечатлеть суверенную независимость отчаянной модницы. Конечно, Путин этого не сознаёт! Он чётко выговари-

ваит Западу: у нас своё понятие о демократии! Очень удобное, надо сказать, для правящего режима понятие: граждане не выбирают себе начальство, оно назначает себя само.

«По мнению нижегородского губернатора, – сообщает «Московский комсомолец» от 31 июля 2006 года, – народ не всегда делает правильный выбор (к президенту это не относится). Поэтому отказ от прямых выборов в России вполне оправдан». Да, так и сказал бывший член руководства ползковско-зюгановской компартии, оставивший, разумеется, её ради «Единой России» Валерий Шанцев, ставший вице-мэром Москвы, а потом и губернатором Нижегородской области: «Если народ избрал президента, и президент на свои плечи взял ответственность за страну, то президент вправе решать всё в этой стране». Оправдал доверие, оказанное ему президентом!

«Сколько же вы получаете?» – спросил я учительницу одного провинциального центра. «Ну, – ответила, – я ведь ещё и завуч. У меня 2500. У других вообще по две». «И всё?» – спросил я. «Это не Москва, – сказала, – подработать тут негде: школ не так уж много».

«Сколько вам платят в месяц? – в этот же вечер на банкете спрашиваю чиновника областного министерства. – Тысячи две имеете?» «Ну что вы, – изумлённо, – от силы одну-полторы». «Ну и льготы, – говорю, – больница, путёвки, переезды». «Это есть, – соглашается он. – Но это же есть и у всех!» «В смысле?» – не понимаю. «У всех в министерстве», – разъясняет.

Что-что? Чиновник от образования получал меньше учительницы? Могло ли такое быть? Нет, конечно. Та называла сумму в рублях, а этот – в долларах. И стоил доллар тогда 30 или даже несколько больше рублей.

Однажды на планёрке главный редактор «Литгазеты» Александр Борисович Чаковский поделился с нами свежим, теперь давно уже бородатым анекдотом о том, как спрашивают вождя горемычных людей России: «А вы их дустом не пробовали?»

Чаковский любил анекдоты, любил рассказывать их сотрудникам, неизменно извлекая из очередного антисоветского анекдота совершенно неожиданную, верноподданническую истину. По-моему, это его забавляло. Вот и здесь:

– Это я к тому, – сказал он, – что только подобный сверхтерпеливый народ достоин грандиозного будущего.

Как говорится, нашему теляти... Такое ощущение, что нынче дуст летит со всех сторон, плотно оседая на стариках. И это при том, что страна сейчас богата, как никогда. Золотовалютного резерва, подобного нынешнему, Россия не имела даже в царские времена! Её копилка – Стабфонд пополняется и пополняется за счёт нефтедолларового дождя. Но она не для тех, кто аскает. Она, как объяснил президент, для наших детей и внуков. Зазвучала старая советская песня о грандиозном будущем.

Что «православный» значит «бей жидов»

Уж не знаю, из чего её делали, но хорошо помню, что эта варёная колбаса стоила 7 рублей. Продавалась она почему-то только в одном деревянном ларьке, обычно торгующим пивом или квасом в розлив. Ларёк располагался у дома коммуны на Хавско-Шаболовском – через дорогу от наших домов. Разумеется, такая колбаса появлялась там не часто, но, когда появлялась, весть об этом мгновенно облетала окрестность, и мать гнала меня с деньгами в эту палатку.

Стоять приходилось долго. Никто тебе не писал химическим карандашом на ладошке номер, как в очереди за мукой, поэтому отлучиться было опасно: назад могли не пустить, не узнать. Вот и стоял я часами, иногда читая взятую с собой книжку, иногда прислушиваясь к разговорам взрослых.

Было мне тогда двенадцать лет, и взрослые разговоры о семье, о детях меня не интересовали, а вот какие-нибудь истории из криминальной, так сказать, жизни я подслушивал с большим интересом.

Помню тётку в суконном пальто с меховым воротником и в пуховом платке на голове. Она рассказывала, что в Сиротском переулке на чердаке дома поймали еврея, который конфетой заманил русского мальчика, взрезал ему горло и подставил под него бидончик, куда стекала кровь.

– Она ему для мацы была нужна. Это такой особый еврейский хлеб, который на русской детской крови запекают, – объясняла тётка очереди. Многие ахали от ужаса. – На прошлой неделе его поймали, – говорила тётка неверящим. – Жалко, что нет знакомых, – она оглядывалась, всматривалась, оживлялась и подзывала к себе мальчишку чуть старше меня, который, узнав в чём дело, подтверждал тёткин рассказ: так всё и было!

– Вот сволочь! – сказала мать не о еврее, а о тётке, когда я передал ей этот рассказ. – А ты книгу читай, когда стоишь в очереди. Не слушай этих идиотских разговоров!

Но я ещё раз услышал тот же рассказ от той же тётки, когда стоял за той же колбасой. Теперь она сообщала, что еврея поймали на чердаке дома на Мытной улице.

– Вы же говорили, что его поймали в Сиротском, – сказал я.

– Это другого: месяц уже прошёл, – уточнила она, – а на Мытной – на той неделе, – и, как тогда покрутив головой, подозвала к себе того же мальчишку.

– Да, – сказал он. – В прошлый вторник и поймали.

В школе, которая располагалась как раз между Сиротским переулком и Мытной улицей, никто ничего об этих случаях мне не говорил. Да и сам я не спешил делиться с кем-нибудь такой новостью: я в неё не поверил. Сказал об этом только моему другу Марику Быховскому, который отозвался о той тётке так же, как и моя мать: «Вот сволочь!» Тем более что Марик жил как раз в Сиротском переулке, и ему ли не знать, было ли в их домах что-либо подобное!

Не помню, как звали нашу учительницу биологии. Но её саму помню хорошо: крупная, полная, с глубокими глазными впадинами, откуда высверкивали небольшие глаза. Она была парторгом школы и поэтому присутствовала вместе с директором на всех наших торжественных линейках. Помимо биологии любила на своих уроках заряжать нас, так сказать, гражданским самосознанием – сообщала нечто вроде политинформации. От неё мы и услышали:

– У нас великая дружба народов! Но одному немногочисленному народу не по душе такая дружба! Особенно не по душе, что сплотились друзья вокруг великого русского народа. Вы поняли, о ком я говорю?

И поскольку никто не отозвался, после паузы:

– Я говорю о евреях. Не обо всех, конечно. Есть и среди них достойные люди. Но об абсолютном их большинстве. Можно только удивляться: за что они так ненавидят русский народ? Ведь если б не русские, немцы бы их уничтожили. Всех! Поголовно! Если б не Красная армия, абсолютное большинство которой составляли русские. Вместе с русскими братьями воевали и другие народы нашей страны. Но вот что удивительно! Казалось бы, над тобой, над евреем, нависла смертельная опасность: тебя в первую очередь Гитлер уничтожит. И много вы знаете евреев, которые пошли на фронт? Единицы! Большинство эвакуировалось вместе с военными заводами, добившись брони, то есть освобождения от воинской службы!

Много лет спустя, читая у Солженицына о том, какими храбрыми солдатами оказались евреи у себя на исторической родине, вовсе не такими, какими они были в Великую Отечественную, на которой устраивались врачами в эшелонах, пролезали в замполиты, чтобы не попасть на передовую, – впрочем, лично он, Солженицын, «видел евреев на фронте. Знал среди них бесстрашных. Не хоронил ни одного», – читая эту антисемитскую бредятину, я вспоминал 1952 год и политинформации нашей биологини.

Наша 545-я мужская школа называлась экспериментально-базовой Академии педагогических наук РСФСР. Немногие вводимые тогда в школы новации предварительно обкатывались на нас. Учителя были высокой квалификации и людьми, как правило, неплохими: мы к ним хорошо относились. Но биологиню-парторга, по-моему, не любил никто. Во всяком случае, когда по случаю смерти Сталина мы стояли строем на траурной линейке и давились от хохота, тщательно это маскируя, прячась друг за друга, то ещё и потому, что смешили нас красное зарёванное кабанье лицо и рыдающие, похожие на икание, интонации: «величайший (ик!) человек (ик!) гений (ик!)».

Потом уже за свою долгую жизнь я встречал немало антисемитов, что, конечно, неудивительно: вся сталинская политика после войны была ориентирована на разжигание ненависти к евреям, а возвращённые на этих кормах последователи Сталина несли факел ненависти вечно неугасимым. Но замечал я, что самыми яростными антисемитами были не кадровики (у них работа была такая – следить, чтоб не нарушалась процентная норма, чтоб, не приведи Господи, не проскочил в учреждение лишней еврей), а именно парторги. Эти ненавидели не за страх, а за совесть. Или за идею? Да, наверное, это будет ближе к истине, которую я бы сформулировал так: антисемитизм – это идеология парторгов.

Первый год моей работы в «Литературной газете» оказался последним годом пребывания на посту парторга газеты Николая Алексеевича Фёдорова, директора библиотеки, бывшего чекиста, который работал в газете ещё вместе с Булатом Окуджавой. О Булате я вспомнил в связи с тем, что он мне о Фёдорове рассказывал, как тот кому-то отозвался о нём: «А я люблю работать с такими, как Окуджава». «Почему?» – спросили его. «У него жилка надорвана: родителей посадили, слегка потянешь за жилку, и он сам тебе в руки падает!» Знал бы Фёдоров, какими канатными были жилы у Булата! «Жуткий антисемит!» – говорил мне о Фёдове Окуджава.

Но уже на другой год парторгом «Литгазеты» стал заведующий международным отделом Олег Николаевич Прудков. И оставался на этом посту до отпуска компартии.

Мой старший товарищ Бенедикт Сарнов, работавший в «Литгазете» в одно время с Окуджавой, вспоминает в своей мемуарной книге «Скуки не было», как морщился Олег Николаевич, который был тогда ответственным секретарём редакции, узнав, что в газету взяли очередного еврея. А мне запомнился перепуганный Фёдор Аркадьевич Чапчахов, говорящий по телефону с Прудковым. Тот осведомился у нашего начальника, члена редколлегии, как так получилось, что в дискуссию, которую вёл отдел, проскочила статья Владимира Соловьёва. Чапчахов ответил, что Соловьёв даже в «Правде» не так давно напечатал статью о Шукшине и вообще, кто же знал...

Ну, положим, о том, что отчество Соловьёва Исаакович, Чапчахов был осведомлён. Но кто же знал, что он подаст документы на выезд в Израиль? Даже «Правда» об этом не знала!

Однако завершающий дискуссии академик Лихачёв нашёл необходимым привести цитату из Соловьёва, чтобы её опровергнуть. Вышли из положения, заменив фамилию Соловьёва на «один из участников нашей дискуссии». С того момента, как ты подавал на выезд, ты становился анонимом: твои книги изымались из библиотек и отправлялись в спецхран, куда проникнуть можно было только по особому разрешению.

Парторг – это какая-никакая, но номенклатура райкома. А уж антисемитизм работника партийного аппарата – его, можно сказать, визитная карточка.

В 1970-м, кажется, году летел я из Москвы в Армению на Всесоюзный семинар молодых поэтов. Долго не мог улететь: рейс всё откладывали и откладывали. В Ереван прилетел ночью. Взял такси и решил ехать в ЦК комсомола: там, думаю, скажут, где остановились участники, а может, помогут добраться до этой гостиницы.

Но таксист что-то напутал, и в результате я оказался в горкоме партии. Дежурный долго не мог понять, чего мне надо, вертел моё редакционное удостоверение, смотрел командировочное направление, а потом открыл дверь какого-то кабинета, положил на стол мои документы и сказал (акцент я опускаю): «Ладно, ложитесь пока вот на тот диван, утром придёт хозяин и всё вам сделает». Утомлённый бестолковым днём, проведённым в основном в аэропорту, я заснул.

А проснувшись, услышал (акцент опускаю):

– Ну что это за жидовские штучки, а? Ну что ты, как пархатый, а? Я ж тебя как человека прошу: сделай, друг будешь, а? Да? Ну спасибо, дорогой.

Крупный армянин заулыбался, увидев, что я проснулся:

– Доброе утро, Геннадий Григорьевич! Рад приветствовать вас в солнечной Армении. Умывайтесь. Сейчас позавтракаем, и за вами придут.

– С кем это вы? – спросил я его.

– А, – он пренебрежительно махнул рукой, – второй секретарь (не помню чего). Недавно прислали. Коньяк три дня назад пили вместе. Русский. Обещал одно дело сделать. И повёл себя, как еврейчик. «Не помню, – говорит, – пьяный был». Ну я ему и напомнил.

К антисемитизму русского аппарата, как и к его мату, я привык. А вот в то, что аппаратчик-армянин антисемит, признаться, не очень поверил. Может, он говорит на сленге, на каком все эти «еврейчик», «жидовский», «пархатый» безобидны? Говорили же крестьяне в Смоленской области, где, как рассказывал, я жил в детстве: «не жиди», то есть «не жадничай»! Да и дети весело скакали под бессмысленную, на их разумение, дразнилочку: «Жид, жид, жид, по верёвочке бежит!».

Но, поездив по стране, побывав не только в европейской её части, но и в азиатской, и в среднеазиатской, я убедился, что аппарат везде одинаков, что сталинская его выучка принесла щедрые плоды. И на днях ещё раз удостоверился в этом, купив книгу Николая Митрохина «Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985». Она издана в 2003 году и почти тотчас исчезла с книжных прилавков. Долго я за ней охотился. И очень обрадовался, когда в одном небольшом магазинчике мне вынесли последний, как сказали, имевшийся у них экземпляр.

Обратите внимание на дату зарождения этой «Русской партии» – 1953-й, сразу после смерти Сталина. Для продолжения – теперь это можно сказать с уверенностью – его ксенофобской политики.

Пересказывать книгу бессмысленно: её надо внимательно читать. Речь в ней о самых разных кружках и объединениях – и тех, что были связаны с ЦК КПСС и с ЦК ВЛКСМ, и тех, кто ненавидел большевизм, противопоставляя ему национализм, и был упрям за это в лагерь. Имена называются громкие – писателей, учёных, министров, секретарей ЦК, чле-

нов политбюро. И залогом того, что всё, рассказанное в книге, правда, служит её научный аппарат: автор во многом опирается на материалы доступных ещё недавно архивов, на свидетельства правозащитников и их некогда подпольные издания, на различные воспоминания и интервью, которые охотно раздают сейчас журналистам осмелевшие при Путине националисты.

С другой стороны, воспоминания и интервью последних делают правду неполной. К примеру, вспоминает Станислав Куняев о том, как пьяный поэт Владимир Соколов обращался за столиком в доме литераторов к критику Евгению Юрьевичу Сидорову: «Евгений Абрамович», поскольку тот был женат на еврейке. И забывает сообщить, что Соколов резко порвал любые отношения со всей их националистической группой, даже с Кожинным, с которым долгое время дружил, именно и прежде всего потому, что был чужд антисемитизму. А в тот раз, не красящий его, спьяну (а пил Соколов зверски) подыгрывал тем, кого пока ещё считал друзьями.

Или уже о Кожинном, который «на слова Е. Евтушенко о себе как о «великом русском поэте» ответил: " Да какой ты русский поэт, ты всего лишь лакей мирового еврейства», точно зная, что присутствующая тут же его жена-англичанка является еврейкой по этническому происхождению».

Во-первых, Евтушенко не был настолько глупо амбициозен, чтобы рекомендоваться «великим» своему недоброжелателю! А во-вторых, кто же из наших общих знакомых не знал, да и Кожиннов не скрывал того, что в обеих его дочках течёт и еврейская кровь?

Не поверил я поначалу Куняеву и когда он записал в «русскую партию» Ярослава Смелякова, отождествив его с теми, кто полностью принял коммунистические идеи, но сохранил националистические взгляды. Тем более что Куняев отнёс к ученикам Смелякова таких, не имеющих никакого отношения к Ярославу Васильевичу поэтов, как Анатолий Передреев, Владимир Соколов и Игорь Шкляревский, группировавшихся вокруг него, Куняева, когда он работал в журнале «Знамя».

Я ведь помнил самого Станислава Куняева и его ранние стихи ещё по литературному объединению «Магистраль», которое вёл Григорий Михайлович Левин. Помнил, что Куняев и Передреев считались тогда (да и были!) учениками Бориса Слуцкого, писали в стиле своего учителя. Владимир Соколов раньше Смелякова обратился к традициям русской классической поэзии. А Игорь Шкляревский, приехавший в то время в Москву из Белоруссии, пока что осматривался. Ничьим учеником он себя не объявлял, а от Куняева и его единомышленников отошёл довольно быстро.

Был Смеляков не националистом, а государственным в советском стиле. Любил свою комсомольскую молодость, о которой писал с такой же нежностью, как Михаил Светлов. Писал Смеляков и стихи, которые меня лично коробили: оправдывающие Петра, посылающего на казнь своего сына, царевича Алексея. Или «Кресло» – о том, как ходил он по Кремлю в сопровождении бывшего кремлёвского курсанта писателя Владимира Солоухина, попал в опочивальню Ивана Грозного, где стояло кресло царя, и...

И я тогда, как все поэты,
мгновенно, безрассудно смел,
по хулиганству в кресло это,
как бы играючи, присел, —

и был за это мгновенно наказан:

Но тут же из него сухая,
как туча, пыль времён пошла.

И молния веков, блистая,
меня презрительно прожгла.

«Как словно сдуру прикоснулся / к высоковольтным проводам», – по-другому комментирует это Смеляков. И вот вывод:

Урока мне хватало с лишком,
не описать, не объяснить.
Куда ты вздумал лезть, мальчишка?
Над кем решился подшутить?

Конечно, коробит это холопское отношение к канонизированному советскими историками по приказу подражавшего ему Сталина царю Ивану IV, которого современники называли не Грозным, а Мучителем. А с другой стороны, какую ещё трактовку истории, кроме советской, мог признавать человек, трижды сидевший в сталинских лагерях и несмотря на это упорно цеплявшийся за идеалы своей комсомольской юности! Господи, о ком он только ни писал, кого он только ни приветствовал – и Егора Исаева, и Владимира Цыбина, и Владимира Фирсова, и Феликса Чуева! Но и Марка Лисянского, Григория Поженяна, Дмитрия Сухарева, Евгения Евтушенко, Римму Казакову, Беллу Ахмадулину, даже (с оговорками) Андрея Вознесенского! Всеядность? Может быть. Но ещё и отсутствие партийности, то есть нежелание примыкать к какой-либо литературной партии, в том числе и к «русской». Вот почему я не поверил поначалу Куняеву.

Но, поразмыслив, я, кажется, понял, почему он к ней отнёс Смелякова. Тот действительно давал для этого основания. Не зря ведь его фамилия мелькает среди тех, кого поддерживала «группа Павлова», первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Она, как передаёт Митрохин, стремилась «поощрять писателей из «прорусской» фракции Союза писателей – М. Шолохова, М. Алексеева, Л. Леонова, Л. Соболева, Я. Смелякова, В. Фирсова и других». Или в связи с тем мы находим фамилию Смелякова, что возглавляемое активистом «группы Павлова» Ю. Мелентьевым издательство «Молодая гвардия» «завязало и укрепило связи с рядом влиятельнейших писателей, поддерживавших идеи русского национализма, – М. Шолоховым, Л. Леоновым, Я. Смеляковым, В. Солоухиным». Была в «русской партии» и «группа Шелепина». Она всех этих писателей тоже поддерживала.

В странной, конечно, компании оказывается Смеляков. В компании друзей?

Однажды он подошёл ко мне в ЦДЛ и стал распекать меня за небольшую статейку о его стихотворении «Мальчики, пришедшие в апреле», напечатанную в московском ежегоднике «День поэзии». «Ты приписываешь мне свои мысли, – сказал он. – Ни о чём подобном, что ты написал, я и не думал». «Бывает, – ответил я. – Ещё Белинский заметил, что если б сказали Лермонтову, о чём он написал, он мог бы удивиться и даже этому не поверить». «Ну, ты не Белинский, – сказал Смеляков. – Мне твои «левые» мысли не нужны». «Почему «левые»?» – удивился я. «А ты что, считаешь себя «правым»?» – «Ну какой же я «правый!»» «Вот-вот, – подхватил Смеляков. – Чего вы, «левые», лезете ко мне? Читал, небось, книжку, которая недавно обо мне вышла? Тоже одного «левого!» – И, распаясь: – Да оставьте вы меня в покое! Пишите о других!»

«Левые» и «правые» в то время обозначали абсолютно противоположное теперешнему явление. «Правыми» назывались литераторы, поддерживающие коммунистический режим и, коль скоро я пишу сейчас об этом, его националистические идеи.

А книга, о которой говорил Смеляков, принадлежала Станиславу Рассадину. Недавно я пересказал ему тот забытый было за давностью лет разговор. В ответ он сослался на Алек-

сандра Межирова, который будто бы видел, как Смеляков полистал книгу Рассадина, бросил её на стол и заплакал: «Он ненавидит моё поколение!»

– Правда, Саша мог и приврать! – сказал Стасик.

Да уж, за Межировым ходила эта слава – неистощимого фантазёра!

Стасик задумался и сказал:

– Слушай, а ведь твой рассказ многое в Смелякове объясняет. Ты читал книгу Данина «Бремя суда»?

И Рассадин показал мне то место в книге Даниила Данина, где он вспоминает о своей рецензии на «Кремлёвские ели» – первую книгу Смелякова, выпущенную им после очередной отсидки. Шёл 1949 год. Рецензию обмыли. Смеляков ей очень радовался. Но через некоторое время выступил Фадеев, назвал её «эстетским захваливанием». И редакции, приветившие было Смелякова, перестали его печатать. Разъярённый Смеляков обрушился на Данина: «Зачем ты написал эту статью?» «Ты с ума сошёл?» – спросил тот. «Я-то не сошёл, но вот ты о моей судьбе подумал? Теперь меня снова не будут печатать. Мне надо было жить в незаметности, а что делать после твоей сволочной статьи?»

Страх дважды отсидевшего до этого в лагере Смелякова был очень понятен. И кто знает, не сыграла ли свою роль «сволочная статья» Данина в том, что Смеляков снова был посажен? Наверняка этого утверждать, конечно, нельзя, как нельзя согласиться с испугавшимся Смеляковым в том, что его спасением было жить в незаметности. В преддверии нового Большого Террора, который готовил Сталин после войны для своих подданных, было приказано вновь арестовывать уже отсидевших. Так что долго жить в незаметности у Смелякова, скорее всего, не получилось бы!

Но какое это имеет отношение к тому, что он оказался в той компании, которую привечала антисемитская комсомольская, а потом и партийная аппаратная группа? Самое прямое. Наученный жизнью, он и не собирался опровергать её мнения о собственной причастности к этой компании. Его одаривали: дали государственную и комсомольскую премии. Он стал литературным метром, занял фадеевскую дачу в Переделкине, сидел в президиумах всевозможных пленумов, съездов и совещаний.

И только иные его стихи, которые он писал, показывали, что компания, к которой его пристегнули, состояла не из друзей его, а из нужных ему людей. Но в стихи надо было углубляться, надо было их разбирать, извлекать из них мысли, отличные от мировоззрения всей компании. Потому и злился он на «левых», что те замечали, предавали гласности то, что он старался упрятать, сохранить в незаметности!

А как же его всеядность в похвалах самым разным поэтам? Вряд ли «русская» компания её одобряла?

Вряд ли. Но она могла относиться к этому как к чудачеству своего товарища. Морщилась, конечно: для чего было Смелякову хвалить Евтушенко, но и радовалась: прав Ярослав – Фирсов – поэт от Бога!

Не зря я охотился за книгой Николая Митрохина. Она убедительно показывает, что советский режим был загримированным нацизмом. Тех, кто пробовал выступить без грима, порой тоже преследовали, тоже, как я уже говорил, арестовывали, – такова судьба иных националистов. К примеру, членов Всероссийского социал-христианского союза освобождения народов (ВСХСОН), которых покарали очень жестоко. Лидер – выпускник восточного факультета Ленинградского университета И. В. Огурцов получил максимальный срок 15 лет лагеря, другой основатель союза лингвист М. Ю. Садо – 13. В будущем судьбы их разойдутся: Огурцов свяжет себя с «народно-патриотической» оппозицией, Садо войдёт в правление петербургского «Мемориала», несовместимого с ксенофобией. Ещё два основателя союза филолог Е. А. Вагин и юрист Б. А. Аверичкин будут осуждены на 8 лет, а выйдя на свободу, станут активистами радикальных националистических группировок. То есть союз

был сообществом идейно разнородных людей, но всё-таки большинство его членов тянулись или потянулись по выходе на свободу к национализму, как, к примеру, известный писатель Леонид Бородин, ныне главный редактор православно-ксенофобского журнала «Москва».

Конечно, как и пишет Митрохин, мы «должны помнить о героизме, с которым они выдержали свои сроки в нечеловеческих условиях». И всё же нельзя не согласиться с Митрохиным в том, что «эти люди сидели не затем, чтобы проведшие весь их срок в тепле и покое члены «русской партии» после крушения коммунистического режима рассказывали об ужасных гонениях ведомства Ю. Андропова против " патриотов», приводя в пример их имена».

Добавлю к этому, что само это карательное ведомство состояло из такого количества штатных и нештатных «патриотов», что странно было бы, если б оно устроило на них ужасные гонения! Как вспоминает один из лидеров «русской партии» С. Семанов, он консультировал и снабжал необходимой патриотической литературой пятерых помощников членов политбюро и среди них И. Синицына – помощника Андропова.

* * *

Однажды в газету «Литература» принесла запись своего урока московская учительница. Я стал читать и без труда расслышал, что говорит она с детьми голосом, каким, по выражению Маяковского, «заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло». Да и со мной она говорила тихо и очень благостно. Сообщила, что пришла к вере недавно, что в храме, куда она постоянно ходит, очень симпатичный ей настоятель, которому она многим обязана.

– И вот этому рассказу? – спросил я, показывая ей страницу из принесённой записи её урока. Она рассказывала детям о судьбе православной церкви при советской власти, о том, как убивали священников и разрушали храмы большевики и как всю эту вакханалию насилия остановил во время войны Сталин. Некому монаху, читал я, было видение. Точнее, явление Богородицы, которая в самые тяжёлые для СССР военные дни послала его к Сталину с наказом восстановить в России патриаршество и ни в коем случае не оставлять немцам два города – Ленинград и Сталинград! Монах отправился в путь, преодолел его без труда. Был принят и внимательно выслушан Сталиным, который немедленно связался с патриаршим местоблюстителем, митрополитом Московским и Коломенским Сергием и ещё с несколькими церковными иерархами, приказал созвать Архиерейский собор, чтобы выбрала Русская православная церковь патриарха, упразднённого было ещё в начале двадцатых после ареста Тихона, канонизированного ныне святого. Сергей и стал новым патриархом. А что до Ленинграда и Сталинграда, то как ни морили гитлеровцы ленинградцев голодом, как ни дрались за каждый сталинградский дом, оставив от города руины, захватить ни тот ни другой им не удалось. Все наказы Богородицы Сталин исполнил. И был вознаграждён – увенчан как победитель, как величайший в истории полководец.

– Вы от батюшки об этом слышали? – спросил я. Она посмотрела на меня и ответила вопросом на вопрос:

– А вы сами – верующий?

– Это к делу не относится, – сказал я. – Но я никогда не был в партии и с партией.

Она удивлённо взглянула на меня:

– А я была. И даже была парторгом школы. Но какое это имеет отношение к делу?

– Самое прямое! – ответил я. – Эпизод, о котором вы рассказывали детям, очень легко вписывается в «Краткий курс истории ВКП(б)». Это стилистика того же большевизма, того же сталинизма. Приправленных религиозностью.

– То есть вы не верующий! – подытожила она.

– Не верящий, – уточнил я, – басням об угодных Богу Ленине и Сталине. С чего бы это Богородицу стали волновать города, названные их именами? Ленин ненавидел религию, убивал священников, отнимал церковные ценности, разрушал храмы. А ему за это благодать Божья? Сталин с большим размахом продолжил это ленинское дело!

– О здравии Сталина, – услышал я, – православные люди молились до самой его кончины.

– В тюрьмах и лагерях, – отвечаю, – они о его здравии не молились.

– И этим, – в её голосе зазвучали обличительные нотки, – они нарушали волю патриарха!

Дальше пересказывать разговор с этой истовой верующей не буду. Да и привёл я его для того, чтобы показать, как нуждались бывшие парторги и многие рядовые коммунисты в новой идеологии после развенчания старой. И с какой ревностной готовностью бросились обслуживать новую.

Сегодня 2 августа – Ильин день. И одновременно праздник Воздушно-десантных войск, учреждённый, возможно, ещё в Советском Союзе. Какое, однако, блистательное совпадение. Как не объявить пророка Илию небесным покровителем десантников! Случайно ли именно в Ильин день установили праздник десантников светские власти или намеренно, теперь уже точно не ответишь. Но не объявлять же случайностью то, что шествия десантников возглавляют церковные иерархи, что освящают священники места сборищ этих солдат! Признают, стало быть, Илию небесным покровителем десантников – верный знак примирения нынешнего православного духовенства с язычеством безбожных властей, красноречивый признак готовности подчинить православие язычеству.

С детства помню: Ильин день – это Илия-Громоносный. «Илья пророк разъезжает по небу на огненной колеснице», – говорили крестьяне о частых грозах в этот праздник. Приметливый народ засекал смену времён года («Илья лето кончает, жито зачинает»), и соответственно погоды («Придёт Илья, принесёт гнилья», то есть дождей), но скажи в моём детстве кто-нибудь тем же крестьянам в Смоленской области, что Илья – покровитель воздушных десантников, не убеждён, что он сумел бы выстоять под градом насмешек, которые на него бы обрушились!

Каким именно воздушным десанникам покровительствует Илия? Только ли православным? Но тогда чем обусловлен его выбор? Ведь и Магомет в Коране возносит особую похвалу пророку Илии. А уж для иудеев ветхозаветный пророк Илия – посредник между Небом и землёй, который является благочестивым раввинам и мужам, чтобы сообщить им откровения Божии. И вообще что это за помесь христианства с греческой мифологией? Ведь если Илия, сумевший изобличить идолопоклонников, обратить погибающий от засухи народ к Богу и низвести тем самым на землю грозные дожди, покровительствует воздушным десанникам, то пророк Иона, послушавшийся Бога и уговоривший напуганных разыгравшейся из-за этого послушания страшной бурей мореплавателей выбросить его за борт, где был проглочен китом, – этот пророк, три дня и три ночи неустанно молившийся в китовом чреве Богу и вызволенный Им оттуда, должен быть объявлен покровителем подводников! Странно, что этого ещё нет!

Мне это напоминает казус, случившийся с моим университетским преподавателем, с которым мы впоследствии подружились, покойным ныне Владимиром Николаевичем Турбиным. Разбирая пушкинскую «Капитанскую дочку», он задумался о церковном грехе самозванца Емельяна Пугачёва, объявившего себя императором Петром Фёдоровичем:

«Непонятно, что должны были делать ангелы и святые в случае с Пугачевым, положим: святой Емилиан должен был хранить Емельяна; но исчез Емельян, и выходит, что теперь уже надо оберегать Петра? Но Петрами ведаёт Петр, апостол. (...) Емельян не должен был

превращаться в Петра и, бежав от покровительства одного святого, произвольно перекидываться к другому...»

Комизм этого рассуждения в том, что земные наши представления в нём серьёзным образом проецируются на Небо, и выходит, что апостолы – не только ученики Христа, избранные Им для проповеди Его учения, а святые не только канонизированы церковью за подвиги во имя веры, – они ещё заведуют некими отделами тёзок в небесной канцелярии!

Ничего кроме неловкости и раздражения не вызывали во мне телевизионные трансляции из современного клона взорванного в 1931 году храма Христа Спасителя.

Храм в своё время большевики не зря объявили твердыней мракобесия: именно здесь после октябрьского переворота патриарх Тихон всенародно предал советскую власть анафеме. В начале 30-х первым секретарём Московского горкома партии был Каганович. Ему и досталось руководить сносом. Возможно, он делал это с удовольствием. И всё же перекладывать только на одного Кагановича ответственность за взрыв этого храма – историческая ложь, замешанная на антисемитизме. Как и все остальные малые вожди, Каганович был подневолён, подчинён советскому диктатору. Без сталинского благословения он бы действовать не посмел: потерял бы голову!

Вот так же и Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе» призывает «выложить на откосах канала шесть фамилий – главных подручных у Сталина и Ягоды, главных надсмотрщиков Беломора, шестерых наёмных убийц, записав за каждым тысяч по сорок жизней: Семён Фирин. – Матвей Берман. – Нафталий Френкель. – Лазарь Коган. – Яков Раппопорт. – Сергей Жук». Люди эти, конечно, страшные, да и не люди они – нелюди. И всё-таки неужели не нашлось среди сталинских палачей, задумавших Беломоро-Балтийский канал, спроектировавших его, отдавших строительство в руки пламенных чекистов, людей со славянскими фамилиями? Стоило ли Александру Исаевичу патетически восклицать о том же Нафталии Френкеле: «Мне представляется, что он ненавидел эту страну»? Если б ненавидел, нашёл бы способ из неё удрать! Да и с чего бы ему было ненавидеть страну, в которой удалось так хорошо устроиться?

Что говорить? В кровожадных чекистах ходило немало евреев, поляков, прибалтов. Помимо русских, украинцев и людей других национальностей, конечно. Особенно много было там евреев в первые десять-пятнадцать лет существования советской власти, когда малые народы уравнили в правах с народом большим. Но вот передо мной книга-справочник «Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917–1991». Большого формата книга. 750 страниц. Вышла в Москве в 2003 году. Полистайте роспись структуры карательных органов при Ежове, Берии, Круглове, Дудорове, Меркулове, Абакумове, Игнатеве (это только сталинские наркомы и министры). Много вы найдёте там еврейских фамилий? О послесталинских органах и говорить нечего: там евреев почти нет. Куда же они подевались? Неужели, возненавидев страну, уехали, наконец, в вожделенную свою Палестину (Израиль)? Не уехали.

«Не так давно, – пишут в сетевом «Ежедневном журнале» (5 августа 2006 года) Андрей Солдатов и Ирина Бороган, – были опубликованы выдержки из инструкции № 00134/13 «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД СССР» (приказ № 00310 от 21 декабря 1938 г.). Инструкция содержит перечень основных признаков дегенерации, наличие которых необходимо проверять у кандидатов – от еврейской крови до косоглазия, причём документ ссылается на опыт Торквемады: «В средневековье, к примеру, органы инквизиции только по одному из вышеуказанных признаков (имеется в виду косоглазие) сжигали на кострах. А русский царь Пётр Великий издал указ, запрещающий рыжим, косым, горбатым давать свидетельские показания в судах. Эти исторические аксиомы необходимо применять в повседневной практике органов НКВД». Вот так! В день рождения тирана он преподносит себе подарок: объединяет людей еврейской крови с косо-

глазыми и горбунами, как недочеловеками, которым работать в карательных органах запрещено.

И что же? Легче стало русскому народу? Поутихли карательные? Как бы не так! По-прежнему хватали людей и по доносам, и по разнарядкам, отлавливали мнимых шпионов, выселяли целые народы, сажали вернувшихся из плена или угнанных немцами в Германию. Работа кипела. В том числе и по разрушению церковных храмов, которые сейчас восстанавливают с меньшей помпой, чем тогда, когда возводили железобетонную копию храма Христа Спасителя, откуда повели благостные репортажи праздничных церковных служб, которые лично у меня, повторяю, ничего кроме неловкости и раздражения не вызывали.

Ельцин и Черномырдин со свечками в руках притягивали к себе камеры операторов. Порой казалось, что ради них и их окружения затеяна церковная служба, что сам патриарх нет-нет, да и отвлечётся от неё, бросая украдкой взгляды на сановных гостей. Особенно это впечатление усилилось, когда стали показывать Путина. До него хотя бы никто не крестил лба, никто не кланялся благолепно, а при нём в подражание ему вся кремлёвская челядь пошла осенять себя крестным знаменем.

На вопросы журналистов он неизменно отвечал, что крещён с детства и будто бы чуть ли не с детства нёс в себе веру в Бога. То, что в детстве его могла крестить бабушка, сомнений не вызывает. Так без малейшего их желания да и просто понятия о том, что происходит, были крещены многие младенцы. Скорее всего, бабушка, пожелавшая крестить новорожденного Путина, не была женой того его дедушки, который работал поваром чуть ли не у самого Сталина. Всё-таки Путин родился в 1952-м – почти за полгода до смерти тирана, за кремлёвской обслугой следили в оба глаза: крещение детей не приветствовалось властями, и эта бабушка вряд ли взялась бы за опасное для мужа дело. Другая бабушка могла, конечно, принести в церковь новорожденного внука, стараясь, как все бабушки, скрыть это от властей. Удавалось такое далеко не всегда: священник, совершавший церковный обряд, обязан был сообщать в компетентные органы данные не только родителей, крестивших своих детей, но и сведения о тех, кто сочетался церковным браком или выразил желание похоронить родственника по христианскому обряду. Редко, но бывало, что священник совершал обряд тайно, в доме того, кого крестил, – я сам так крещён, правда, не в детском возрасте. Но это было уже церковным диссидентством, и шли на него немногие, не страшась проблем, которые могли возникнуть у них в отношениях с КГБ. Они и возникали. Ещё до того, как крестил меня молодой, чудесный, лучащийся добротой священник отец Дионисий, служивший в сельском храме Владимирской области, его избили на улице, а позже – в начале 80-х – избили так, что он слёг и уже не встал. Могли, стало быть, надеть крест на Путина-ребёнка. А то, что он не снял его с себя хотя бы в школьном возрасте, что он нёс или несёт в себе веру в Бога, маловероятно. Его же собственные рассказы и рассказы его биографов заставляют в этом усомниться.

Конечно, его увлечение в детстве романом Вадима Кожевникова «Щит и меч», его детское восхищение героем этого романа говорит только о том, что Бог обделил Путина художественным вкусом. Ничего особенно обидного для него в этом нет. Легко объяснимо возрастом и желанием подростка стать разведчиком, с которым он явился в компетентные органы, где ему посоветовали прийти, когда повзрослеет. Но, вербуя иностранцев (в случае с Путиным – восточных немцев), совращая чужие души, можно убеждать себя, что действуешь из патриотизма, однако совместить эти действия с исповедуемыми якобы тобою христианскими заповедями совершенно невозможно.

Да и не в том же показатель веры, что крестит лоб Путин в храме Христа Спасителя или в других храмах и монастырях, куда заходит, когда ездит по стране. Хотя, уж если говорить о внешней обрядности, то в храме положено не только лоб крестить, но целовать руку благословляющего тебя священника, а не пожимать её, как Путин патриарху, или троекратно лобызаться с ним. Патриарх, понятно, никогда ему об этом не скажет: побоится, постесня-

ется. Алексей II – бывший полковник КГБ, как утверждал священник Глеб Якунин, которого пустили при позднем Горбачёве в архив этого ведомства и который не стал делать тайны из тесного сотрудничества органов и церковных иерархов, за что был последними отлучён от церкви. (Быть может, учитывая подобные вещи, недавно («Московский комсомолец» от 23 сентября 2006 года) установили новые правила доступа к материалам уголовных дел жертв политических репрессий. Они или их прямые родственники могут узнать, за что пострадали сами или их отцы, деды. А вот историки, журналисты и даже не прямые родственники познакомятся с делом только с письменного согласия реабилитированного или его прямых наследников. Не согласятся – доступ в архив для историка закрыт! К тому же представьте, сколько нужно будет собрать справок правнукам, чтобы убедить чиновников, что перед ними прямые наследники. Не удивительно, что новый приказ о порядке доступа к архивам подписан министром внутренних дел и директором ФСБ. Удивителен третий подписант – министр культуры! Тоже, стало быть, озабочен тем, чтобы по возможности затуманить прошлое государственности!) Так вот, связанный, скорее всего, не по собственной воле с КГБ патриарх, так сказать, расстался со своим прошлым. И вовсе не хочет назад. Тем более что перспективы для православной церкви открылись нынче сияющие, сказочные. Сколько возвращено ей храмов, монастырей, драгоценной утвари! А сколько гектаров ценных угодий она просит отдать ей, считать их монастырскими. А какой фантастической поживой для иерархов оказалось предоставленное было церкви право беспошлинной торговли, беспошлинного ввоза товаров из-за границы. О владыке Гундяеве – митрополите Смоленском и Калининградском Кирилле, председателе отдела внешних церковных сношений – давно уверенно говорят чуть ли не как о миллиардере, и никто этого не опровергает. А главное, конечно, – это то свято место, какое освободилось в России с распадом компартии и какое претендует занять теперь православная церковь. Так что современные иерархи демонстрируют обычную в России сервильность перед сильными мира сего.

Другое дело, что прихожане знают, как подобает вести себя в храме, в частности, что в ответ на благословение надлежит целовать руку священника. А вот Путин, выходит, об этом не знает. С трудом поэтому верится в его религиозность. Заходил ли он в церковь не по службе, а по душевной потребности?

Показательно, как ответил он в телемосте на чей-то вопрос: легко ли он прощает людей? «С трудом!» – сказал он, а похолодевшие при этом его глаза просигналили: не прощает вообще, не может простить!

А ведь, как писал выдающийся православный богослов протоиерей Александр Шмеман, «прощение есть таинственный акт, которым восстанавливается утраченная целостность и воцаряется добро; прощение есть акт не законный, а нравственный. (...) Если мы прощаем друг друга, то и Бог прощает нас, и только в этой взаимной связности прощения нашего и прощения свыше очищается совесть и воцаряется свет, которого на глубине и ищет, и жаждет человек».

Верующий человек не просто наслышан о молитве, которую дал миру Христос, человек верующий наизусть знает эту Христову молитву. Каждый день наедине с собой ли или вслед за священником он повторяет: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим» – просит, по слову о. Александра Шмемана, «о нравственном очищении и возрождении, без которого не поможет в этом мире никакая законность».

«Может быть, – заключает Александр Шмеман, – страшная трагедия нашей эпохи, тех обществ, в которых мы живём, как раз в том, что они много говорят о законности и справедливости, много цитируют всевозможные тексты, но при этом в них почти совсем утрачена сила и нравственная красота прощения. Поэтому прошение молитвы Господней о прощении грехов тех, кто совершил против нас, нами и наших – Богом составляет, возможно, центр того нравственного возрождения, перед которым мы стоим в эту эпоху».

Хочу, чтоб меня правильно поняли: я не уличаю и не обличаю Путина. Неумение или нежелание прощать свойственно многим. Но неумение главы государства прощать приводит его (главу) к личной мстительности, к озлобленности, к науськиванию карательных органов на несогласных с ним. А, находясь под его защитой, карательные органы могут превысить любые свои полномочия ради нужного главе результата.

У меня нет никаких оснований не верить известному и уважаемому адвокату Борису Аврамовичу Кузнецову в том, что В. В. Путин «в деле «Курска» вёл себя в высшей степени достойно». Да, Кузнецов не скрывает, что на вопрос корреспондента американского телевидения: «Что же всё-таки случилось с атомной подводной лодкой «Курск»?», – ответ российского президента прозвучал как «не очень удачный»: «Она утонула...». Но, пишет Кузнецов, «видел его глаза на встрече с родственниками погибших моряков, он едва сдерживал слёзы. Поверил я президенту и тогда, когда все до единого обещания были им выполнены. Скорее всего, Устинов его обманул».

Дело, однако, не в том, что эта вошедшая в историю полуироническая фраза: «Она утонула...» неудачна. Она выразила реакцию президента на гибель вместе с подводной лодкой 118 членов её экипажа. Не буду вторить тем, кто считал, что президент должен был прервать свой отпуск в Сочи и направиться к месту трагедии. Но напомню, что на этом месте оперативно оказался Александр Руцкой, в то время губернатор Курской области. Скорее всего, с его стороны этот шаг был пиаром: он готовился к переизбранию. Поверить в истинное благородство его поступков после событий октября 93 года, когда генерал показал себя истериком и предателем, – довольно трудно. Однако не потому ли местная избирательная комиссия исключила Руцкого из списков претендентов чуть ли не за день до выборов губернатора, что тот опередил промедлившего с милосердием президента? А президент таких вещей не прощает.

Да, свидетельствует Б. А. Кузнецов, «катастрофа «Курска» и гибель моряков стала для президента, по его словам, личной трагедией». Эти слова Путин и в самом деле произнёс. И уволил через 15 месяцев после катастрофы 12 высших офицеров Северного флота. Правда, не за гибель «Курска» и его экипажа. Официально – «за упущения в организации повседневной и учебно-боевой деятельности флота». Среди уволенных – два адмирала: командующий Северным флотом Вячеслав Попов и начальник штаба флота Михаил Моцак. Восторжествовала справедливость? Сомневаюсь, что в этом убеждён и сам Борис Аврамович. Ему ли, опытному адвокату, не знать правил аппаратных игр номенклатуры? Попов стал сенатором – представителем в Совете Федерации от Мурманской области, а Моцака тот же Путин назначил первым заместителем полпреда президента в Северо-Западном федеральном округе.

Вот так: по одному и тому же эпизоду одних, непосредственно ответственных за гибель людей во время учений, которыми они руководили, пересадили в новые руководящие кресла, а другой – из Курска, немедленно прибывший на место трагедии подлодки «Курск», передавший родственникам погибшего экипажа соболезнования от курян, лишился губернаторского места.

Снимать кандидатуру за день до выборов – это верный шанс перекрыть кислород претенденту. Руцкой и среагировать толком не успел, как не имевший до этого никаких надежд на избрание коммунист Михайлов стал губернатором. Да ещё пнул предшественника: дескать, мы с Владимиром Владимировичем Путиным – люди русские, не как некоторые, у которых матери носят отчество Иосифовна. Намекнул, стало быть, что мать у бывшего губернатора, как выражается Куняев, «является еврейкой по этническому происхождению».

Не знаю, как отнёсся к такому интригующему сообщению Путин, но его доверия Михайлов не утратил. Что Путин и подтвердил, когда отменил выборность губернаторов. Посадил на Курск того же Михайлова. Правда, пришлось губернатору менять партийность, порывать с коммунистами, вступать в «Единую Россию». Но, как писал классик, «чтоб чины

добыть, есть разные каналы». А этот при нынешнем президенте наиболее надёжен: Путин и не скрывает, какой партии благоволит.

Я уже говорил, что президент утвердил новый избирательный закон, принятый Думой, – отныне голосовать только за партийные списки. Поскольку партий как таковых в России нет, а есть только какие-то верхушечные, непонятные простому обывателю группы, то ясно, что тем самым узаконено всевластие «Единой России», которой, глядишь, и премьер-министра будет разрешено выдвигать как правящей партии (подобно коммунистической в бывших странах так называемой народной демократии, где другие в союзе с ней были, как выражаются сейчас, виртуальными; Путин, служивший разведчиком в покойной Германской Демократической Республике, хорошо осведомлён о подобном союзе). А премьер-министром после окончания второго президентского срока Путина он, глядишь, и станет (об этом говорят довольно громко), взяв себе большинство полномочий президента, чтобы потом их ему вернуть, пропустив четыре года и снова будучи избран президентом. И волки (вся президентская рать) сыты, и овцы (все нынешние служивые) целы, и конституционные нормы вроде соблюдены: не надо, как о том умоляют Путина иные губернаторы, президенты республик и многие депутаты разных уровней, уподобляться ему белорусскому «батьке» и другим уже неевропейским диктаторам.

Но закон этот начинает действовать со следующих выборов, а пока имеются ещё в Думе независимые депутаты, избранные по одномандатным округам. Что делать, если они выбывают по каким-либо причинам (умирают, сдают мандат для исполнения другой должности)? Выбирать по старым правилам, что же ещё! Вот так и получилось, что среди других кандидатов в депутаты в Москве по одному округу подал на регистрацию подследственный Михаил Ходорковский, а по другому подследственный Владимир Квачков.

О Ходорковском я здесь уже писал. К нему, сделавшему свой бизнес прозрачным, путинская администрация вместе с президентом особенно непримиримы. Били по нему из всех возможных идеологических орудий. Даже советский опыт дискредитации диссидента – Сахарова, например, или Солженицына переняли: опубликовали в подконтрольной Кремлю печати открытое письмо «Вор должен сидеть в тюрьме», подписанное известными актёрами, врачами, спортсменами (в награду большинство подписантов получило место в созданной наспех Общественной палате). Однако против права подследственного избираться в депутаты и в качестве такового выходить на свободу защищённым депутатской неприкосновенностью возразить нечего. Есть у подследственного такое право. (Так в своё время вышел на свободу Сергей Мавроди, обокравший много тысяч людей на много миллионов долларов.) Но зато нет такого права у заключённого. Ходорковский и по нынешним опросам один из популярных людей в России. Так что рисковать не стали. Тянули, тянули прежде с его осуждением, а здесь – мгновенно: суд, срок, тюрьма, лагерь.

Отставной полковник ГРУ Владимир Квачков организовал покушение на Чубайса. Взрыв прогремел, Чубайс уцелел, а Квачков с подельниками отправились в камеры предварительного следствия. Предъявленное обвинение – организация террористического акта. Борьба с терроризмом – любимый, кажется, конёк президента. Вон даже Антитеррористический комитет создали во главе с председателем ФСБ Патрушевым!

Но в данном случае препятствовать Квачкову не стали: пусть баллотируется! Не воспрепятствовали и публикации его предвыборной программы в газете «Завтра». Программу отличает звериная злоба ко всем иностранцам вообще и евреям в частности. Это ли обстоятельство или то, что Квачков хотел убить ненавистного многим ещё со старых времён Чубайса, подвигло избирательную комиссию 199 Преображенского округа Москвы единогласно зарегистрировать Квачкова кандидатом в депутаты. Депутатом он не стал, но получил такое количество голосов, что потребовал пересчёта: настолько мизерным показался ему объявленный отрыв от него победителя.

Пересчитывать не стали, но на ус относительно ксенофобских настроений большой части населения намотали. Точнее, продолжают наматывать.

Вот, наконец, появился на президентском сайте закон № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Президент подписал его 27 июля 2006 года.

* * *

Итак, отныне государство будет реагировать на «публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединённую с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке».

По правде сказать, пришлось долго всматриваться и вдумываться в текст, чтобы понять что он значит. Мешает мне слово «замещающего». Или это описка? Надо «занимающего»? Но ведь не где-нибудь, а на президентском сайте текст закона вывешен: я перенёс его оттуда к себе, не изменив в нём ни буквы! И, Господи, как он изложен: публичная клевета в отношении лица, соединённая с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в статье... Это сколько же людей трудились над умерщвлением языка: Комитет по законодательству Госдумы во главе с бывшим министром юстиции Павлом Крашенинниковым плюс Комитет по конституционному законодательству в Совете Федерации во главе с бывшим депутатом Мосгордумы, ныне представителем Эвенкии в СФ Юрием Шарандиным плюс аппарат обоих комитетов плюс аппарат соответствующего отдела в администрации президента плюс помощники президента. Не помню, кто из сталинских монстров – Жданов или Маленков говорил, что им нужны современные Гоголи и Щедрины. Но он-то, скорее всего, имел в виду сатирическую манеру писателей. А вышло, как видим, что востребованным оказался стиль какого-нибудь циркуляра канцелярии щедринского градоначальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.